

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Къ исторіи первыхъ людей. Первоначальное состояніе чело-
вѣка и его грѣхопаденіе (окончаніе) Священ. Гр. Дьяченко.

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I
и идея Священнаго союза (продолженіе). Профессора. Импе-
раторскаго Харьковскаго университета В. Надлера.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ. Профессора Кіевской духовной
академіи П. Линицкаго.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго
міросозерцанія древней Греціи (продолженіе) И. Норсунскаго.

Письма философа Сенени (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Епархіаль-
ныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—
Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ ВѢры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „ВѢра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Іюня 15 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

КЪ ИСТОРИИ ПЕРВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ЕГО ГРѢХОПАДЕНІЕ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА II.

ГРѢХОПАДЕНІЕ ПЕРВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Чтобы понять важность преступленія нашихъ прародителей, такъ печально повліявшаго на все происшедшее отъ нихъ человечество, мы должны припомнить здѣсь, въ чемъ состояла заповѣдь Божія, данная въ раю, и постараться уяснить себѣ, какое значеніе имѣло нарушеніе ея. Это уже потому необходимо, что важность всякаго преступленія и вытекающихъ изъ него наказанія и мѣръ исправительныхъ всегда измѣряется свойствомъ и важностью нарушеннаго закона.

Бытописатель такъ передаетъ эту заповѣдь: „И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго древа въ саду ты будешь ѣсть; а отъ древа познанія добра и зла не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь“ (Быт. II, 16—17).

У размышляющаго объ этой заповѣди само собою возникаютъ вопросы: какая цѣль этой заповѣди? есть-ли соотвѣтствіе между преступленіемъ первой заповѣди и наказаніемъ?

Отвѣчая на первый вопросъ касательно цѣли заповѣди, мы должны прежде всего сказать, что всякое проявленіе воли Божіей людямъ имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія премудрую и всеблагую цѣль. По руководству отцовъ и учителей Церкви и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. 1884 г. № 10.

указанію здраваго разума можно указать слѣдующую цѣль этой заповѣди: давая человѣку заповѣдь, Господь желалъ поставить созданнаго Имъ человѣка *въ нормальныя отношенія къ Себѣ, его Творцу*. Первое нормальное отношеніе человѣка къ Богу должно состоять въ любви перваго къ Послѣднему, какъ Виповнику его бытія и блаженства. Получивъ отъ Бога заповѣдь, которая дозволяла человѣку вкушать отъ всѣхъ плодовъ рая, за исключеніемъ только плодовъ съ древа познанія добра и зла, онъ долженъ былъ самымъ легкимъ и нагляднымъ путемъ придти къ мысли о томъ, что Богъ есть Источникъ его блаженства, и проникнуться къ Нему чувствомъ благодарности и, какъ естественнымъ слѣдствіемъ его—любовію.

Второе правильное отношеніе человѣка къ Богу состояло въ безусловномъ послушаніи перваго Послѣднему, какъ своему Законодателю. Первые люди, какъ мы видѣли выше, были надѣлены высокими духовными дарованіями, между которыми даръ свободной воли, какъ способность къ той или другой дѣятельности—святой или грѣшной, занимаетъ первое мѣсто. Но эта способность самоопредѣленія, какъ и всякая духовная сила, для своего возрастанія и укрѣпленія нуждалась въ упражненіи. Отсюда понятна необходимость первой заповѣди, представлявшей для свободы человѣка самый цѣлесообразный матеріалъ для упражненія. Въ ней онъ получилъ предметъ, чрезъ обращеніе съ которымъ, или чрезъ такое или иное опредѣленіе себя къ нему, онъ упражнялъ свой драгоценный даръ свободы. Поставляя себя всегда въ одинаковыя правильныя отношенія къ заповѣди, человѣкъ мало-по-малу могъ-бы получить навыкъ послушанія волѣ Божіей. А этотъ навыкъ долженъ былъ служить основаніемъ, на которомъ возможно было существованіе и продолженіе дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія человѣка до предѣла, назначеннаго для креатурныхъ разумно-нравственныхъ существъ. Только тогда человѣкъ могъ-бы подъ руководствомъ Божественнаго Существа развиваться и стремиться къ своему первообразу, если-бы онъ *научился повиноваться волѣ Божіей*, безусловно слѣдовать всѣмъ велѣніямъ Божественнаго Разума, хотя-бы они и превышали его ограниченный разумъ.

Третье нормальное отношеніе человѣка къ Богу, которое устанавливала между ними заповѣдь, требовало признанія со стороны человѣка своей ограниченности и зависимости отъ Бога, какъ своего Творца и Владыки. Человѣку подчинена была вся ви́шняя природа, онъ поставленъ былъ отъ Бога царемъ земли; его воля ни въ чемъ не находила себѣ преградъ; его Творецъ и Господь былъ Существомъ духовнымъ, невидимымъ, которое только по временамъ снисходило до явленія человѣку въ томъ или другомъ видимомъ образѣ. При такомъ царственномъ отношеніи къ природѣ человѣка, не предстояла-ли для него опасность развить въ себѣ величайшій духовный порокъ—гордость, предаться эгоизму и дойти до отрицанія своего Творца и впасть въ самообольщеніе,—опасность, которая несомнѣнно существуетъ въ духовномъ мірѣ, которая нѣкогда погубила свѣтлаго, украшеннаго высокими духовными дарованіями, ангела, отпавшаго чрезъ гордость отъ Бога и сдѣлавшагося діаволомъ? Только одна заповѣдь, требовавшая отъ человѣка безусловнаго послушанія Богу, подъ страшною угрозою обратиться въ ничтожество—умереть, могла отклонить эту опасность и удержать человѣка въ должныхъ границахъ и правильныхъ отношеніяхъ къ Богу.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію втораго выставленнаго нами вопроса о соотвѣтствіи между нарушеніемъ заповѣди и наказаніемъ за нее. Мы уже видѣли, что исполняя первую заповѣдь, человѣкъ этимъ показывалъ, что онъ любитъ Бога, послушенъ Его святой волѣ, готовъ всегда слѣдовать Божественному водительство, сознаетъ свою зависимость отъ Бога и признаетъ Его виновникомъ своего бытія и блаженства. И наоборотъ, нарушеніе заповѣди, данной первымъ людямъ въ раю, доказывало-бы, что они любятъ себя, а не Бога, послушны своей эгоистической волѣ, а не Божіей, считаютъ себя, а не Бога, центромъ своей жизни и блаженства, словомъ, считаютъ себя независимыми и равными Богу. Такимъ образомъ, сила преступленія первыхъ людей, въ случаѣ нарушенія ими первой заповѣди, заключалась-бы въ томъ, что они чрезъ вкушеніе отъ запрещеннаго дерева, съ которымъ непосредственно соединена была воля Божія, отпали-бы отъ Бога, усумнившись

въ Его всемогуществѣ и благодати, и поставили-бы вмѣсто Бога себя центромъ жизни. Поэтому и наказаніе, которое назначено Богомъ за возможное нарушеніе заповѣди, вполне соответствуетъ сему послѣднему.

„Богъ угрожаетъ человѣку смертію не какъ отмщеніемъ, но какъ естественнымъ слѣдствіемъ преступленія и отпаденія. Жизнь и свѣтъ человѣка были въ Богѣ (Іоан. 1, 4), уклоненіе отъ воли Божіей было отчужденіемъ отъ жизни Божіей. (Еф. IV, 18): что-же оставалось человѣку, кромѣ смерти?“ *)

Конечно, если-бы послѣ грѣхопаденія человѣка послѣдовало раскаяніе и обращеніе къ Богу, тогда Господь, по своей благодати, или простилъ-бы человѣка безъ наказанія, или послѣ того или другаго наказанія, какое было-бы указано Его премудростью, снова возвратилъ-бы грѣшника къ Себѣ. Но коль скоро человѣкъ не раскаялся въ своемъ грѣхѣ, какъ и случилось, коль скоро онъ даже упорно отказался возвратиться къ Источнику жизни, послѣ того какъ Богъ располагалъ его къ покаянію,—что другое должно было явиться слѣдствіемъ грѣха Адама, какъ не смерть, которая въ свою очередь есть неизбѣжное слѣдствіе удаленія его отъ Источника жизни?

Такова была первая заповѣдь, данная Богомъ нашимъ пра-родителямъ. Въ томъ или другомъ отношеніи къ ней заключалась для нихъ возможность грѣхопаденія. Но самый фактъ грѣхопаденія далеко не объясняется существованіемъ положительной райской заповѣди: въ ней только дана одна возможность паденія, но отъ возможности до дѣйствительности еще далеко. Что-же склонило волю первыхъ людей, невинныхъ и святыхъ, къ нарушенію такой легкой и естественной по своей цѣлесообразности Божіей заповѣди? Священное Писаніе указываетъ на діавола, какъ на искушителя первыхъ людей. Онъ начинаетъ съ того, что своимъ демонски-хитрымъ вопросомъ, подлинно-ли сказалъ Богъ: не ѣшьте плодовъ ни съ какого дерева въ саду? поселяетъ въ душѣ Евы грѣховное сомнѣніе на счетъ того, не извратилъ-ли изъ какихъ-либо побужденій мужъ ея смысла заповѣди Божіей. Діаволь избралъ такой моментъ, когда Ева (какъ можно догадаться на основаніи ея

*) Записки на кв. Быт. стр. 44.

отвѣта: „и не прикасайтесь къ нему“, въ которомъ явственно выступаетъ наружу зародившееся въ глубинѣ ея сердца неудовольствіе на запрещеніе) начала уже тяготиться трудностью заповѣди. Грѣховное сомнѣніе на счетъ воли Божіей, разъ оно допущено свободной волею человѣка, развилось въ немъ до такой степени, что только страхъ великаго наказанія могъ его удержать еще отъ нарушенія заповѣди. Это показываетъ великая сила грѣха и быстрый ростъ его въ душѣ человѣка, лишь только онъ допустилъ его до себя. Діаволь замѣчаетъ это опасное состояніе души нашей прародительницы и пользуется имъ съ успѣхомъ, когда своею дерзкою ложью: „нѣтъ, вы не умрете!“ отнимаетъ и послѣднюю опору сомнѣвающейся души—страхъ наказанія. Послѣ этихъ словъ началась, несомнѣнно, сильная борьба въ душѣ Евы, печальнаго исхода которой едва-ли можно было теперь избѣжать. Но чтобы окончательно обезпечить за собой успѣхъ и склонить Еву на преступленіе, діаволь начинаетъ клеветать на Бога, Который, будто-бы изъ зависти къ людямъ, запретилъ имъ вкушать отъ древа познанія добра и зла, чтобы не сдѣлать ихъ причастниками своего Существа и не сообщить имъ высочайшаго божескаго вѣдѣнія—знать добро и зло. Такимъ образомъ умъ Евы, которому діаволь сулилъ неизмѣримый горизонтъ познанія добра и зла, былъ поколебленъ на счетъ дѣйствительности заповѣди; воля ея, которой обѣщана полная безнаказанность, ослаблена, и сердце ея, которому діаволь сулилъ богоподобную будущность: „вы будете, какъ Боги“, было отравлено недовѣріемъ къ Богу.

Такъ обезсилены и подорваны были всѣ духовныя способности демонскою хитростію сатаны. Еще одинъ шагъ,—и роковой шагъ будетъ сдѣланъ. Сѣмя грѣха, зародившееся въ духовной сферѣ человѣческаго существа, весьма скоро возросло и достигло другой чувственной стороны человѣческаго состава—плоти: запрещенный плодъ показался добрымъ въ смѣдъ и пріятнымъ для глазъ. Когда и въ этой низшей области совершилось возмущеніе и возстаніе противъ нравственнаго закона, даннаго въ заповѣди, произошло великое печальное событіе, имѣвшее такое гибельное всемірное значеніе: Ева согрѣ-

шила; вкусила запрещенный плодъ и предложила сдѣлать тоже своему мужу, который, ободренный примѣромъ жены и видимою ея безнаказанностью, и согласился на это безумное предложеніе. Первые люди пали съ высоты святости, на которой они находились; утратили блаженство, которымъ до сихъ поръ наслаждались; порвали тѣсный союзъ, въ которомъ до того пребывали съ Богомъ.

Посмотримъ теперь, насколько было велико грѣхопаденіе нашихъ прародителей.

Св. Писаніе уже въ одномъ грѣховномъ желаніи Евы вкусить отъ запрещеннаго плода видитъ тройственную похоть и называетъ ее корнемъ всякаго беззаконія. (I Іоан. 2, 16). Женѣ показалось, что это дерево хорошо въ пищу—въ этомъ высказалась ея похоть плотская, злоупотребленіе чувственною стороною природы. На этомъ стремленіи угождать плоти коренится множество пороковъ—неумѣренность въ пищѣ и питьѣ, т. е. обжорство, пьянство, затѣмъ блудъ, прелюбодѣянiе и т. п. пороки и мерзости предъ Богомъ, о которыхъ ап. Павелъ не совѣтуетъ даже и говорить. Дерево показалось пріятнымъ для очей—въ этомъ высказалась похоть очесъ. Что такое глаза? Это главный органъ, чрезъ который духовно - чувственное существо, каковымъ является человѣкъ, доставляетъ себѣ главнѣйшія познанія о видимомъ мірѣ, о разнообразныхъ и многочисленныхъ формахъ растительной и животной жизни; чрезъ этотъ органъ человѣкъ ставитъ себя въ тѣ или другія отношенія къ міру и его явленіямъ. На этой любви къ міру, какъ на основаніи, коренятся многочисленные и разнообразные пороки, начинающія отъ злоупотребленія предметами внѣшняго міра для украшенія себя и кончая грубымъ обоготвореніемъ силъ и явленій.

На основаніи библейскихъ словъ о грѣховномъ желаніи Евы: „вождемъ для того, что даетъ знаніе“—можно безошибочно заключить о третьей грѣховной похоти—о гордости житейской. Стремленіе человѣка къ знанію и притомъ горделивому, отрицающему существованіе Бога и духовный міръ, оканчивается самоувѣніемъ, гордостью ума и сердца, признающихъ одинъ только міръ физическій и ставящихъ центромъ этой жизни,

вѣнцомъ ея—человѣка, который въ пантеистическихъ и материалистическихъ системахъ обоготворяетъ самого себя. Когда совершилось самое паденіе чрезъ вкушеніе отъ запрещеннаго плода, тогда человѣкъ вмѣсто Бога поставилъ себя центромъ жизни и счастья, и любовь свою, которая должна была исключительно относиться къ Богу, перенесъ на себя и міръ. Кроме того, здѣсь не только совершилось прямое непослушаніе волѣ Бога, но и самая воля Его отрицалась, какъ нѣчто враждебное человѣку. Впадши въ грѣхъ неповиновенія Богу или послушанія (Рим. V, 19), наши прародители нарушили *весь нравственный законъ*, который въ своемъ существѣ есть не что иное, какъ воля Божія. Еще болѣе мы поймемъ всю важность грѣха нашихъ прародителей, если обратимъ вниманіе, скажемъ словами нашего знаменитаго богослова, высокопреосвященнаго митрополита Макарія, „на количество частныхъ грѣховъ, заключающихся въ грѣхѣ прародителей. Здѣсь заключались: а) гордость, потому что прародители прежде всего увлеклись обѣщаніями змія: будете, яко бози; б) невѣріе, потому что не повѣрили словамъ Божиимъ: смертію умрете; в) отступничество отъ Бога и переходъ на сторону врага Его, діавола, потому что не послушались Бога, а послушали оболъстителя и повѣрили дерзкой клеветѣ его, будто Богъ по зависти или недоброжелательству запретилъ имъ вкушать отъ извѣстнаго древа; г) величайшая неблагодарность къ Богу за всѣ Его чрезвычайныя милости и щедроты“. Такимъ образомъ, первые люди совершили грѣхъ и тѣмъ подвергли себя и свое потомство всѣмъ печальнымъ его послѣдствіямъ. О грѣхѣ, какъ о величайшемъ нравственномъ преступленіи противъ Бога, мы находимъ въ высшей степени глубокомысленное и мѣткое сужденіе одного русскаго апологета, которое мы и позволимъ себѣ здѣсь привести. „Грѣхъ, по христіанскому воззрѣнію, не есть одно только нарушеніе божественнаго закона или беззаконіе, хотя, безъ сомнѣнія, онъ есть и это; но онъ не есть только это, — не есть только, такъ сказать, юридическое зло. Грѣхъ есть не только оскорбленіе божественной правды, но вмѣстѣ измѣна божественной любви со стороны человѣка, нарушеніе имъ вѣрности въ отношеніи къ Богу, произвольное попраніе священ-

наго союза съ Богомъ. Черезъ грѣхъ человѣчество, въ глубинѣ своей свободной воли, возстало противъ Бога, своего Творца, одарившаго человѣка всѣми благами и важнѣйшимъ изъ нихъ—образомъ и подобіемъ Божиимъ. Изъ такого взгляда на грѣхъ вытекаетъ библейское ученіе о чрезвычайной преступности грѣха и крайней тяжести его послѣдствій для судьбы человѣчества. Въ этомъ отношеніи библейское воззрѣніе на грѣхъ представляетъ замѣчательный контрастъ съ болѣе или менѣе снисходительными, извиняющими и поблажающими взглядами на него древней філософіи и морали, гдѣ онъ опредѣляется большею частію какъ нравственный порокъ, являющійся вслѣдствіе несовершенствъ человѣческой природы. По библейскому взгляду грѣхъ—не просто порокъ или нравственное, хотя-бы и тяжкое, преступленіе, но вмѣстѣ и религіозное злодѣяніе, по скольку онъ есть оскорбленіе божественной правды и любви. Величіе этого преступления возрастаетъ до безконечной степени, когда мы припомнимъ, на какую высоту общенія съ Богомъ возвышенъ былъ благодатію первый человѣкъ и какъ безконечно онъ былъ обязанъ Богу. Черезъ грѣхъ человѣкъ въ такой степени утратилъ богодарованное ему достоинство, что для него нужно было „второе рожденіе“ или духовное возрожденіе, чтобы возстановить права, принадлежащія ему, какъ члену расторгнутаго имъ союза съ Богомъ (Рим. VII, VIII; ср. 1 Петр. IV, 3, 4). При такомъ пониманіи грѣха является совершенно понятнымъ и библейскій взглядъ на него, какъ на первичную причину не только нравственнаго, но и такъ называемаго фізическаго зла. Мірѣ, какъ твореніе Божіе, какъ выраженіе божественной мысли, самъ по себѣ представляетъ полную и стройную гармонію красоты и блага. Духъ, нарушающій законъ божественной правды и измѣннически отпадающій отъ божественной любви, становится по необходимости въ состояніе вражды съ Божіею мыслию, съ логикою и гармоніею мірозданія и, слѣдовательно, нисходитъ въ состояніе *страданія*. Высшее или полнѣйшее выраженіе этого страданія, проходящаго черезъ всю земную жизнь человѣка отъ самой легкой неприятности до нестерпимаго горя, есть смерть. Каждый человѣкъ, какъ должникъ грѣха, по необходимости есть должникъ страданія... Зло

необходимо само себя наказываетъ по неотразимому закону логики. Страданія и смерть суть логическія послѣдствія грѣха, которымъ человѣкъ добровольно извратилъ логику нормальныхъ своихъ отношеній къ Божию міру“ *).

Теперь спросимъ словами другаго нашего богослова: „не кончилась-ли исторія, только что начавшаяся? Нѣтъ. Воля человека уклонилась отъ плана Творца и отъ закона творчества, но Творецъ не оставилъ дѣла рукъ Своихъ. Грѣхъ человека предвидѣнъ прежде созданія міра, и отъ вѣчности преобъядается“ **).

Уже падшему человѣку открыта была спасительная надежда о Сѣмени Жены, или о будущемъ Спасителѣ міра. Затѣмъ, черезъ весь длинный періодъ религіозно-правственной жизни до христіанскаго міра, идетъ, почти не прерываясь, рядъ божественныхъ откровеній и разныхъ воспитательныхъ мѣръ, при помощи которыхъ человѣчество медленно, но вѣрно, безъ нарушенія свободы человека, приготовлялось къ принятію спасенія въ христіанствѣ ***).

Мы изложили библейское ученіе о грѣхопадѣніи прародителей. Всякій безпристрастный изслѣдователь признаетъ въ немъ полное соотвѣтствіе требованіямъ своего разума и сердца. Но не смотря на это, есть такіе истолкователи Св. Писанія, которые, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ философскихъ гипотезъ, иначе смотрятъ на грѣхъ и его происхожденіе и высказываютъ свои недоумѣнія по поводу библейскаго ученія о грѣхопадѣніи, перетолковываютъ его или даже совсѣмъ отвергаютъ. Остановимся коротко на разсмотрѣніи этихъ недоумѣній, перетолкованій и отрицаній.

Такъ, по поводу библейскаго разсказа о грѣхопадѣніи, нѣкоторые спрашиваютъ: почему Богъ сотворилъ человека съ возможностью паденія? Другими словами: отчего Богъ не создалъ

*) „Христ. антогетика,“ проф. Рождественскаго, т. II, стр. 311—12.

**) „Твореніе міра и человека.“ Протопресвитера И. Сергіевскаго.

***) О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства мы печатаемъ въ духовн. журн. „Прав. Обзор.“ за 1884 годъ особое подробное изслѣдованіе, гдѣ при свѣтѣ Св. Писанія, отечественныхъ твореній, всеобщей исторіи и философіи дѣлаемъ попытку научно изложить этотъ важный въ хр. богословіи вопросъ.

его такимъ, чтобы онъ не могъ подвергаться грѣху? Если Богъ сотворилъ человѣка съ возможностью, уклоненія къ грѣху, то не виновенъ ли Онъ въ немъ хотя косвеннымъ образомъ? Мы смѣло отвѣчаемъ: нѣтъ! Ибо для того, чтобы создать человѣка, который не могъ бы пасть, нужно было или сотворить человѣка несвободнымъ существомъ, или свободнымъ, но сразу достигшимъ того совершенства свободы, при которой невозможно было бы злоупотребленіе ею, или, наконецъ, существомъ всесовершеннымъ. Что касается перваго предположенія, то оно потому уже несостоятельно, что ставить предѣлы творческой волѣ любящаго и всеблагаго Бога. „Движимый безпредѣльною любовію, Богъ желалъ, чтобы существовали не одни только бессознательные почитатели божественныхъ совершенствъ, но чтобы существовали сознательные и разумные участники въ Его жизни и блаженствѣ. Онъ желалъ видѣть въ твари не рабское только и бессознательное служеніе Себѣ по необходимости, но разумное и свободное служеніе по любви. Любвеобильный, Онъ хочетъ, сколько возможно, приблизить къ Себѣ тварь: творить существа, способныя къ такому высокому союзу; создавая ихъ по Своему образу, даетъ имъ возможность уподобляться Ему и соединяться съ Нимъ въ блаженномъ и святомъ общеніи любви. Въ образѣ Божіемъ заключается и высочайшая любовь Божія къ созданнымъ по Нему и высочайшее величіе и блаженство самихъ созданныхъ. Существенныя черты образа Божія суть разумъ и свобода. Они суть высшія проявленія творческой жизни. Поэтому, если бы Богъ не сотворилъ разумно-свободныхъ существъ, то творческая любовь Его проявилась бы не во всей силѣ и міръ не былъ бы прекраснѣйшимъ. Благость побуждала Бога сотворить наилучшее, а наилучшее въ мірѣ есть духовная жизнь, высшія проявленія которой суть разумъ и свобода. Эта жизнь есть нѣчто богоподобное, нѣчто божественное въ мірѣ. Неужели кто осмѣлится обвинять Бога въ недостаткѣ любви и благости за то, что Онъ создалъ существа съ такою жизнію?“ *)

Что касается втораго предположенія, по которому созданіе свободныхъ существъ безъ возможности ихъ грѣхопаденія мы-

*) „Любовь Божественная, спасающая.“ А. Бѣляевъ стр. 263.

слимо только въ томъ случаѣ, чтобы они сразу, въ моментъ своего созданія, достигли высшей степени свободы, то и оно также не можетъ устоять предъ здравымъ сужденіемъ. Свобода есть нравственная сила, которая, какъ такая, достигается *собственными и самостоятельными усиліями* и дѣятельностью сотвореннаго существа, надѣленнаго свободою. Чтобы достигнуть послѣдней предѣльной степени развитія, разумно-свободное существо должно пройти промежуточныя ступени развитія: низшія и среднія. И это прохожденіе должно быть сдѣлано собственными усиліями. Иначе свобода превратится въ необходимость; въ ней не будетъ ни жизни, ни развитія; само разумно-свободное существо не можетъ цѣнить такого совершенства свободы, которая дана ему какъ нѣчто готовое и внѣшнее; оно будетъ смотрѣть на такую свободу, какъ на рабство. Вотъ почему даже свобода такихъ высшихъ духовныхъ существъ, какъ ангелы, и та была и есть ограничена и подлежала закону духовнаго роста. И слово Божіе открываетъ намъ, что въ этотъ періодъ развитія и достиженія той ступени совершенства, на которой невозможно уже паденіе и на которой стоятъ въ настоящее время ангелы, случилось злоупотребленіе свободой въ средѣ духовъ безплотныхъ, произошло таинственное грѣхопаденіе нѣкоторыхъ ангеловъ, которые образовали собою царство темныхъ духовъ, царство сатаны.

Наконецъ, высказанное предположеніе, что Богъ тогда-бы могъ сотворить человѣка безъ возможности грѣхопаденія, когда-бы создалъ его существомъ всесовершеннымъ, заключаетъ уже въ самомъ себѣ противорѣчіе и должно быть отброшено, какъ несостоятельное: если человѣкъ созданъ Богомъ, то онъ не можетъ быть существомъ всесовершеннымъ. Такимъ образомъ недоумѣніе: почему Богъ создалъ человѣка съ возможностью грѣхопаденія, разрѣшается тѣмъ, что Богу было такъ угодно,—что создать человѣка, надѣленнаго разумомъ и свободою и лишить его возможности грѣшнить—дѣло невозможное, противорѣчащее законамъ разума, которыми премудрый Богъ, какъ высшій разумъ, руководится въ Своей творческой дѣятельности. Второе недоумѣніе, являющееся по поводу библейскаго разсказа о грѣхопаденіи, состоитъ въ томъ: ка-

кая цѣль была допущенія искушенія первыхъ людей со стороны діавола, который, какъ высшій духъ, могъ соблазнить людей, что, безъ сомнѣнія, всевѣдущій Богъ и предвидѣлъ? Не является-ли поэтому, хотя косвеннымъ образомъ, Богъ виновникомъ грѣхопаденія людей?

Прежде всего замѣтимъ, что хотя-бы нашъ слабый умъ и не понималъ цѣли того или другаго дѣйствія Божія, мы не должны на этомъ основаніи отвергать, сообщаемое въ Словѣ Божіемъ, событіе или перетолковывать смыслъ его, или требовать у Бога отчета въ Его дѣйствіяхъ. Мы съ глубокимъ смиреніемъ должны въ случаяхъ нашего недоумѣнія припомнить слова св. ап. Павла: „О, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко не испытани судьбы Его, и неизслѣдовани путіе Его. Кто-бо разумѣ умъ Господень? или кто совѣтнѣтъ Ему бысть?“ (Рим. 11, 33).

При свѣтѣ того-же Слова Божія попытаемся устранить, насколько возможно, недоразумѣніе по поводу цѣли искушенія, допущеннаго Богомъ по отношенію къ нашимъ прародителямъ.

Богъ, какъ всевѣдущее Существо, какъ Творецъ міра и человѣка, не могъ не знать, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ твореніе его рукъ: Ему отъ вѣка извѣстны во всей подробности жизнь и дѣятельность каждаго Его творенія. Слѣдовательно, нельзя допустить того, чтобы Богъ подвергалъ человѣка искушенію для того, чтобы убѣдиться, какъ отнесется къ этому искушенію человѣкъ: выдержитъ-ли или падетъ подъ силою его. Если-же Онъ допускаетъ испытаніе человѣка, то какъ показываетъ Библія, это дѣлается или для нравственной пользы самого человѣка, который искушеніемъ въ образѣ посылаемыхъ бѣдствій очищается отъ разныхъ пороковъ и еще больше укрѣпляется въ своей любви къ Богу, многократный примѣръ чего можно видѣть въ жизни избраннаго народа Божія какъ въ періодъ его сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ, такъ и во время судей и царей,—или для цѣлаго человѣческаго рода, который въ томъ или въ другомъ праведникѣ, вышедшемъ побѣдителемъ послѣ искушенія, долженъ видѣть примѣръ для подражанія — примѣръ твердой вѣры въ Бога. Таковъ Авраамъ, приносящій въ жертву свое-

го сына Исаака и тѣмъ сдѣлавшійся отцемъ вѣрующихъ,—или для посрамленія и окончательнаго пораженія темнаго царства падшихъ духовъ, какъ это ясно отърывается изъ исторіи много-страдальнаго и праведнаго Іова, гдѣ сатана, дерзнувшій доказывать Богу, что истинной, чистой и вполнѣ безкорыстной любви къ Богу нѣтъ на землѣ, даже въ такомъ праведникѣ, какъ Іовъ, потерпѣлъ полное пораженіе въ лицѣ этого праведника, который, будучи подвергнутъ величайшимъ бѣдствіямъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, остался вѣренъ Богу. Испытаніе первыхъ людей имѣло, надобно думать, тройственное глубокое значеніе и для нихъ самихъ, и для имѣвшаго отъ нихъ произойти человѣческаго рода, и для діавола. Для нашихъ прародителей оно допущено было, какъ намъ кажется, съ тою цѣлію, чтобы побудить ихъ обнаружить себя такъ или иначе въ отношеніи къ нравственному закону, выраженному въ заповѣди о невкусеніи плода съ древа познанія добра и зла, чтобы они начали жить дѣятельною жизнью, какъ нравственныя существа, чтобы для нихъ самихъ выяснилось: что такое они, чего они хотятъ, къ чему стремятся и чего въ состояніи достигнуть. Созданный нравственнымъ существомъ, т. е. свободнымъ и разумнымъ, человѣкъ не могъ безразлично относиться къ нравственному закону: онъ съ первыхъ-же минутъ своего бытія долженъ былъ опредѣлить себя къ нему такъ или иначе, т. е. исполнять его или преступить; средняго состоянія нельзя представить; только существо неодушевленное или недаренное свободою и разумомъ, животное, не можетъ поставлять себя въ тѣ или другія отношенія къ нравственному закону. Не таковъ человѣкъ: если онъ *можетъ* исполнить требованія нравственнаго закона, онъ *долженъ* исполнить его. Вотъ почему искушеніе первыхъ людей, какъ средство, побудившее ихъ сознательно и свободно отнестись къ нравственному закону, было допущено премудрымъ и всемогущимъ Воспитателемъ ихъ—Богомъ. Но оно, какъ мы сказали, имѣло значеніе не только по отношенію къ первымъ людямъ, но и ко всему имѣвшему произойти отъ нихъ роду человѣческому. Въ Адамѣ и Евѣ испытывалось все человечество; это испытаніе рѣшало судьбу всѣхъ безчисленныхъ

милліоновъ, которые предъ очами Божиими какъ-бы уже существовали. Побѣда прародителей надъ искушеніемъ была-бы побѣда всего человѣчества, ихъ пораженіе — пораженіемъ и его. Поэтому человѣчество въ своихъ прародителяхъ должно видѣть основаніе своего теперешняго положенія, явившагося какъ слѣдствіе ихъ пораженія.

Что касается діавола, который, искушая нашихъ прародителей, имѣлъ намѣреніе погубить ихъ, то его искушительное дѣйствіе было поущено божественнымъ Промысломъ для того, чтобы онъ въ немъ и чрезъ него испыталъ не только свое посрамленіе, но и окончательное пораженіе и гибель. Мы знаемъ, что намѣреніе діавола погубить людей сдѣлалось тщетнымъ чрезъ премудрый и всеблагій планъ искупленія, а Сѣмя Жены, т. е. Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, долженъ былъ окончательно уничтожить силу діавола. Обобщая все сказанное о цѣли допущенія Богомъ искушенія первыхъ людей, мы можемъ сказать, что конечная цѣль эта состояла въ томъ, чтобы премудрость, благодать и правосудіе Божіи, словомъ, слава Божія, раскрывалась и осуществлялась въ сотворенномъ Богомъ мірѣ. Ибо въ дивномъ планѣ спасенія людей отъ грѣха смертію Сына Божія явлены были міру въ высочайшей степени божественная премудрость въ отысканіи такого средства, которое ни одному сотворенному уму не могло придти на мысль, — и любовь Божія, распинающая и распинаемая, по которой Единородный Сынъ Божій былъ преданъ на смерть за грѣхи людей для спасенія ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій ихъ, — и правосудіе, ибо чрезъ побѣду надъ грѣхомъ, къ которому склонилъ человѣка своимъ искушеніемъ діаволь, произнесено вѣчное осужденіе виновника грѣха и всего его царства.

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію мнѣній тѣхъ рационалистическихъ экзегетовъ, которые вовсе отвергаютъ исторію искушенія и грѣхопаденія первыхъ людей.

Такъ Штраусъ объ исторіи грѣхопаденія говоритъ: „Это повѣствованіе подлежитъ немаловажнымъ затрудненіямъ. Главная трудность заключается въ высшей степени нецѣлесообразномъ испытаніи, которому Богъ подвергъ человѣка. На вопросъ: почему Богъ совершенно произвольно запретилъ пра-

родителямъ безвредное само по себѣ вкушеніе отъ плода, Церковь отвѣчаетъ: человѣкъ долженъ былъ тотчасъ начать въ раю свое нравственное образованіе, слѣдовательно, долженъ былъ имѣть также и предметъ, черезъ обращеніе съ которымъ онъ могъ-бы развить свою нравственную природу. Но спрашивается: развѣ Адамъ уже не жилъ въ сообществѣ съ Евою? Ужели здѣсь могло не доставать случаевъ къ исполненію взаимныхъ обязанностей? И почему Богъ не удовольствовался этими естественными обязанностями, или не далъ лучше одной обязанности о святости, основаніе которой люди могли-бы ясно видѣть, чѣмъ запрещеніе, которое не имѣло рѣшительно никакого основанія, кромѣ произвола, и могло служить для людей только соблазномъ къ преступленію, что при сатанинскомъ внушеніи отовнѣ, почти неизбѣжно должно было привести человека къ паденію“ *).

Что можно сказать противъ несостоятельности подобнаго возраженія?

Раньше мы уже показали, что испытаніе, назначенное Богомъ первымъ людямъ и состоявшее въ данной имъ заповѣди о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, было въ высшей степени цѣлесообразно: оно ставило человека съ первыхъ минутъ его существованія въ нормальныя отношенія къ Богу, котораго онъ долженъ былъ любить, котораго долженъ былъ безусловно слушаться и отъ котораго онъ долженъ былъ зависѣть. Первая заповѣдь, будучи вполнѣ легкой и доступной по своей конкретности для первыхъ людей, самымъ вѣрнымъ путемъ способствовала въ людяхъ пробужденію чувства любви, послушанія и зависимости. Такова цѣль этой заповѣди или этого испытанія первыхъ людей. Если Штраусъ и ему подобные мыслители не видятъ и не признаютъ этой цѣли, то въ своемъ заблужденіи виноваты они сами, а не заповѣдь, о цѣли которой христіанская Церковь давно высказалась самымъ опредѣленнымъ образомъ.

Относительно той части возраженія Штрауса, что запрещеніе о невкушеніи плодовъ отъ древа познанія добра и зла основывалось на чистомъ произволѣ Божіемъ и что гораздо

*) Glaubenslehre, Strauss II, 27.

лучше и цѣлесообразнѣе было-бы, еслибы Богъ вмѣсто этой заповѣди, основанія которой людямъ не были указаны, назначилъ имъ исполненіе той или другой нравственной обязанности, вытекающей изъ ихъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу,—мы должны замѣтить слѣдующее.

Во-первыхъ. Имѣемъ-ли мы право отъ Творца міра, Существа всесовершеннаго, требовать, чтобы Онъ всегда указывалъ основанія своей святой воли? Всегда-ли человѣкъ способенъ и понять эти основанія. Требовать этого значитъ желать, чтобы ограниченный ничтожный разумъ человѣка постигалъ всѣ тайны ума Божественнаго? Если Господь, Творецъ человѣка, даетъ извѣстную заповѣдь, то значитъ эту заповѣдь человѣкъ можетъ и долженъ исполнять. Самъ сотворивый человѣка, Онъ вѣдрилъ въ это разумно-нравственное существо неодолимое стремленіе къ Себѣ и Своему нравственному закону, стремленіе, которое выражается въ голосѣ человѣческаго разума и совѣсти. Человѣку дана, напр., заповѣдь: „не укради“, но не показано, почему не должно лишать собственности ближняго. Однакожъ и безъ того человѣкъ, *при помощи разума и совѣсти*, знаетъ, что присвоеніе чужой собственности не должно быть допускаемо, и именно на такихъ-то, а не другихъ основаніяхъ.

Для первыхъ людей весь нравственный законъ сосредоточивался въ одной райской заповѣди о невкушеніи плодовъ съ запрещеннаго дерева. Всѣ способности ихъ ума, воли и сердца подсказывали имъ, что они должны любить Бога, благодарить и прославлять Его; что ихъ прямой долгъ безусловно признавать Его святую волю. А если они имѣли эти чувства къ своему Творцу, то нужно-ли было для нихъ указывать основанія, почему они должны были исполнять данную имъ заповѣдь? Только гдѣ нѣтъ довѣрія, любви, благодарности, и вообще проявленій нравственной жизни между двумя существами, тамъ дѣйствительно бываетъ необходимость указать всякій разъ основанія и приводить причины такого или иного распоряженія или приказанія. Гдѣ-же существуютъ истинныя нравственныя отношенія, бытіе которыхъ мы безъ всякаго сомнѣнія, должны предположить между Богомъ и человѣкомъ въ его невинномъ состояніи, тамъ никакихъ объясненій причинъ

и основаній не должно быть. Ибо чувство любви и благодарности, которыя несомнѣнно питали первые люди къ Богу, исключали чувство недовѣрія, которое могло вызывать необходимость указанія основаній воли Божіей. Кромѣ того первые люди безусловно признавали божественный авторитетъ своего Творца и Господа, а при такомъ признаніи Его могла-ли у нихъ возникнуть потребность узнать причину такой, а не другой воли Божіей? Только тамъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ авторитету, возможно предположить возникновеніе потребности знать причину такого или иного распоряженія, исходящаго отъ извѣстнаго авторитетнаго лица.

Во-вторыхъ. Что касается того мнѣнія Штрауса, что гораздо было-бы цѣлесообразнѣе, если-бы Богъ вмѣсто назначенной заповѣди указалъ людямъ на ту или другую обязанность, вытекающую изъ взаимныхъ отношеній первыхъ людей, то оно также несостоятельно, какъ и все остальное. Прежде всего нужно замѣтить, что иной заповѣди для перваго чловѣка и невозможно представить: запрещеніе о невкушеніи отъ плодовъ древа познанія добра и зла дано въ то время, *когда не существовало еще жены*, слѣдовательно, и нельзя было примѣнить заповѣдь къ исполненію тѣхъ или другихъ нравственныхъ отношеній между первыми людьми, какъ крайне странно фантазируетъ Штраусъ. Да если-бы предположить, ставъ на точку нѣкоторыхъ невѣрующихъ, что заповѣдь дана была послѣ сотворенія жены, то и въ этомъ случаѣ не было бы надобности назначать заповѣдь, которая имѣла бы приложение къ нравственнымъ отношеніямъ первыхъ людей? Эти отношенія и безъ всякой особенной заповѣди должны быть и были святы. Кромѣ того, мы не должны упускать изъ виду глубоко-знаменательнаго библейскаго сказанія о сотвореніи первой жены изъ ребра мужа. Это значило, что между ними *по самой природѣ*, естественно, инстинктивно существовали самыя нравственныя, основанныя *на взаимной любви*, отношенія. Болѣе-же сложныхъ отношеній между людьми въ семействѣ, обществѣ, съ ихъ обязанностями и правами, еще на землѣ не существовало. Вотъ почему заповѣдь, данная первымъ людямъ въ раю, могла быть заимствована изъ одной доступ-

ной имъ сферы отношеній — изъ отношеній *ихъ къ природѣ охотней* — къ плодамъ райскаго дерева. Притомъ она была вполне конкретна и доступна первымъ людямъ и вполне соотвѣтствовала мудрымъ воспитательнымъ планамъ Творца.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнiю другихъ возраженiй на библейское повѣствованiе объ искушенiи и грѣхопадении первыхъ людей.

Такъ нѣкоторые рационалисты, какъ - то Бауэръ *), Эйхорнъ **) и др. считаютъ за немногими исключенiями все, рассказанное въ Библии объ искушенiи и грѣхопадении прародителей, за мифъ, созданный израильтянами для объясненiя происхожденiя грѣха въ родѣ человѣческомъ. Такъ, напр., говорятъ, что въ искушенiи Евы не могъ участвовать злой духъ, такъ какъ до вавилонскаго плѣна у израильтянъ не было будто-бы никакого понятiя о демонѣ, и ученiе о которомъ ими заимствовано отъ халдейскихъ мудрецовъ. Это возраженiе обличаетъ крайне поверхностное знакомство съ Библией и совершенно неосновательно. Несомнѣнно извѣстно, что евреи гораздо раньше вавилонскаго плѣна имѣли понятiе о демонѣ. Такъ въ книгѣ Iова, написанной задолго до вавилонскаго плѣна, всѣ тѣ многоразличныя бѣдствiя, какiя претерпѣлъ этотъ праведникъ, представляются допущенными Вседержителемъ по ходатайству дiавола, который имѣлъ дерзость утверждать предъ Богомъ, что благочестiе Iова — наружное, что лишь только его постигнуть бѣдствiя, онъ отступится отъ Бога. Господь, чтобы посрамить духа злобы, дозволяетъ ему искушать всѣми бѣдствiями своего праведника. И праведный Iовъ посрамляетъ дiавола: онъ остается вѣренъ Богу. Равнымъ образомъ за много вѣковъ до вавилонскаго плѣна, въ началѣ перiода царей, еврейскiй народъ уже зналъ о существованiи демона. Такъ въ первой книгѣ Царствъ повѣствуется, что „духъ лукавый давяше Саула“, когда „отступилъ отъ него Духъ Господень“ (1 Цар., 16, 14). Такое же ясное свидѣтельство о существованiи вѣры въ злыхъ демоновъ у израильтянъ до вавилонска-

*) Hebr. Mytholog. Bauer 1, 5, 85 и др.

**) Urgeschichte. Eichorn III. §. 114.

го плѣна мы находимъ и въ 1 кн. Паралипоменонъ, гдѣ въ 21 главѣ, 1 стихѣ мы читаемъ: „и возсталъ сатана на Израиля и возбудилъ Давида сдѣлать счисленіе Израильтянъ“. Въ книгѣ Премудрости Соломона диаволь называется виновникомъ смерти прародителей (Премудр. 224). Можно бы и еще указать нѣсколько мѣстъ (Зах. 3, 1) въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, написанныхъ за-долго до плѣна вавилонскаго, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что израильтяне, гораздо ранѣ знакомства съ религіозными преданіями восточныхъ религій, имѣли понятіе о злыхъ демонахъ. Но и представленныхъ мѣстъ вполне достаточно для нашей цѣли. Затѣмъ нѣкоторые рационалисты доходятъ до того, что все библейское повѣствованіе о грѣхопадении отъ начала до конца считаютъ еврейскимъ мифомъ, которое не имѣетъ подъ собою никакой исторической почвы.

Что противъ этого сказать? То, что оно по своей неосновательности не заслуживаетъ даже серьезнаго опроверженія.

Довольно было-бы даже одного указанія на то, что оно противорѣчитъ всему Св. Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта и всей религіозно-нравственной исторіи человѣческаго рода.

Если исторію грѣхопадения считать вымышленнымъ событіемъ, то нужно не признавать всю Библию, которая свидѣтельствуетъ о грѣхопадении прародителей, какъ объ историческомъ событіи, случившемся въ самомъ началѣ жизни рода человѣческаго, какъ о такомъ событіи, которое по своимъ губительнымъ слѣдствіямъ на родъ человѣческой вызываетъ высочайшее откровеніе божественной любви, повинувась которой Единородный Сынъ Бога сходитъ на землю, дѣлается человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, проливаетъ на землю свѣтъ Своего Божественнаго ученія, творитъ величайшія чудеса, затѣмъ страдаетъ и умираетъ на крестѣ, чтобы этимъ, удовлетворивъ Божественной правдѣ и истребивъ до основанія губительныя слѣдствія грѣха, спасти отъ него и его слѣдствій любезное Ему Его высшее на землѣ твореніе—человѣка.

Довольно, напр. указать, что все ветхозавѣтное законодательство, богослуженіе, жертвы и другія постановленія Моисеева закона основываются на признаніи грѣхопадения нашихъ

прародителей, на признаніи происшедшей отсюда нравственной порчи всего рода человѣческаго, отъ которой ветхозавѣтный законъ старается освободить человѣка, путемъ пробужденія чувства сокрушенія о своихъ грѣхахъ, вѣры въ будущаго Избавителя и мессіанскихъ желаній, надеждъ и стремленій. Многія мѣста въ ветхозавѣтныхъ книгахъ прямо указываютъ на исторію грѣхопаденія, какъ на дѣйствительно случившееся событіе. Таковы, напр. Притч. 3, 18; 11, 30; 13, 12 и 15; Премуд. 2, 24; Сир. 25, 33; Ис. 43, 27. Въ Новомъ Завѣтѣ слѣдующія мѣста ясно говорятъ объ историческомъ характерѣ грѣхопаденія: Мѡ. 19, 4, 5; Рим. 5, 12, 21, 6, 23; 1 Кор. 6, 16; 7, 4; 11, 7—9; 15, 21; Еф. 5, 24; 28, 31. Дѣян. 17, 26; Іуд. 14; Апок. 2 7; 12, 9; 22, 2, 4.

Наконецъ, безъ факта грѣхопаденія прародителей и наслѣдственнаго перехода ихъ грѣха на все происшедшее отъ нихъ человѣчество рѣшительно невозможно объяснить факта всеобщности грѣха въ родѣ человѣческомъ. Самъ Богъ свидѣтельствуется, что „помышленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности“ (Быт. VIII, 21). Нѣтъ человѣка, который бы не согрѣшилъ, который былъ бы чистъ отъ грѣха; всѣ зачинаются въ беззаконіи и рождаются во грѣхѣ. (Прит. 20, 9; ср. пс. 13, 3; 50, 7). Изображая бѣдствія человѣческой жизни, Іовъ указываетъ причину ихъ въ сквернѣ, т. е. въ нравственной порчѣ человѣка, которая дѣлаетъ его повиннымъ суду Божію (Іов. 14, 3, 4; 5) и отъ которой никто не чистъ: „кто бо чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ день житія его на земли“. Въ новомъ Завѣтѣ св. Ап. Павелъ свидѣтельствуется о самомъ себѣ, что въ немъ живетъ грѣхъ, который силенъ до такой степени, что онъ противъ воли заставляетъ его грѣшить: „не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю (Рим. 7, 15); въ другомъ мѣстѣ ясно и рѣшительно онъ же свидѣтельствуется: „всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей“ (Рим. 3, 27). Другой апостоль говоритъ, что весь міръ во злѣ лежитъ (I Іоан. V, 19). Таково свидѣтельство Св. Писанія о всеобщности грѣха.

Но и самый бѣглый обзоръ религіозно-нравственной жизни рода человѣческаго убѣждаетъ въ истинѣ всеобщаго грѣховна-

го поврежденія рода человѣческаго. Исторія этой жизни показываетъ намъ существованіе ложныхъ политеистическихъ религій то въ формѣ самаго грубаго объективнаго натурализма, гдѣ человѣкъ обоготворялъ вмѣсто единаго истиннаго Бога самыя грубые предметы природы,—то въ формѣ сабеизма, гдѣ обоготворялись свѣтила небесныя, или символизма, гдѣ за боговъ признавались таинственныя силы природы, проявлявшіяся въ тѣхъ или другихъ предметахъ и явленіяхъ внѣшней природы,—то въ видѣ религіозныхъ системъ пантеизма, гдѣ божество представляется для человѣка міровою душою, разлитой во всей вселенной, все проникающей и оживляющей собою,—то въ видѣ субъективнаго натурализма, который находитъ высшее свое выраженіе въ антропоморфическихъ религіяхъ Греціи и Рима. Нужно-ли говорить о гнусныхъ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождавшихъ нѣкоторыя языческія религіи и состоявшія въ проявленіяхъ самаго безстыднаго распутства и въ приношеніи окровавленныхъ человѣческихъ жертвъ,—нужно ли напоминать здѣсь о системахъ морали, оправдывающихъ пороки и преступленія человѣка,—о цѣломъ рядѣ нарушеній нравственнаго закона между самыми совершенными людьми,—о статистикѣ преступленій, и притомъ самыхъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ и потому противоестественныхъ,—которая такъ краснорѣчиво говоритъ о всеобщей нравственной порчѣ человѣческой природы? Все язычество сплошь было великимъ грѣхомъ и мерзостью предъ Богомъ. Что касается избраннаго іудейскаго народа, то мы уже видѣли, какъ въ Св. Писаніи ясно и положительно свидѣтельствуется о грѣховности человѣческой природы. Вся исторія избраннаго народа Божія, имѣвшаго истинную религію и нравственный откровенный законъ и состоявшаго подъ особеннымъ водительствою Божественнаго Провидѣнія, исполнена разнаго рода внѣшними и внутренними бѣдствіями, которыя являются слѣдствіемъ наказаній за грѣхи израильтянъ. Итакъ, откуда та всеобщая грѣховность рода человѣческаго? чѣмъ она объясняется?

Раціоналисты, отвергающіе библейскій рассказъ о грѣхопадѣніи прародителей, не будутъ въ состояніи объяснить ее. Но Св. Писаніе, знающее и передающее исторію грѣхопадѣнія

первыхъ людей, видить въ ней вполне достаточную причину для объясненія всеобщаго грѣха.

Излагая ученіе о грѣхопадѣніи прародителей и о наследственномъ переходѣ ихъ грѣха на весь родъ человѣческій, оно вполне удовлетворяетъ разумъ, ищущій объясненія всеобщности грѣха въ родѣ человѣческомъ. Такъ Спаситель, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ о возрожденіи, говоритъ: „аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ духа, духъ есть“ (Іоан. 3, 5, 6).

Не раскрывая всей ширины ученія Спасителя о духовномъ возрожденіи, мы въ настоящемъ случаѣ обратимъ только вниманіе на то, что въ этихъ словахъ содержится ясное ученіе о переходѣ грѣха прародительскаго на весь родъ человѣческій. Этотъ переходъ совершается черезъ рожденіе отъ плоти или обыкновенное плотское происхожденіе одного человѣка отъ другаго. Но что означаетъ здѣсь плоть? Всего человѣка грѣховнаго, лишеннаго благодати Божіей, живущаго и дѣйствующаго подъ грѣхомъ, а не по Богу (Рим. 7, 5; 8, 1, 4, 8, 9; 2 Кор.—10, 2; ср. Быт. 10, 6; Дѣян. 2, 17; Галат. 5, 27).

Такъ какъ отъ такого зараженнаго грѣхомъ человѣка рождается другой, то и этотъ послѣдній есть плоть—одной природы съ первымъ. Апостоль Павелъ ясно и подробно учитъ, что всеобщая грѣховность происходитъ отъ грѣха перваго человѣка—Адама: „какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть; такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“ (Рим. 5, 12, 14).

„Если преступленіемъ одного подверглись смерти многіе, то тѣмъ болѣе благодать Божія и даръ по благодати одного человѣка Іисуса Христа, преизбыточествуетъ для многихъ“ (Рим. 5—41). „Если преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного: то тѣмъ болѣе приѣмлющіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единаго Іисуса Христа“ (5—17). „Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ“ (1 Кор. 15. 22).

Изъ этихъ мѣстъ ясно видно: а) что грѣхъ перваго человѣка и назначенное ему наказаніе за него—смерть—перешло

на все происшедшее отъ него потомство; б) что все чело-
вѣчество справедливо подверглась смерти, потому что оно *все*
согрѣшило предъ Богомъ въ своемъ родоначальникѣ, почему и
можетъ быть названо „чадомъ гнѣва Божія“ (Еф. 2, 3);
в) что есть тѣсное отношеніе между первымъ человекомъ, грѣ-
хомъ его и его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—смертію и Иисусомъ
Христомъ, праведностью и слѣдствіемъ этой праведности—жиз-
нію во Христѣ: первый Адамъ—родоначальникъ грѣшнаго че-
ловѣчества, второй—святой, и глава святаго челоѣчества; грѣхъ
перваго навлекъ на челоѣчество смерть, праведность втораго—
даръ вѣчной жизни во Христѣ; грѣхъ и смерть отъ перваго
Адама переходятъ путемъ плотскаго рожденія, праведность
Христова и даръ жизни въ Немъ усвояются вѣрою—добро-
вольнымъ принятіемъ ихъ. Такимъ образомъ, относительно спо-
соба перехода первороднаго грѣха Св. Писаніе открываетъ намъ
три истины: 1) первородный грѣхъ прародителей переходитъ
на все челоѣчество, 2) вмѣстѣ съ грѣхомъ переходятъ и слѣд-
ствія его—смерть, 3) этотъ переходъ совершается путемъ плот-
скаго рожденія. Бѣльшаго знанія о способѣ распространенія
первороднаго грѣха мы не можемъ получить изъ Св. Писанія.
Но богословствующая и философствующая мысль челоѣка не
останавливается на этомъ и пытается объяснить себѣ самый
способъ передачи грѣховности чрезъ плотское рожденіе одно-
го челоѣка отъ другаго. Въ этомъ отношеніи существуютъ
нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ происхожденіе души чело-
вѣческой вмѣстѣ съ склонностью ея ко злу. Критическій об-
зоръ этихъ гипотезъ, объясняющихъ происхожденіе души чело-
вѣческой вмѣстѣ съ ея грѣховнымъ состояніемъ, не относится
прямо къ предмету нашего очерка и потому мы не будемъ ихъ
излагать.

Оканчивая критическій обзоръ главнѣйшихъ возраженій ра-
ціоналистовъ противъ библейскаго сказанія о грѣхопадѣніи
первыхъ людей, мы не можемъ не остановиться на разсмотрѣніи
еще одного раціоналистическаго взгляда на разсматриваемый
нами фактъ. Шлейермахеръ *), Эвальдъ **) и нѣкоторые дру-

*) Glaubenslehre § 66 и др.

**) Die Lehre der Bibel von Gott III § 150—155.

гіе (напр. Гегель) хотять понимать грѣхопаденіе прародителей какъ неизбѣжный и необходимый естественный актъ въ развитіи человѣческой природы, безъ котораго не могла и начаться разумная жизнь человѣка. Такимъ образомъ, по воззрѣнію ихъ, грѣхопаденіе первыхъ людей есть переходъ отъ низшей степени развитія къ высшей, есть шагъ къ прогрессу изъ первобытной грубости къ свободѣ и человѣчности, есть какъ бы возвышеніе человѣка до божества (будете яко божи). Но ложь такого мнѣнія доказывается прежде всего простымъ библейскимъ рассказомъ о паденіи Адама и Евы, который отнюдь не допускаетъ такого превратнаго пониманія. Какъ-же произошло, что вся христіанская Церковь, всѣ отцы и учителя восточной и западной Церкви всегда понимали этотъ рассказъ иначе, нежели упомянутые нами богословы? Но кромѣ того, самый библейскій рассказъ о грѣхѣ прародителей есть несомнѣнное доказательство того, что паденіе свое они сами рассматривали какъ великое бѣдствіе, которому они подверглись вслѣдствіе искушенія духа злобы. Преступивъ заповѣдь Божію, они увидѣли, что обмануты злымъ духомъ, что „змѣй ихъ прельстилъ“, какъ они и говорятъ предъ Богомъ въ свое оправданіе. Если вскорѣ послѣ грѣхопаденія они почувствовали стыдъ и страхъ, то, очевидно, чрезъ нарушеніе заповѣди райской они впали въ бѣдственное состояніе, въ которомъ испытывали эти мучительныя чувства, тогда какъ прежде они были блаженны и не стыдились. Затѣмъ за свое ослушаніе воли Божіей они должны были подвергнуться отъ Бога разнаго рода бѣдствіямъ, какъ-то: изгнанію изъ рая, болѣзнямъ, изнурительному труду и, наконецъ, смерти. Но ничего подобнаго прежде они не знали. Ясно, что чрезъ грѣхопаденіе люди перешли не въ лучшее состояніе, понятіе о которомъ всегда соединяется съ идеею о прогрессѣ, но несомнѣнно въ худшее и несчастнѣйшее того, въ которомъ прежде пребывали. Потомъ, какъ сами прародители, такъ и почти всѣ люди, происшедшіе отъ нихъ, всегда смотрѣли на діавола какъ на злого, враждебнаго людямъ духа. Но этотъ общій взглядъ всѣхъ народовъ на духа тьмы былъ-бы непонятенъ, если-бы онъ не былъ на самомъ дѣлѣ врагомъ ихъ, повергнувши ихъ чрезъ

обольщеніе ихъ родоначальниковъ въ бездну физическаго и нравственнаго зла.

Кромѣ того, почти у всѣхъ народовъ, какъ мы видѣли, есть преданія о золотомъ вѣкѣ, подѣ которыми представляется первобытное счастливое состояніе прародителей людей. И это всеобщее преданіе въ свою очередь было-бы непонятно, если-бы дѣйствительно на зарѣ исторіи рода человѣческаго не было счастливаго состоянія, отъ котораго люди уклонились и впади въ несчастное, бѣдственное состояніе. Далѣе, это ученіе о паденіи прародителей, какъ о необходимомъ условіи нравственнаго развитія человѣческой природы, сопровождается столь гибельными слѣдствіями для религіозно-нравственной жизни христіанъ, что одно указаніе на нихъ должно убѣдить каждаго христіанина въ безусловной ложности его.

Такъ это раціоналистическое толкованіе факта грѣхопаденія считаетъ самого Бога виновникомъ зла, не признаетъ наказаній за грѣхъ, не видитъ необходимости въ искупительной жертвѣ Сына Божія за грѣхи міра и, подрывая всѣ основныя догматы христіанства, ведетъ прямо къ матеріализму и полному безвѣрію.

Затѣмъ, „взглядъ на зло, какъ на естественное явленіе, раздѣляемый всѣми вообще міровоззрѣніями противоположными христіанскому—и матеріалистическими и пантеистическими, вызываетъ естественный вопросъ: если зло есть явленіе естественное, то почему противъ этого явленія возстаетъ человѣческое нравственное чувство? Естественное по природѣ могло ли бы вызывать противъ себя протестъ со стороны нравственной нашей природы? Почему, наконецъ, человѣчество не можетъ помириться со зломъ, если оно такое-же естественное и необходимое явленіе въ міровомъ порядкѣ, какъ напр. движеніе, спѣвленіе, протяженіе и т. п.? Безъ всякаго сомнѣнія, если отдѣльный человѣкъ, если цѣлое общество къ одному явленію относится съ сочувствіемъ, къ другому съ порицаніемъ, къ одному одобрительно, къ другому отрицательно,— для этого должно быть достаточное основаніе. Общество не могло бы ни одобрить, ни порицать тѣхъ или иныхъ явленій своей жизни, если-бы всѣ они—и добрыя и злыя—были оди-

наково естественными явленіями. Слѣдовательно, объ оправданіи взгляда на зло, какъ на естественное явленіе, независимо отъ предвзятой той или иной теоріи, не можетъ быть рѣчи“ *).

Наконецъ, что зло не есть естественное явленіе въ ходѣ развитія человѣческой природы, что грѣхопаденіе прародителей человѣчества не есть неизбѣжный и необходимый естественный актъ въ развитіи человѣческой природы, а напротивъ совершенно ненормальное явленіе—результатъ грѣховной самолюбивой воли, возставшей противъ всемогущества, премудрости и любви Божіей, въ этомъ можетъ рѣшительно убѣдить всякаго исторія порочныхъ и злыхъ дѣйствій человѣческой воли. Она показываетъ, что человѣкъ, нарушая требованія нравственнаго закона, совершая тѣ или другія проступки и преступленія, дѣйствуетъ не въ согласіи съ внушеніями собственной природы своей, а противъ нихъ, противъ лучшаго голоса своихъ стремленій и инстинктовъ. Какъ много фактовъ въ исторіи человѣческой жизни, которые показываютъ, что человѣкъ способенъ къ самымъ противоестественнымъ—античеловѣческимъ дѣйствіямъ, т. е. порокамъ и преступленіямъ. Довольно здѣсь указать на ужасное искаженіе врожденнаго человѣку религіознаго и нравственнаго чувства, когда человѣкъ вмѣсто обожанія единого, истиннаго, святаго, вездѣсущаго, всеблагаго, премудраго и духовнаго Существа, обоготворялъ отвратительныхъ животныхъ и пресмыкающихся, поклонялся бездушнымъ истуканамъ, благоговѣлъ предъ солнцемъ, луною и звѣздами,—приносилъ въ жертву своихъ родныхъ дѣтей, бросая ихъ во внутрь, раскаленныхъ пламенемъ, своихъ страшныхъ и отвратительныхъ боговъ,—предавался въ честь своихъ боговъ распутству и всякому непотребству,—отдавался страсти неумѣренности въ погонѣ за всякаго рода чувственными удовольствіями,—погибалъ душою и тѣломъ отъ пьянства, обжорства (вспомнимъ здѣсь лукулловскіе обѣды, на которыхъ присутствующіе принимали рвотные порошки, чтобы, облегчивъ обремененный изысканными блюдами желудокъ, имѣть возможность снова насыщать себя лакомыми блю-

*) „Христ. апологетика“, проф. Рождественскаго, Т. II, стр. 322.

дами, стоившими доходовъ отъ нѣсколькихъ провинцій) разврата и самыхъ неестественныхъ пороковъ, о которыхъ безъ отвращенія нельзя и говорить,—запятналъ себя такими злодѣянiями, отъ которыхъ содрогается и обливается кровiю доброе христіанское сердце, — истреблялъ десятками и сотнями тысячъ своихъ ближнихъ, такихъ-же, какъ и онъ самъ (при помнiмъ здѣсь восточныхъ завоевателей, особенно Тамерлана, который не одну сотню громаднхъ пирамидъ выстроилъ изъ человѣческихъ головъ убитыхъ имъ людей, зарывалъ цѣлыя тысячи людей за-живо въ могилу,—припомнимъ также и новѣйшія войны, гдѣ проявилось звѣрское, дикое и невѣроятное безчеловѣчіе не однихъ только турокъ, но и другихъ народовъ, къ величайшему стыду человѣка, этого образа и подобiя Божiя, надѣленнаго разумомъ, свободою, любовiю къ Богу и ближнимъ),—сожигалъ на кострахъ и отдавалъ на растерзаніе дикихъ звѣрей цѣлыя десятки и сотни тысячъ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ собратьевъ (исторiя мученичества первыхъ вѣковъ христіанства),—взрывалъ на воздухъ цѣлыя сотни и тысячи людей на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ для достиженія своихъ или корыстныхъ цѣлей, или фантастическихъ утопiй въ области политической жизни,—запятналъ себя такими злодѣянiями, предъ которыми блѣднѣетъ звѣрская кровожадность, сотни и тысячи разъ поднималъ на себя руки и предавался самоубiйству—этому величайшему противоестественному преступленiю... Но можно-ли исчислить всѣ злодѣйства и пороки людей, въ которыхъ самымъ яснымъ образомъ обнаруживается противоестественный характеръ ихъ?... Едва-ли можетъ найтись какой-либо человѣкъ съ нормальными силами души, который-бы могъ утверждать, что всѣ подобныя пороки и преступленія вполне естественны человѣку и есть неизбѣжныя, хотя печальныя проявленія естественнаго развитiя его. Сказать это,—значитъ клеветать на всеблагаго Бога, Который не могъ при созданiи человѣка внѣдрить въ него стремленія къ такому чудовищному попранiю святаго нравственнаго закона, проникнутаго и одухотвореннаго любовiю, какъ основнымъ свойствомъ всѣхъ его вѣднiй,—это значитъ противорѣчить разуму и совѣсти людей, которые, какъ ни испорчена

ихъ психо-физическая природа наслѣдственнымъ и своимъ собственнымъ грѣхомъ, ни за что во вѣки вѣковъ не согласятся признать, что зло есть нормальное естественное явленіе и неизбѣжный путь развитія.

Такъ все заставляетъ признать насъ истинность библейскаго повѣствованія о грѣхопадении первыхъ людей, вслѣдствіе котораго они внесли въ свою природу страшное грѣховное разстройство со всѣми безчисленными гибельными послѣдствіями какъ для своей духовной, такъ и тѣлесной природы,—разстройство, которое путемъ наслѣдственнымъ передалось всему происшедшему отъ нихъ роду человѣческому. Только спасительная сила христіанства, въ которомъ человѣкъ рождается къ новой духовной жизни, только та благодатная сила, которая подается въ таинствахъ Христовой Церкви, можетъ дать и даетъ христіанину потребную силу бороться съ страшною силою грѣховнаго влеченія въ немъ самомъ и въ остальномъ мірѣ; только одинъ Христосъ, глубокая вѣра въ Него, и Его спасительное ученіе, и послѣдованіе ему могутъ удалить человѣка отъ грѣха, спасти отъ гибельнаго его вліянія, очистить его отъ его заразы и соединить его съ Богомъ въ вѣчной блаженной жизни.

Какъ-же неразумны тѣ, которые, желая человѣчеству всякихъ благъ и отдаваясь своимъ филантропическимъ стремленіямъ, удаляютъ себя и другихъ отъ христіанской религіи, единственно истинной и могущей облегчить бѣдствія человѣческаго рода, подрываютъ ея догматы, и между прочимъ догматъ о первобытномъ состояніи и грѣхопадении прародителей, глумятся надъ ея святыми и высоко-воспитательными обрядами и ея служителями, называютъ невѣждами и обскурантами всѣхъ, которые въ мысли, словѣ и жизни заявляютъ себя истинными христіанами?.....

Свящ. Гр. Дьяченко.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

IV.

27-го марта 1812 года Императоръ Александръ обратился къ барону Штейну, проживавшему тогда въ качествѣ опальнаго изгнанника, преслѣдуемаго повсюду Наполеоновскими агентами и шпионами, въ Богеміи, съ слѣдующимъ письмомъ **):

„Уваженіе, которое питалъ я къ вамъ всегда, не умалилось нисколько вслѣдствіе тѣхъ событій, которыя заставили васъ удалиться отъ дѣлъ ***). Оно внушено было мнѣ энергіею вашего характера и выдающимися вашими талантами“.

„Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты должны соединить всѣхъ благомыслящихъ существъ, всѣхъ друзей чело-вѣчества и либеральныхъ идей. Дѣло идетъ о спасеніи отъ варварства и рабства, которыя готовятся поглотить ихъ“.

„Наполеонъ намѣренъ завершить поработченіемъ Европы; чтобы достигнуть этого онъ долженъ ниспровергнуть Россію. Уже давно приготовляются здѣсь къ сопротивленію; уже съ давняго

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 10.

***) См. Перцъ, Steins Leben, Т. III, стр. 51—52.

***) Баронъ Штейнъ, знаменитый германскій патріотъ и, послѣ Іенскаго погрома, великій преобразователь монархіи Фридриха Великаго, долженъ былъ выйти изъ прусскаго министерства и велъ съ тѣхъ поръ жизнь изгнанника, преслѣдуемаго повсюду Наполеономъ.

времени сосредоточиваются здѣсь для этой цѣли могущественнѣйшя средства“.

„Друзья добродѣтели и всѣ существа, проникнутыя чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, одинаково заинтересованы исходомъ этой борьбы. Вы, г. баронъ, всегда выдававшійся изъ среды ихъ такимъ блестящимъ образомъ, не можете питать иного чувства, кромѣ того, чтобы способствовать съ своей стороны успѣху тѣхъ усилій, которыя поднимаются здѣсь на сѣверѣ для противодѣйствія всепоглощающему деспотизму Наполеона“.

„Я приглашаю Васъ настоятельнѣйшимъ образомъ сообщить мнѣ ваши мысли или письменно, если только это возможно, или же устно, на личномъ свиданіи со мною въ Вильнѣ. Князь Ливенъ доставитъ вамъ необходимый для того паспортъ. Ваше пребываніе въ Богеміи могло бы принести большую пользу, такъ какъ тамъ вы находитесь, такъ сказать, въ тылу французскихъ армій. Но слабость Австріи навѣрное заставитъ ее стать подъ знамена Наполеона и можетъ подвергнуть опасности вашу личность или вашу переписку“.

„Предлагаю Вамъ посему серьезно взвѣсить всѣ обстоятельства и избрать тотъ путь, который покажется Вамъ наиболѣе удобнымъ для пользы того великаго дѣла, которому служимъ мы оба. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять васъ, что въ Россіи вы будете приняты съ отверстыми объятіями; искреннія чувства, питаемая мною къ вамъ, должны служить вамъ вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ“.

Письмо это было написано въ тотъ моментъ, когда война между Франціею и Россіею была уже неизбежна. Наполеонъ былъ уже на пути къ великой арміи. Онъ остановился въ столицѣ своего вѣрнѣйшаго союзника, короля Саксонскаго, въ Дрезденѣ. Окруженный блестящимъ и раболѣпнымъ сонмомъ поработенныхъ имъ государей Европы, онъ упивался тутъ еще разъ тѣмъ пустымъ внѣшнимъ блескомъ всемірнаго властелина, которымъ никогда не могла насытиться его гордая душа. Ни самъ Наполеонъ, ни его окружающіе не сомнѣвались въ скоромъ и блестящемъ успѣхѣ предстоящей кампаніи.

Несравненный военный гений Наполеона, колоссальныя силы, собранныя имъ, его прежніе баснословныя успѣхи,—все заставляло предполагать, что и на этотъ разъ онъ разгромитъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, много недѣль, русскую армію и заставитъ подписать уступчиваго Александра постыдный и гибельный для Россіи миръ. Такія тревожныя и страшныя мысли приходили, безъ сомнѣнія, и въ голову Штейна. Лучше кого либо другаго зналъ онъ податливую натуру Александра. Онъ могъ допустить, что и на этотъ разъ рѣшимость Императора Александра окажется лишь мимолетнымъ порывомъ, что за новымъ Фридландомъ послѣдуетъ второй еще болѣе постыдный Тильзитъ. А какая участь предстояла въ такомъ случаѣ ему, давно уже намѣченному мстительною и безпощадною рукою Корсиканца? Гдѣ во всемъ мірѣ могъ найти себѣ убѣжище несчастный опальный, послѣ ниспроверженія Россіи, этого послѣдняго оплота европейской свободы? Въ Англіи? но не лучше ли бѣжать туда заблаговременно, до наступленія неизбѣжной катастрофы, а если и отпрапляться въ русскую главную квартиру, то не иначе, какъ подъ защитою и гарантіею англійскаго посольства *). Да, такія мысли приходили, дѣйствительно, одно время въ голову Штейна, но прочитавъ письмо Императора Александра, онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ нихъ. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что на этотъ разъ Императоръ Александръ останется твердымъ и непоколебимымъ до конца. А что значили для него

*) См. Письмо Штейна къ графу Мюнстеру въ Лондонъ отъ 19 апрѣля 1812. Штейнъ допускаетъ въ этомъ письмѣ, что Россія можетъ отразить нападеніе Наполеона, но онъ опасается, что этотъ результатъ не повлечетъ за собою освобожденія Германіи и Европы. „А между тѣмъ, говоритъ онъ, время и силы исчезаютъ, лучшіе люди изнываютъ въ праздности и принуждены оставаться зрителями всеобщаго бѣдствія и дѣяній злыхъ людей, число которыхъ возрастаетъ ежедневно и образъ мыслей быстро развѣдаетъ общество, подобно раку“. Для себя лично Штейнъ считаетъ невозможнымъ вести далѣе подобную жизнь; онъ проситъ, чтобы англійское правительство отравило его въ русскую главную квартиру; думаетъ, что онъ можетъ принести тамъ пользу своимъ совѣтомъ и вліяніемъ; напоминаетъ о томъ довѣрѣн, съ которымъ относился къ нему Императоръ Александръ въ 1807 году, предлагая ему тогда вступить въ русскую службу, и о своихъ личныхъ связяхъ съ Россіею. „Да окончится благополучно эта война, заключаетъ Штейнъ свое письмо, или же, да найду я въ ней свой конецъ.“ Перцъ Stein's Leben T. III стр. 49—50.

лично тѣ возможныя опасности, та мрачная будущность, которыя грозили ему и его семьѣ въ случаѣ пораженія Россіи? Что значило все это, всѣ внушенія, возбужденной мрачными призраками проплаго, фантазіи въ сравненіи съ тою великою перспективою, которая открывалась ему еще разъ,—съ величіемъ и святостью того дѣла, служить которому звали его теперь вновь и звали такъ настоятельно? Не колеблясь ни минуты, Штейнъ отвѣчалъ Императору такими словами:

„Призывъ, которымъ удостоили меня Ваше Императорское Величество, призывъ стать подъ знамена Ваши, т. е. подъ знамена чести и истинной славы, полученъ мною 19 сего мая. Я повинуюсь ему, хотя и готовлюсь къ новымъ преслѣдованіямъ, отъ которыхъ съумѣю оградить меня Ваше Императорское Величество. Я выѣзжаю 27 въ тотъ день, когда мнѣ будутъ выданы мои паспорта. 10 іюня я надѣюсь быть въ Вильнѣ, дабы принять повелѣнія Вашего Величества и принести Вамъ выраженія моего уваженія и вѣрнопоподданной преданности“ *).

Въ назначенный день Штейнъ выѣхалъ въ Россію. На границѣ, въ Радзивиловѣ его ожидалъ русскій маіоръ, разумный, любезный господинъ, высланный къ нему на встрѣчу. На пути въ главную квартиру **) Штейну пришлось проѣзжать черезъ мѣста расположенія русскихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ придвигавшихся къ западной границѣ Имперіи. Духъ этихъ войскъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; но ихъ слабая численность не могла не внушить Штейну самыхъ тревожныхъ опасеній. Въ Дѣбро, неподалеко отъ австрійской границы, стоялъ генералъ Тормасовъ съ 20,000 человекъ. Въ Словимѣ находилась главная квартира князя Багратіона; Штейну передавали, что въ его распоряженіи было отъ 30 до 36,000 человекъ. Наконецъ, подъ самою Вильною Штейну пришлось проѣзжать черезъ биваки, такъ называемой, великой арміи, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. Ему говорили, что въ этой арміи насчитывается всего-на-всего до

*) Перцъ. Stein's Leben, Т. III стр. 53.

**) О поѣздкѣ Штейна въ Вильну и о его виленскихъ впечатлѣніяхъ см. Перцъ. Stein's Leben Т. III стр. 54 и слѣд.

80,000 человекъ. Итакъ около 140,000 человекъ,—вотъ все, что могъ противопоставить на первый разъ Императоръ Александръ своему страшному противнику и его полумилліонной арміи. Правда, военныя приготовленія шли неумоимо во всѣхъ концахъ Россіи; правда, отовсюду двигались къ границѣ вновь сформированные отряды, но вся опасность положенія заключалась именно въ томъ, окажутся ли достаточными всѣ эти приготовленія, подоспѣютъ ли во-время резервы, не разразится ли рѣшительная катастрофа еще до прибытія ихъ на театръ войны? Во всякомъ случаѣ, дѣйствительность мало соотвѣтствовала указанію Императора на тѣ долгія и неуспѣшныя приготовленія къ борьбѣ, на тѣ могущественныя средства, которыя собраны были въ Россіи и о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ онъ въ письмѣ своемъ къ Штейну.

Новыя разочарованія, новыя тревожныя опасенія ожидали Штейна въ Вильнѣ. Изъ личныхъ свиданій съ Императоромъ, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ и его окружающими, Штейнъ вынесъ, правда, прежде всего отрадное убѣжденіе, что Александръ измѣнился во многомъ и къ лучшему со времени Тильзитскаго мира. Его взглядъ на общее положеніе Европы и Россіи, на полнѣйшую несовмѣстность Наполеоновскаго цезаризма съ дальнѣйшимъ существованіемъ свободныхъ государствъ въ Европѣ, былъ вполне солидаренъ со взглядами Штейна. На предстоящую войну онъ смотрѣлъ, какъ на войну за освобожденіе Европы; уже теперь онъ думалъ о средствахъ поднять угнетенныя народы, и прежде всего германцевъ, противъ Наполеона. Съ жаромъ ухватился онъ за предложеніе Штейна сформировать германскій легіонъ, охотно одобрилъ онъ проектъ прокламаціи къ германскимъ солдатамъ въ арміи Наполеона,—проектъ, отличавшійся рѣзкимъ, почти что революціоннымъ тономъ *). Рѣшимость Александра довести на этотъ разъ дѣло до конца казалась также на первый взглядъ твердою и непоколебимою, а иллюзіи, которымъ поддавался онъ до сихъ поръ такъ легко и охотно, отступили для него, повидимому, на второй планъ.

*) Текстъ прокламаціи у Перца Stein's Leben, Т. III стр. 78—80. Прокламація была, впрочемъ, значительно смягчена самимъ Императоромъ Александромъ I-мъ и подписана главнокомандующимъ первой арміи, Барклаемъ-де-Толли.

Какъ ни утѣшительны были всѣ эти симптомы, но отъ опытнаго глаза Штейна не могло, однако-же, укрыться, что внутреннее настроеніе Александра было еще крайне далеко отъ той неизмѣнной рѣшимости, отъ того глубокаго убѣжденія въ правотѣ и силѣ своего дѣла, которое является у людей, даже слабыхъ, первымъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ успѣхѣ. По наружности Александръ казался твердымъ и рѣшительнымъ; въ глубинѣ-же души онъ оставался тѣмъ же слабымъ, колеблющимся человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ печальную эпоху Фридланда и Гильзпта. Вѣра въ собственныя силы была у него также шатка, какъ и прежде, а печальныя событія послѣднихъ лѣтъ, въ особенности-же катастрофа Сперанскаго, окончательно подорвали въ немъ вѣру въ другихъ людей. Его подозрительность, его недовѣріе ко всѣмъ и каждому достигли въ это время до своей высшей степени; но эта подозрительность, эта недовѣрчивость нисколько не мѣшали ему слушать всѣхъ и каждаго, поддаваться совѣтамъ и вліяніямъ такихъ лицъ, которыхъ онъ самъ въ глубинѣ души считалъ недостойными. Относительно предстоящихъ рѣшительныхъ событій Александръ не успѣлъ еще освободиться окончательно отъ тѣхъ ложныхъ надеждъ и мечтаній, которыми питалась до сихъ поръ его пылкая фантазія, которыя тщательпо поддерживали въ немъ до поры до времени люди, выдававшіе себя за его друзей, но бывшіе самыми страшными и вѣроломными врагами его и Россіи. Въ этомъ обстоятельствѣ, а не въ колоссальномъ превосходствѣ силъ Наполеона коренилась, очевидно, самая главная опасность какъ для самого Александра, такъ и для того дѣла, первымъ представителемъ котораго являлся онъ теперь.

Уже довольно давно, уже съ 1810 года Александръ пришелъ къ убѣженію въ неизбежности рѣшительной борьбы съ Наполеономъ; уже съ этого времени въ душѣ его ясно и опредѣленно зародилась мысль: Наполеонъ, или я, — я, или онъ, для насъ обоихъ нѣтъ мѣста въ Европѣ. Но, приходя къ убѣженію въ неизбежности борьбы, Александръ сознавалъ въ то же время ясно, что ему придется имѣть дѣло съ громаднымъ превосходствомъ силъ, въ состязаніи съ которыми

собственныя средства Россіи могутъ оказаться недостаточными. Необходимо было, слѣдовательно, искать союзниковъ, попытаться сосредоточить вокругъ себя всѣ элементы, враждебныя Наполеону. Кабинетная коалиція, въ родѣ 1805 года, была, однако-же, немыслима въ 1810 году. Можно было, правда, рассчитывать на Англію; но Англія, съ которою прежде надо было еще примириться, могла оказать, какъ мы прежде замѣтили, только денежную помощь. На Австрію, послѣ катастрофы 1809 года, рассчитывать было невозможно. Родство Габсбурговъ съ Наполеономъ съ одной стороны, завоевательныя стремленія Россіи на нижнемъ Дунаѣ съ другой, вызвали окончательное охлажденіе и взаимное недовѣріе между Вѣною и Петербургомъ. Въ сосѣдней Швеціи утвердился на престолѣ одинъ изъ бывшихъ Наполеоновскихъ маршаловъ, Бернадотъ; можно было опасаться, что опираясь на Францію, онъ предприметъ попытку возвратить потерянную Финляндію. Данія принадлежала къ числу вѣрнѣйшихъ вассаловъ Наполеона; Испанія продолжала еще сопротивляться, но кто могъ поручиться, что это сопротивленіе продлится еще долгое время, что оно отвлечетъ въ рѣшительный моментъ отъ Россіи значительную часть Наполеоновскихъ силъ? Вся остальная Европа съ своими богатыми средствами находилась въ безусловномъ распоряженіи французскаго императора. Одна только Пруссія тяготилась наложеннымъ на нее игомъ; одна она готова была примкнуть къ Россіи и поднять оружіе противъ Наполеона. Но возстаніе Пруссіи возможно было лишь при одномъ условіи: Россія должна была вести войну наступательную, противъ которой громко говорили горькіе опыты предшествующихъ войнъ.

Но еще важнѣе были соображенія другаго, болѣе общаго свойства. Кабинетныя коалиціонныя войны, — войны, предпринимаемыя во имя равновѣсія Европы и возстановленія стараго порядка вещей, могли, какъ показало это недавнее прошлое, повести лишь къ новымъ катастрофамъ, къ новому еще болѣе худшему пораженію и униженію. Наполеонъ достигъ своихъ колоссальныхъ успѣховъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ выступалъ поборникомъ начала революціи, идеи возобновленія

и возрожденія старой Европы на основаніи принциповъ 1789 г. Этой разрушительной идеѣ необходимо было противопоставить другую, не менѣе могучую, но зиждительную идею. Такая идея представлялась, повидимому, сама собою. Революціонная идея отрицала начало національности и стремилась пересоздать міръ на основахъ космополитизма; необходимо было, слѣдовательно, противопоставить ей идею самобытнаго развитія и охраненія правъ европейскихъ народностей. Надо было поднять оружіе не во имя династическихъ и кабинетныхъ интересовъ, а во имя свободы и независимости европейскихъ народовъ. Идея эта представлялась не разъ восторженному уму русскаго Императора, но она отталкивала его въ тоже время своею новизною и колоссальностью, она казалась ему неосуществимою на дѣлѣ. Примѣръ Испаніи открывалъ, правда, самыя широкія перспективы, но Александръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы другіе европейскіе народы, и прежде всего германцы, рѣшились послѣдовать когда-нибудь примѣру испанцевъ. Онъ зналъ кромѣ того, что итальянцы проникнуты даже преданностью къ Наполеону, и что самое главное,—онъ опасался, не безъ основанія, что сами русскіе отнесутся холодно къ войнѣ за освобожденіе Европы, къ войнѣ за интересы совершенно чуждые имъ. И вотъ Александръ отказывается отъ мысли поднять оружіе за свободу Европы и снова увлекается любимою идеею своей молодости, идеею возстановленія Польши *). Онъ хочетъ выступить противъ Наполеона въ качествѣ искупителя исторической неправды прошлаго. Онъ думаетъ провозгласить возстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, въ ея старомъ блескѣ, и его пылкая фантазія подсказываетъ ему, что въ такомъ случаѣ всѣ поляки станутъ, какъ одинъ человекъ, подъ его знамена. До сихъ

*) Оригинальный взглядъ Императора Александра на польскій вопросъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій его либеральнаго, космополитическаго воспитанія. Еще въ ранней молодости, въ душевныхъ бесѣдахъ съ княземъ Чарторыжскимъ, Александръ выражалъ такія мнѣнія о Польшѣ, которыя вызвали у Чарторыжскаго слѣдующія восторженныя слова: „Какъ русскій великій князь, наследникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ,—тотъ, кого она, устранивъ сына, желала возвести послѣ себя на престолъ,— тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится Екатерина, этотъ великій князь ненавидѣлъ пра-

поръ поляки слѣдуютъ, правда, съ энтузіазмомъ за Наполеономъ, но что сдѣлалъ до сихъ поръ для нихъ Наполеонъ? Развѣ его политика по отношенію къ Польшѣ не была до сихъ поръ самая двусмысленная и эгоистичная? Развѣ не сознавался онъ самъ неоднократно, что Польша для него только средство, а не цѣль? Развѣ онъ не требовалъ постоянно все новыхъ и новыхъ жертвъ отъ поляковъ? Развѣ не отдѣлывался онъ отъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ самыми неопредѣленными указаніями на будущее? Въ замѣнъ всего этого Александръ намѣревался предложить полякамъ немедленное же возстановленіе ихъ отечества, осуществленіе въ самомъ ближайшемъ будущемъ самыхъ широкихъ и смѣлыхъ ожиданій польскихъ патріотовъ. Всѣ области, входившія когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго, Александръ думалъ возвратитъ Польшѣ и соединитъ ихъ въ одно цѣлое съ герцогствомъ Варшавскимъ. Австрійскую Галицію Александръ рассчитывалъ пріобрѣсти отъ Габсбурговъ мирнымъ путемъ въ обмѣнъ за Молдавію и Валахію, которыя онъ силился отнять во что бы-то ни стало отъ Порты. Возстановленную такимъ образомъ Польшу Александръ думалъ соединитъ съ Россіею лишь одною династическою связью. Польша должна была имѣть свое особое управленіе, свою армію, свои финансы, свою либеральную конституцію. Чего-же останется желать въ такомъ случаѣ полякамъ? А русскіе? Ихъ національное самолюбіе будетъ вполне удовлетворено номинальнымъ пріобрѣтеніемъ всей Польши. Какъ скоро ихъ Императоръ будетъ носить на себѣ корону возстановленной Польши, они легко примирятся съ отторженіемъ старо-русскихъ земель отъ Имперіи.

Александръ не сомнѣвался ни на минуту въ возможности осуществленія своего плана. Онъ думалъ, что онъ имѣетъ въ польскомъ лагерѣ несомнѣнно вѣрнаго друга и могучаго союз-

вила своей бабки и отрекался отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ-бы видѣть ее счастливою! Не чудомъ-ли въ этой атмосферѣ, въ этой обстановкѣ, могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродѣтели“. См. „Рус. Архивъ“ за 1871 годъ, статья: „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій“. Извлеченіе и переводъ изъ извѣстной книги Masade „Alexandre et le prince Czartorysky“ etc.

ника, въ лицѣ князя Адама Георга Чарторыжскаго. Онъ разсчитывалъ кромѣ того на ревностное содѣйствіе іезуитовъ; онъ былъ увѣренъ, что они окажутъ въ его пользу громадное вліяніе на поляковъ. Это странное предположеніе опиралось въ воображеніи Александра на два, повидимому, пезыблемыя основанія. Наполеонъ, какъ истый сынъ революціи, ненавидѣлъ и боялся іезуитовъ, онъ гналъ и преслѣдовалъ ихъ повсюду, онъ не терпѣлъ ихъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго. Наполеонъ относился кромѣ того въ послѣднее время враждебно и къ самому папству; своимъ недостойнымъ и грубымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ преемнику св. Петра онъ вызвалъ противъ себя негодованіе всѣхъ истинныхъ католиковъ, пробудилъ симпатіи къ римскому престолу даже въ такихъ кружкахъ, которые относились до тѣхъ поръ къ папамъ и папству съ полнымъ равнодушіемъ, если и не съ враждою. Что-же касается іезуитовъ, Александръ не только терпѣлъ ихъ въ Россіи, но даже покровительствовалъ имъ. Въ русскомъ Императорѣ сыны Лойолы обожали своего либеральнаго, великодушнаго защитника; въ Наполеонѣ они видѣли своего страшнаго и непримиримаго врага. Въ рядахъ іезуитовъ было столько поляковъ, самъ генералъ ихъ Березовскій былъ полякъ. Поляки были прежде и больше всего католики и поклонники іезуитовъ. Александръ всегда относился благосклонно къ католической церкви и ея главѣ, папѣ. Подымая оружіе за возстановленіе Польши, онъ хотѣлъ выступить въ тоже время и на защиту поправленныхъ правъ римскаго первосвященника. Съ какимъ энтузіазмомъ, казалось, должны были откликнуться на его призывъ поляки, съ какою энергіею должны были работать въ его пользу іезуиты!

Странное, ужасное заблужденіе! Не есть-ли оно ясное доказательство того печальнаго религіознаго индифферентизма, того космополитическаго міровоззрѣнія, которыя развиты были въ Императорѣ Александрѣ его гуманными философскими воспитателями! Какъ страшно заблуждался онъ на счетъ своихъ предполагаемыхъ вѣрныхъ друзей въ польскомъ лагерѣ, въ средѣ іезуитовъ! Князь Чарторыжскій, на котораго такъ твердо разсчитывалъ Императоръ, къ которому онъ относился со

всею искренностью юношеской дружбы, давно уже продалъ его какъ настоящій Іуда, давно уже перешелъ въ лагерь его злѣйшаго врага. Уже со времени Тильзитскаго мира Чарторыжскій покинулъ русскую службу, поселился въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго и хотя и не занялъ тамъ никакого оффиціального положенія, но тѣмъ не менѣе перешелъ навсегда и окончательно въ Наполеоновскій лагерь. Такой поступокъ князя нисколько не охладилъ, однакоже, дружественныхъ чувствъ къ нему Императора Александра. По прежнему считалъ онъ князя своимъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ, по прежнему довѣрялъ ему въ письмахъ свои задушевныя мысли и уговорилъ его оставить за собою важный постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Чарторыжскій умѣлъ воспользоваться какъ нельзя лучше безграничнымъ довѣріемъ русскаго Государя. Дѣятельно работалъ онъ надъ распространеніемъ польской цивилизаціи въ Западномъ краѣ, устраивалъ на русскія деньги польскіе лицеи и школы, трудился неутомимо надъ полонизаціею и закрѣпощеніемъ русскаго кореннаго населенія и ловко успѣвалъ въ то же время скрывать отъ Императора настоящій характеръ и цѣль своей дѣятельности. Онъ умѣлъ увѣрить Александра, что вся его дѣятельность направлена исключительно на развитіе просвѣщенія и гуманности, что ему чужды всякія постороннія, политическія или религіозныя цѣли, что онъ имѣетъ въ виду лишь одно благо и счастье себѣ подобныхъ. Въ своихъ письмахъ Чарторыжскій постоянно говорилъ языкомъ чловѣка прямаго, откровеннаго, по временамъ почти грубаго, и этотъ тонъ его, вытекавшій такъ естественно изъ старой юношеской дружбы, окончательно подкупалъ Александра и разсѣивалъ сомнѣнія, вкрадывавшіяся по временамъ въ его душу на счетъ искренности стараго друга.

Желанія Чарторыжскаго были обязательны для Императора, его просьбы и ходатайства увѣнчивались всегда полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ Кременцѣ, на Волыни, нѣкто графъ Чацкій, одинъ изъ патріотовъ 1791 года, основалъ лицей; Чарторыжскій убѣдилъ Императора Александра взять этотъ лицей подъ свое покровительство. Императоръ подарилъ лицейю нѣсколько богатыхъ имѣній, ассигновалъ значительныя суммы на приоб-

рѣшеніе учебныхъ пособій, на устройство библіотеки и кабинетовъ. Само собою понятно, что устроенный такимъ образомъ лицей сдѣлался вскорѣ однимъ изъ главныхъ разсадниковъ польскаго національнаго духа, крайне враждебнаго Россіи и всему русскому. Понятно, что Александръ нисколько не подозрѣвалъ этого обстоятельства, что онъ слѣпо вѣрилъ своему другу, рекомендовавшему ему Чацкаго, какъ космополита и филантропа. Истина не замедлила, однакоже, выйти наружу. Поляки, учившіе и учившіеся въ Кременцѣ, перессорились по обыкновенію другъ съ другомъ; нѣкоторые изъ нихъ подали доносъ на Чацкаго самому Государю. Назначена была слѣдственная коммиссія, и хотя она не дала особенно важныхъ результатовъ, но Чарторыйскій почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ Чацкаго. Онъ потребовалъ отставки отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа и въ своихъ письмахъ старался дать понять Александру, что обстоятельства, быть можетъ, заставятъ его въ скоромъ времени играть нѣсколько иную политическую роль. *)

Принявъ на себя обычную маску прямоты и дружеской откровенности, Чарторыйскій напомнилъ Императору, что онъ вступилъ въ русскую службу крайне не охотно, единственно изъ личной дружбы къ Императору, и по его настоятельному желанію; что онъ желалъ служить только ему, Императору, лично (а не Россіи, министромъ иностранныхъ дѣлъ которой онъ состоялъ оффиціально!). Личныя чувства, питаемыя имъ къ Императору, не измѣнятся никогда, но трудности политическаго положенія побуждаютъ его въ настоящую минуту взять отставку и возвратиться къ тому образу жизни, оставить который онъ никогда не желалъ. **)

*) См. письмо Чарторыйскаго отъ 15 ноября 1810 г. Вся первая часть письма состоитъ въ защитѣ Чацкаго. Отождествляя себя вполне съ Чацкимъ, Чарторыйскій усматриваетъ въ назначеніи слѣдственной коммиссіи выраженіе недовѣрія Императора къ нему, какъ къ попечителю Виленскаго учебнаго округа и проситъ даровать полную отъ службы отставку. „Русскій Архивъ“ 1871, стр. 782—789.

**) „Сочетаніе многихъ причинъ“, говоритъ Чарторыйскій въ томъ-же письмѣ отъ 15 ноября 1810 года,—„мое здоровье, которое до сихъ поръ не можетъ поправиться, моя привязанность къ моей семьѣ, ея крайне разстроенная дѣла, видъ политическихъ обстоятельствъ, коихъ затруднительность всегда меня страшила, давно заставляютъ меня желать удаленія отъ службы. Поступилъ я

Итакъ Чарторыжскій ясно далъ понять Императору Александру, что съ этой минуты онъ намѣренъ принадлежать исключительно Наполеоновской Польшѣ. Александръ понялъ, однако-же, намеки князя, какъ видно, въ совершенно иномъ смыслѣ. Его другъ желаетъ удалиться навсегда въ частную жизнь, въ ту тихую, скромную среду, куда стремился онъ самъ всѣми силами своей души. Но теперь не время думать объ этомъ, онъ долженъ еще сослужить ему и своей родинѣ великую службу. *) И вотъ Александръ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 25 декабря 1810 г. посвящаетъ Чарторыжскаго въ задуманный имъ грандіозный планъ. Теперь настала минута доказать, что Россія вовсе не врагъ Польши, а напротивъ ея истинный и единственно вѣрный другъ; быть можетъ, наступило уже время и для возстановленія Польши. Прежде всего Чарторыжскій долженъ дать Императору отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: „Каково настроеніе общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ? Ухватятся-ли жители его съ жадностью за вѣрную возможность своего возрожденія, если она представится имъ? Ухватятся-ли они за эту возможность, все равно, кто-бы ни предложилъ ее имъ?“ (Само собою понятно, что провозглашеніе ихъ возстановленія должно предшествовать ихъ соединенію съ державою спасающею и доказать наглядно искренность намѣреній этой послѣдней). „Или же есть основаніе предполагать, что они раздѣлятся на партіи? Если такъ, то каковы эти партіи? Существуютъ-ли онѣ и въ войскѣ герцогства? Какая личность пользуется въ этомъ войскѣ наибольшимъ вліяніемъ?“

Императоръ не сомнѣвается, что Чарторыжскій поддержитъ его въ исполненіи его плана; дѣло идетъ о возстановленіи

на нее лишь по личной моей преданности къ В. И. В—ву. Вамъ однимъ хотѣлъ я служить. Чувства, подвинувшія меня къ тому, никогда не измѣнятся. Лишу себя даже надеждою, что и В. И. В—во соблаговолите сохранить ко мнѣ, въ частныхъ сношеніяхъ, долю той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали. Но относительно общественной службы дѣло иное, я слишкомъ окончательно и глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ ней я не могу больше принести никакой пользы В. И. В—ву“. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 786.

*) „То, что я сообщаю вамъ, будетъ поважнѣе гимназій и отставни, которую вы у меня просите. Вотъ минута, въ которую вы въ первый разъ можете сослужить вашей родинѣ дѣйствительную службу“. Письмо Императора отъ 25 декабря 1810 года. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 797.

Польши, объ освобожденіи Европы *). Если только между варшавцами господствуетъ единодушіе; если они, не колеблясь, примутъ возстановленіе своего отечества, все равно отъ кого бы оно ни исходило, тогда при помощи Божіей нѣтъ основанія сомнѣваться въ успѣхѣ. Если только поляки станутъ подъ его знамена, то онъ, Александръ, думаетъ вести войну наступательную, идти на Одеръ, на Эльбу. Громадное превосходство силъ будетъ на его сторонѣ. У него будетъ 100,000 русскихъ, 50,000 поляковъ, столько же пруссаковъ и 30,000 датчанъ, всего 230,000 человѣкъ. Наполеонъ, занятый испанскою войною, располагаетъ въ настоящее время въ Германіи всего лишь 60,000 французскихъ войскъ. Къ этой цифрѣ слѣдуетъ, правда, присоединить 30,000 баварцевъ, 30,000 саксонцевъ, 15,000 вестфаловъ и другихъ нѣмцевъ, что составитъ вмѣстѣ съ французами около 155,000 человѣкъ. Можно, однакоже, рассчитывать, что и остальные нѣмцы послѣдуютъ примѣру поляковъ и пруссаковъ, тогда у Наполеона останутся между Рейномъ и Одеромъ только 60,000 французовъ. Можно надѣяться, наконецъ, склонить на свою сторону и Австрію; тогда силы союзниковъ увеличатся еще на 200,000 человѣкъ. Отъ рѣшенія поляковъ зависитъ, такимъ образомъ, все,—судьба Европы и мира.

Отвѣтъ Чарторыжскаго на оригинальное посланіе Императора составленъ былъ чрезвычайно ловко. Князь старается прежде всего показать, что онъ съ своими личными симпатіями стоитъ всецѣло на сторонѣ Императора, что онъ готовъ содѣйствовать всѣми силами осуществленію его плановъ **), но

*) „Впрочемъ, предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересоваться насъ для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое вы приложите къ тому, чтобы не испортить дѣла, которому ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа своимъ избавленіемъ, а вы лично славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ намъ содѣйствіе оному“. Письмо отъ 25 декабря 1810 г.

***) Князь не находитъ словъ для выраженія Императору своей благодарности за благодѣтельныя его намѣренія по отношенію къ Польшѣ; объявляетъ, что намѣренъ исполнять его приказанія со всѣмъ усердіемъ, со всею осмотрительностью, на которыя онъ способенъ и столь хорошо, какъ позволяютъ то обстоятельства; говорить, что вполне сознаетъ важность минуты, и заявляетъ, что общій вопросъ, разобравъ уже Государемъ такъ мудро, ясно и осмотрительно, что ему остается отвѣчать лишь на частности. Письмо Чарторыжскаго отъ 18 января 1811 г. „Рус. Архивъ“, 1871 г. ст. 797—814.

въ то же время онъ не желаетъ скрывать на этотъ разъ правды отъ своего царственнаго друга. Въ Польшѣ, пишетъ князь, господствуетъ полиѣйшее единодушіе; возстановленіе королевства въ его старыхъ предѣлахъ—вотъ цѣль стремленій всѣхъ поляковъ. Они готовы принять возстановленіе своего отечества, все равно, отъ кого бы ни исходило оно, но будетъ трудно, почти невозможно убѣдить ихъ, что именно Россія намѣрена выступить въ роли ихъ спасительницы и возстановительницы. У поляковъ есть не мало причинъ жаловаться на Наполеона и сомнѣваться въ его добрыхъ намѣреніяхъ, но они возложили уже разъ на него всѣ свои надежды и трудно будетъ поколебать ихъ въ нихъ. Не слѣдуетъ забывать также братства по оружію, заключеннаго между французами и поляками на столькихъ поляхъ битвъ. А чувство благодарности? Вѣдь поляки хорошо понимаютъ, что единственно императору французовъ обязаны они тою частицею возстановленія своего національнаго существованія, которою пользуются они нынѣ. Извѣстно также, что почти всѣ знатные поляки воспитываютъ дѣтей своихъ въ Парижѣ, это обстоятельство усиливаетъ также привязанность къ Франціи. А развѣ поляки могутъ забыть 20,000 солдатъ своихъ въ Испаніи; вѣдь они находятся всецѣло въ рукахъ Наполеона.

Чарторыжскій не отказывался поѣхать въ Варшаву, павести тамъ дальнѣйшія справки и о результатахъ ихъ увѣдомить Александра. Во всякомъ случаѣ, думаетъ онъ, слѣдуетъ обѣщать полякамъ либеральную конституцію 1791 года, возстановленіе ихъ отечества въ его прежнемъ объемѣ и свободныя торговые пути съ иностранными государствами. Въ заключеніе князь вновь настаиваетъ на своей отставкѣ и говоритъ, что ему удобнѣе будетъ содѣйствовать планамъ Императора въ качествѣ независимаго польскаго магната.

Какъ ни уклончивъ былъ въ сущности отвѣтъ Чарторыжскаго, какъ ни мало надеждъ подавалъ онъ Александру, но Императоръ въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ (отъ 31 января и 12 февраля 1811 г.) продолжалъ настаивать на своемъ планѣ и развивать его подробно передъ своимъ мнимымъ другомъ. Онъ заявилъ, между прочимъ, что намѣренъ присоединить къ

возстановленной Польшѣ всѣ присоединенныя къ Россіи польскія области, за исключеніемъ, впрочемъ, Бѣлоруссіи *). Далѣе онъ обѣщаль полякамъ національную армію, отдѣльное самостоятельное управленіе и такую либеральную конституцію, которая во всякомъ случаѣ могла-бы удовлетворить поляковъ **). Въ замѣнъ всѣхъ этихъ щедрыхъ обѣщаній Императоръ требуетъ, чтобы корона Польши соединена была на вѣчныя времена съ короною Россійскою, и чтобы знатнѣйшіе представители герцогства Варшавскаго формально и торжественно заявили, что всѣ жители герцогства единогласно желаютъ возстановленія своего отечества при содѣйствіи Россіи и на основаніи вышеизложенныхъ условій.

Вслѣдъ затѣмъ Императоръ возвращается къ военной сторонѣ предстоящаго великаго дѣла. Онъ старается разсѣять сомнѣнія, высказанныя Чарторыжскимъ въ возможности успѣха ***)). Войско, которое будетъ сражаться совмѣстно съ поляками, состоитъ изъ 106,500 чел., его будетъ поддерживать вторая армія изъ 134,000 чел.; сформирована кромѣ того, изъ резервныхъ баталіоновъ и запасныхъ эскадроновъ, третья 45,000-я армія. Ко всѣмъ этимъ массамъ слѣдуетъ еще прибавить 80,000 рекрутовъ. Можно будетъ взять еще въ случаѣ надобности одну или двѣ дивизіи изъ Дунайской арміи. Итакъ, военныхъ силъ будетъ болѣе нежели достаточно. Остальныя трудности, указанныя княземъ, также не имѣютъ особаго значенія. На счетъ польскихъ солдатъ въ Испаніи нѣтъ надобности тревожиться особенно. Въ самомъ худшемъ случаѣ они могутъ сдѣлаться военно-плѣнными и только: нѣсколько затруднительнѣе

*) „Подъ этимъ возрожденіемъ подразумѣваю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу, со включеніемъ русскихъ областей, за исключеніемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ“. Письмо Императора Александра отъ 31 января 1811 года. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 815—822.

**) „Не помню хорошо конституціи 3-го мая, не могу рѣшить ничего, не выдавши ея и прошу васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ предлагается конституція либеральная, которая могла-бы удовлетворить желаніямъ жителей“. Письмо отъ 31 января.

***) Чарторыжскій высказалъ эти сомнѣнія подробно въ своемъ письмѣ отъ 18 января 1811 года. „Я такъ часто, замѣтилъ онъ, между прочимъ,—вдалѣ въ Россіи 100,000 ч., записанныхъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности ихъ было лишь 60,000“.

вопросъ о возвращеніи Польшѣ австрійской Галиціи; но Императоръ надѣется уладить и это дѣло, предложивъ Австріи въ замѣнъ Галиціи Молдавію и Валахію. Надо будетъ также подумать о вознагражденіи короля Саксонскаго, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ сражаться на сторонѣ Россіи и Польши.

Весь способъ веденія предстоящей войны будетъ зависѣть отъ поляковъ. Если они не откликнутся на зовъ Россіи, то Александръ будетъ вести войну строго оборонительную. Наполеонъ пытался, правда, раздражить всячески Россію, заставить ее выступить въ качествѣ нападающей стороны, но онъ, Александръ, никогда не впадетъ въ эту ошибку, гибельную при настоящемъ положеніи дѣлъ. Иное дѣло, если поляки соединятся съ нимъ. Тогда все переменится разомъ. Усиленный 100,000 поляковъ и пруссаковъ, поддерживаемый моральною революціею, которую вызоветъ, безъ сомнѣнія, примѣръ поляковъ во всей Европѣ, Александръ будетъ дѣйствовать тогда наступательно.

Въ союзѣ съ Россіею, замѣчаетъ въ заключеніе Императоръ, поляковъ ожидаетъ великая и славная судьба. Какая же участь ждетъ ихъ въ случаѣ союза съ Франціею? Герцогство Варшавское сдѣлается тогда театромъ войны; оно превратится въ пустыню, все равно на чью сторону не склонится побѣда.

Что-же отвѣчалъ князь Чарторыжскій на эти повторенныя и настойчивыя предложенія своего царственнаго друга? Отвѣты его остались для насъ, къ сожалѣнію, неизвѣстными. Не подлежить, однако-же, ни малѣйшему сомнѣнію, что отвѣты эти были во всѣхъ отношеніяхъ крайне неутѣшительнаго для Александра свойства. Они отнимали у него всякую надежду на возстановленіе поляковъ и на энергическую поддержку со стороны Чарторыжскаго *). Но спрашивается, излечили-ли они окончательно Императора отъ его пристрастія къ поля-

*) „Ваши предыдущія письма“, пишетъ Императоръ Александръ Чарторыжскому уже спустя слишкомъ годъ, 1-го апрѣля 1812 года, — „оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ“. Письмо Императора отъ 1-го апрѣля 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 822—829.

камъ, заставили-ли они отказаться его отъ всякихъ надеждъ на польское движеніе въ пользу дѣла Россіи и Европы? Нѣтъ. Александръ не могъ разстаться такъ скоро съ любимыми планами и мечтами своей молодости. Поляки продолжали играть важную роль въ его политическихъ и военныхъ комбинаціяхъ и, что всего важнѣе для насъ въ данномъ случаѣ, руководителями ихъ, ихъ обратителями на путь спасенія, должны были быть, по мнѣнію Александра, не кто-либо иной, какъ отцы іезуиты.

Въ числѣ многочисленныхъ иностранцевъ, тѣсвившихся въ главной Императорской квартирѣ въ Вильнѣ и предлагавшихъ Россіи и ея Императору свои спасительныя услуги, обращалъ на себя особенное вниманіе и нѣкто баронъ Армфельдтъ *). Ни характеръ, ни все довольно темное прошлое этой личности не могли возбудить къ нему особаго довѣрія. Армфельдтъ былъ родомъ шведъ, онъ владѣлъ обширными помѣстьями въ Финляндіи и одинъ изъ первыхъ перешелъ въ русское подданство. Въ противоположность другимъ финляндскимъ дворянамъ, проживавшимъ скромно на своихъ мызахъ, Армфельдтъ явился ко двору и счумѣлъ прибрѣсти личное расположеніе Императора Александра. Онъ счумѣлъ внушить Государю довольно высокое мнѣніе о своихъ дипломатическихъ способностяхъ, о своихъ обширныхъ связяхъ въ Швеціи и сѣверной Германіи. Въ дѣйствительности связи эти были далеко не такъ важны, какъ онъ старался ихъ представить. Армфельдтъ находился въ свое время въ сношеніяхъ съ извѣстнымъ прусскимъ партизаномъ Шилемъ, онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми членами „тугендбунда“,—вотъ и все. Не одинъ, впрочемъ, Императоръ Александръ, а также и многія другія высокопоставленныя лица этой эпохи придавали слишкомъ большое значеніе извѣстнымъ тайнымъ кружкамъ и ихъ дѣйствительнымъ или номинальнымъ вожакамъ. Въ Берлинѣ считали Армфельдта чуть не великимъ человѣкомъ **). Наполеонъ ставилъ

*) Армфельдтъ пропзведенъ былъ Александромъ въ достоинство графа.

***) Не такого мнѣнія былъ Пштейнъ. Вотъ что говоритъ онъ объ Армфельдтѣ: „онъ человѣкъ ловкій и подвижной, но не основательный и не крѣпкій; его мнѣнія и взгляды разумны, но не отличаются глубиною; въ дѣлахъ онъ полагается не на свою силу и убѣжденія, а на вліянія всякаго рода“. Перцъ, Stein's Leben. Т. III стр. 60.

Императору Александру въ особую вину, что онъ приблизилъ къ себѣ такого опаснаго и безнравственнаго человѣка, какъ этотъ шведскій проходимецъ *). Армфельдтъ выступалъ, разумѣется, повсюду яримъ врагомъ Наполеона и французской революціи, поборникомъ свободы европейскихъ государей и народовъ. Въ тихомолку онъ ловко обдѣлывалъ свои собственные дѣла, стремился пріобрѣсти всѣми силами вліяніе и власть. Онъ сблизился съ такимъ-же интриганомъ, какъ онъ самъ, министромъ полиціи Балашевымъ и принималъ, какъ извѣстно, самое дѣятельное участіе въ интригѣ противъ Сперанскаго **).

Армфельдтъ заключилъ также дружескія связи и съ тѣми польскими аристократами, которые гнѣздились при Петербургскомъ дворѣ. Побуждаемый этими лицами, онъ началъ вновь возбуждать въ Императорѣ Александрѣ угасшія на время польскія симпатіи и надежды. Онъ старался доказать Государю, что поляки перейдутъ на сторону Россіи, стоитъ лишь обѣщать имъ возстановленіе стараго королевства, либеральную конституцію, самостоятельное управленіе, отдѣльное войско. При этомъ Армфельдтъ ссылаясь на свою переписку съ знатными поляками и увѣрялъ Государя, что хотя поляки и не любятъ Россію, но за то высоко уважаютъ его, Императора Александра, и относятся съ недоувѣріемъ къ императору французовъ. Не довольствуясь собственными внушеніями, Армфельдтъ доставилъ доступъ къ Государю и извѣстному польскому эмигранту, графу Михаилу Огинскому. Огинскій игралъ въ свое время, въ 1794 г., не совсѣмъ блестящую роль въ войнѣ съ русскими. Съ тѣхъ поръ онъ велъ скитальческую жизнь политическаго изгнанника и авантюриста. Онъ появлялся то въ Парижѣ, то въ Турціи. Подобно тысячамъ своихъ земляковъ, онъ возлагалъ долгое время всѣ свои надежды сначала на французскихъ якобинцевъ, а затѣмъ на Наполеона. Мало-помалу онъ разочаровался, однакоже, въ властелинѣ французовъ и рѣшился искать спасенія для своей родины у великодуш-

*) „Армфельдтъ человѣкъ развратный, безсовѣстный, проныра“, говорилъ Наполеонъ Балашеву. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. I. стр. 142

***) Объ участіи Армфельдта въ интригѣ противъ Сперанскаго см. между прочимъ статью М. Погодина въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г.

наго русскаго Императора *). Онъ представилъ Александру планъ дѣйствія по отношенію къ полякамъ. Императоръ, доказывалъ онъ, долженъ пріобрѣсти прежде всего полное довѣріе поляковъ. Онъ долженъ образовать для этой цѣли особое великое княжество изъ Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Украйны и поставить во главѣ этого княжества свою сестру, великую княжну Екатерину Павловну. Это княжество должно имѣть свою особую конституцію, свое отдѣльное правительство и администрацію, оффиціальный языкъ въ немъ долженъ быть польскій. Князь Казиміръ Любомірскій въ свою очередь представилъ Императору особую записку, въ которой къ требованіямъ Огинскаго присоединялъ еще новое неслыханно дерзкое измышленіе. Великое княжество Литовское должно было имѣть, по его мнѣнію, свою особую армію; эта армія должна имѣть особую, отличную отъ русской форму, команда должна происходить въ ней на польскомъ языкѣ.

Само собою понятно, что всѣ эти фантастическіе и вѣроломные проекты польскихъ магнатовъ и ихъ шведскаго протектора остались одними бумажными продуктами, хотя Огинскій и увѣряетъ насъ, что Императоръ выслушалъ благосклонно его записку и даже замѣтилъ ему, что многія изъ его идей вполне совпадаютъ съ его собственными **). Ясно, что относясь такъ милостиво къ полякамъ и ихъ оригинальнымъ предложеніямъ, Александръ не хотѣлъ только отталкивать отъ себя польскую націю. Содѣйствіе поляковъ все еще казалось ему необходимымъ въ предстоящей борьбѣ, но онъ представлялъ уже себѣ это содѣйствіе въ нѣсколько иномъ видѣ въ 1812 г., нежели въ началѣ 1811 года, во время подготовлявшагося разрыва съ Наполеономъ. Онъ отказался уже теперь совершенно отъ всякой мысли о наступательной войнѣ и рѣшилъ твердо

*) О мотивахъ, побудившихъ Огинскаго оставить всѣ надежды на Наполеона и искать спасенія у Александра, см. его собственные мемуары. Michael Oginiski's Denkwürdigkeiten Т. II. стр. 310—313.

***) Что Александръ сочувствовалъ до извѣстной степени идеямъ Огинскаго, видно изъ его письма къ Чарторыжскому отъ 1 апрѣля 1812 г. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ объ устройствѣ великаго княжества Литовскаго, въ видѣ предварительной мѣры, и о дарованіи ему конституціи. „Русскій Архивъ“, 1871 г. стр. 825.

въ своемъ умѣ защищаться въ предѣлахъ самой Россіи,—вести борьбу строго оборонительную. Уже онъ пришелъ къ сознанию, что главное преимущество Россіи въ предстоящей ей тяжелой войнѣ заключается въ колоссальности ея пространственнаго протяженія. Уже въ письмѣ къ Чарторыжскому отъ 1 апрѣля 1812 г. указываетъ онъ на это обстоятельство и приписываетъ ему рѣшающее значеніе. „Удовольствуюсь, говорить онъ между прочимъ, напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою русскія войска для того, чтобы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будетъ подвергаться Наполеонъ по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ“ *).

Итакъ, война оборонительная, итакъ отступление во внутрь Россіи! Но высказывая эту общую мысль, Александръ вовсе не думалъ, что отступление это можетъ продолжаться до самыхъ внутреннихъ губерній, до самаго сердца Россіи—Москвы. Онъ надѣялся задержать непріятеля еще въ предѣлахъ Западнаго края, не пустить его далѣе Двины и Днѣпра. Силы Наполеона должны были разбиться о крѣпкія позиціи, заранѣе избранныя нами у Дриссы и на Двинѣ, и его отступление должно было окончиться гибелью его арміи. Вотъ съ этого-то времени, съ начала отступления Наполеона, должно было начаться и рѣшительное для остальной Европы возстаніе поляковъ. Именно въ эту минуту думалъ провозгласить Александръ возстановленіе польскаго королевства и онъ не сомнѣвался, что этотъ рѣшительный шагъ его произведетъ магическое дѣйствіе на поляковъ. Почву для прочнаго союза поляковъ съ Россіею должны были приготовить іезуиты; силою своего нравственнаго вліянія они должны были привлечь умы поляковъ на сторону Императора Александра и зажечь въ ихъ сердцахъ ненависть къ обожаемому ими Наполеону. Александръ нисколько не сомнѣвался, что іезуиты могутъ совершить это чудо; онъ думалъ, что они съ энтузіазмомъ возьмутся за это дѣло уже изъ одного чувства благодарности къ русскому Императору, осыпавшему ихъ столькими благодѣяніями, а еще болѣе изъ яснаго пониманія своихъ собственныхъ выгодъ и чести св.

*) Тоже письмо отъ 1 апрѣля 1812 года.

отца, такъ смертельно оскорбленнаго властелиномъ французовъ. Что іезуиты поступаютъ именно такъ, а не иначе, что они дѣйствительно проникнуты чувствами самой пламенной благодарности къ Россіи и ея Императору, въ этомъ неустанно увѣряли Александра не только всѣ его приближенные изъ поляковъ, но также и посланникъ короля Сардинскаго, графъ Иосифъ де-Местръ, челоуѣкъ, мнѣнію котораго въ этомъ вопросѣ Императоръ Александръ придавалъ особенно большое значеніе.

Де-Местръ *) принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу знаменитѣйшихъ софистовъ новой эпохи. Извѣстно, что онъ всю свою жизнь посвятилъ ожесточенной борьбѣ противъ революціи и ея разрушительныхъ началъ. Неустанная борьба съ революціею,—борьба, происходившая, впрочемъ, исключительно на поприщѣ салона, литературы и дипломатической интриги, открыла де-Местру доступъ ко дворамъ, доставила ему громкую славу въ аристократическихъ и придворныхъ кружкахъ. Единственное спасеніе отъ революціоннаго яда де-Местръ видѣлъ совершенно основательно въ религіи, но подъ религіею онъ понималъ не христіанство въ истинномъ, высокомъ его значеніи, ни даже римскій католицизмъ, а тотъ видъ католицизма, который проповѣдуется іезуитами. Іезуитовъ и папство де-Местръ считалъ тѣми единственными спасительными силами, которыя могутъ остановить всеокрушающій потокъ революціи, возстановить падшій авторитетъ правительства, разрушенную семью, поруганную общественную и частную нравственность. Что папство и іезуиты стремятся сами всѣми силами къ владычеству надъ міромъ, объ этомъ обстоятельствѣ де-Местръ благоразумно умалчивалъ; да его аристократическіе слушатели, очень мало знакомые съ исторіею прошлаго, ослѣпленные и ошеломленные страшнымъ призракомъ революціи, и не въ состояніи были задавать ему непріятные вопросы

*) Главнымъ источникомъ для изученія многосторонней дѣятельности графа де-Местра въ Россіи должно служить извѣстное изданіе: *Memoires politiques et correspondance diplomatique de J. de-Maistre*. Paris 1859. Извлеченіе изъ этого изданія помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г. стр. 54 и слѣд. Де-Местръ былъ посломъ Сардинскаго короля въ Россію въ теченіи 14 лѣтъ, начиная съ 1803 года.

по этому поводу. Съ чего-же слѣдуетъ начать, по мнѣнію де-Местра, спасеніе общества отъ революціоннаго яда? Разумѣется, необходимо прежде всего обратить самое тщательное вниманіе на воспитаніе юношества, необходимо предоставить это великое дѣло іезуитамъ и организовать все воспитаніе по образцу, давно уже выработанному знаменитымъ орденомъ *). Прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы учить какъ можно меньше, — учить лишь тому, что существенно необходимо. Не слѣдуетъ обременять память молодыхъ людей слишкомъ большимъ количествомъ свѣдѣній, не слѣдуетъ напрягать черезъ мѣру ихъ умственныя способности. Не надо увеличивать такъ поспѣшно число училищъ въ Имперіи; русскій народъ вовсе не требуетъ ихъ, не нуждается въ нихъ. Императоръ долженъ проникнуться прежде всего убѣжденіемъ, что онъ нуждается только въ людяхъ честныхъ и въ людяхъ храбрыхъ, другими словами въ покорныхъ подданныхъ и въ храбрыхъ солдатахъ. Наука, доказываетъ де-Местеръ, дѣлаетъ человѣка лѣнливымъ и неспособнымъ къ великимъ предпріятіямъ; она развиваетъ въ немъ духъ самомнѣнія и заносчивости, превращаетъ его въ критическаго наблюдателя за дѣйствіями правительства, въ поборника новизны, въ врага сильной власти и національности. Не слѣдуетъ забывать также, что наука существуетъ не для всѣхъ. Военные, на примѣръ, а ихъ число составитъ 80 процентовъ всего русскаго дворянства, не могутъ и не должны быть учеными. Наука дѣлаетъ военнаго домо-сѣдомъ и лѣнтяемъ, она отнимаетъ у него ту смѣлость, тотъ предпріимчивый духъ, безъ которыхъ немислимы великіе успѣхи. Къ тому же огромное большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не пожелаетъ учиться прилежно, а безъ прилежанія невозможно серьезное ученіе. Естественныя науки должны быть изгнаны, по мнѣнію де-Местра, изъ гимназій, лицеевъ и другихъ общеобразовательныхъ заведеній. Не слѣдуетъ также обременять память учениковъ и отравлять ихъ образъ мыслей изученіемъ всеобщей исторіи; ни одна наука

*) Свои мысли о воспитаніи де-Местеръ изложилъ въ пяти письмахъ къ министру народнаго просвѣщенія, Разумовскому. Они помѣщены въ „Lettres et Opuscules“, Т. II стр. 350 и слѣд.

не проникнута такимъ страшнымъ ядомъ для молодыхъ умовъ, какъ исторія. Само собою понятно, что въ школахъ не можетъ имѣть мѣста преподаваніе государственнаго и естественнаго права. Греческій языкъ также не долженъ входить въ программу русской школы. Онъ слишкомъ труденъ для русскихъ; всякій русский, особенно знатный и благородный, согласится скорѣе выдержать три похода и шесть сраженій, нежели выучить греческія спряженія.

Такимъ оригинальнымъ образомъ доказывалъ де-Местръ необходимость изгнанія греческаго языка изъ русской школы въ письмѣ своемъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, Разумовскому. Нѣсколько откровеннѣе высказался онъ по этому же вопросу въ своей книгѣ „О папѣ“. Латинскій языкъ, говоритъ онъ тамъ, есть языкъ римскихъ завоевателей и миссіонеровъ римской церкви. Греческій языкъ есть, правда, языкъ евангелія; но евангеліе не можетъ и не долженъ читать добрый христіанинъ, онъ долженъ довольствоваться живымъ словомъ епископа и священника. Братское единство, вытекающее изъ одного общаго языка, представляетъ собою таинственную, необычайно сильную связь. Въ девятомъ столѣтіи папа Іоаннъ VIII имѣлъ слабость дозволить славянамъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, хотя и самъ признавалъ вредъ этого разрѣшенія. Григорій VII отмѣнилъ распоряженіе своего предшественника, но это было уже поздно по отношенію къ русскимъ. Какія невыгоды проистекли изъ этой снисходительности Іоанна VIII для великаго русскаго народа? Если-бы латинскій языкъ утвердился въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ, тогда, быть можетъ, Россія не подпала бы подъ владычество татаръ. Знаменитые Славяне никогда не попали бы тогда въ руки грековъ, исторія которыхъ въ состояніи возбудить только ужасъ и сожалѣніе.

Таковы были оригинальныя воззрѣнія де-Местра на задачи русской школы. Само собою понятно, что ловкій софистъ не высказывалъ своихъ мнѣній непосредственно Императору Александру, а старался проводить ихъ черезъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и черезъ Разумовскаго. Предъ самимъ Императоромъ де-Местръ выступалъ преимущественно въ качествѣ фило-

софскаго противника революціи и ея порожденія—Наполеона. Іезуиты, доказывалъ онъ Государю, могутъ принести громадную, неизмѣримую пользу и въ борьбѣ съ революціонными идеями, и съ самимъ Наполеономъ. Но для этого необходимо имъ дать средства. Они должны имѣть такое высшее учебное заведеніе, которое пользовалось бы всѣми правами университетовъ, которое дало бы имъ возможность воспитать цѣлое поколѣніе будущихъ наставниковъ и руководителей юношества и вѣрныхъ слугъ государства. Такое дѣло еще болѣе крѣпкими узами соединить іезуитовъ съ Россіею и заставить ихъ рѣшиться на все, тамъ гдѣ дѣло идетъ о пользѣ и чести русскаго Государя.

Императоръ Александръ поддался на выводы ловкаго софиста, онъ далъ слово де-Местру возвести іезуитскую Полоцкую коллегію на степень академіи. Между тѣмъ наступилъ страшный 1812 годъ. Александръ, все еще не оставившій своихъ польскихъ плановъ, рѣшился воспользоваться для ихъ осуществленія услугами іезуитовъ. Сама судьба, казалось, предостерегала его отъ этихъ союзниковъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, Магницкій донесъ министру полиціи Балашеву, что какой-то іезуитъ являлся къ нему съ предложеніемъ отравить Наполеона. Балашевъ донесъ объ этомъ Государю; тотъ вскипѣлъ негодованіемъ и въ скоромъ времени пригласилъ къ себѣ графа де-Местра. „Что думаете вы объ іезуитахъ?“—спросилъ Государь входящаго графа. Де-Местръ разразился восторженными похвалами; въ своемъ увлеченіи онъ дошелъ до того, что объявилъ: „никогда-бы не было французской революціи, если-бы папа не закрылъ такъ несвоевременно іезуитскаго ордена.“ *) „Мнѣ донесли недавно“, прервалъ его государь.—„Я знаю, что вы хотите сказать, ваше величество“, замѣтилъ де-Местръ. „Но развѣ можно вѣрить доносамъ такого человѣка, какъ Магницкій. Человѣкъ, рѣшающійся на подобныя вещи, самъ заслуживаетъ висѣлицы, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ даже назвать того патера, который сдѣлалъ ему подобное предложеніе“. Александръ, повидимому, вполне удовлетворился этимъ

*) Подробности этого разговора см. въ депешѣ де-Местра къ его правительству отъ 20 апрѣля 1812 года.

голословнымъ оправданіемъ. Немедленно-же обратился онъ къ вопросу, занимавшему его всего болѣе въ то время. „Какъ вы думаете, спросилъ онъ де-Местра, — расположены-ли іезуиты дѣйствовать въ добромъ смыслѣ на общественное мнѣніе въ Польшѣ?“ *) — „Они готовы къ этому, — отвѣчалъ де-Местръ, и употребятъ на это дѣло всѣ свои силы. Я скоро буду между ними и постараюсь воспламенить еще болѣе ихъ рвеніе, хотя и считаю это излишнимъ. Ученіе іезуитовъ, по отношенію къ тому вопросу, который имѣете въ виду, ваше величество, есть ученіе католическое. Свѣтъ солнца менѣе извѣстенъ, нежели это ученіе“ **). Іезуиты пожали давно подготовленную жатву, они получили свою награду заблаговременно. Въ апрѣлѣ 1812 года послѣдовала Высочайшая грамота объ учрежденіи въ Полоцкѣ іезуитской академіи, „для торжественнаго ознаменованія, какъ сказано въ ней, особеннаго монаршаго благоволенія къ Полоцкой іезуитской коллегіи, толикую пользу принеспей воспитаніемъ юношества“ ***). Номинально академія была подчинена министру народнаго просвѣщенія, въ дѣйствительности же она управлялась вполнѣ самостоятельно генераломъ іезуитскаго ордена. Академіи предоставлены были всѣ права и преимущества университетовъ. Она возводила въ ученые степени и всѣ ея дипломы имѣли одинаковое значеніе съ университетскими. Академія раздѣлялась на три факультета: богословскій, философскій и смѣшанный, въ которомъ преподавались науки естественныя и юридическія. Она имѣла свою собственную типографію и ей принадлежала цензура печатаемыхъ въ ней книгъ. Наконецъ, всѣ іезуитскія училища въ Имперіи подчинены были Полоцкой академіи. Іезуиты и друзья ихъ ликовали. Великое дѣло, о которомъ хлопотали такъ долго и безу-

*) *Croyez-vous qu'ils fussent disposés à travailler sur l'opinion, en Pologne dans le bon sens?* Делега де-Местра отъ 20 апрѣля 1812 года.

**) *Ils y sont tres disposés, et ils s'y emploieront de toutes leurs forces; je vais d'abord les voir sur les lieux et je les échaufferai des toutes mes forces, mais, je crois, inutilement. Leur enseignement est enseignement catholique (sur le point que vous avez en vue); le soleil est moins connu.* Тамъ-же.

***) Текстъ грамоты помѣщенъ у гр. Толстаго въ его сочиненіи „Католицизмъ въ Россіи“. Т. II. Приложение 12. Подробности объ открытіи академіи у Морозкина. Т. II, глава 7.

спѣшно два генерала ордена, Груберъ и Березовскій, было совершено... Теперь іезуиты должны были сослужить обѣщавшую ими службу. Александръ не сомнѣвался въ ихъ благодарной готовности; ниже мы увидимъ, какъ оригинально поняли іезуиты свой долгъ по отношенію къ Россіи и ея Государю.

Таковы были тѣ печальныя самообольщенія, которымъ предавался Императоръ Александръ на самомъ канунѣ разрыва съ Наполеономъ. На ряду съ этими зловѣщими признаками не было, правда, недостатка и въ другихъ болѣе отрадныхъ предзнаменованіяхъ. Александръ не бросался на этотъ разъ въ войну очертя голову, не соразмѣривъ своихъ силъ съ силами противника, какъ было это въ 1805 году. Онъ былъ далекъ отъ всякой самоувѣренности и отлично сознавалъ, что предстоящая борьба потребуетъ со стороны Россіи крайняго напряженія силъ *). Лучше кого-либо другаго сознавалъ онъ также, что главное дѣло въ этой борьбѣ должно выпасть на долю народа русскаго, что необходимо, слѣдовательно, прежде всего сдѣлать эту войну народною, возбудить чувство патриотизма въ народѣ, показать ему, что на этотъ разъ дѣло идетъ о спасеніи чести и существованія отечества. Но для этого необходимо было прежде всего найти человѣка, который по своему характеру, складу ума, образу міровоззрѣнія, могъ-бы явиться посредникомъ между монархомъ и народомъ, языкъ котораго былъ-бы понятенъ и доступенъ для народа. Императоръ Александръ отлично понималъ, что такого человѣка онъ не можетъ найти въ той высшей и придворной средѣ, которая окружала его. Всѣ эти люди, да прежде всѣхъ самъ Императоръ, получили воспитаніе совершенно не русское. Они привыкли говорить и думать по французски, они не умѣли выражаться съ достаточною силою, ясностью и правиль-

*) „Если только война начнется, писалъ Александръ Чарторыжскому, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противоположность тому, коего вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятея. Напротивъ того его силу признають и считаютъ неудачи весьма возможными; но не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь Имперіи“. Пис. Импер. Александра отъ 1 апрѣля 1812 года.

ностью на родномъ языкѣ. Нельзя было найти такого человѣка и въ той новой литературной школѣ, которая сосредоточилась тогда вокругъ блестящаго своего представителя—Карамзина. И этотъ разрядъ людей былъ слишкомъ проникнутъ космополитическими идеями запада, и онъ былъ крайне далекъ отъ народа, отъ его первобытнаго, не тронутаго разлагающими вѣяніями вѣка, міровоззрѣнія, отъ его горячаго, всепроникающаго религіознаго чувства.

Уже съ самаго начала 1812 года Александръ искалъ такого вполне русскаго человѣка, который могъ-бы занять при немъ должность государственнаго секретаря *) въ такую трудную пору, въ виду предстоящей народной войны,—который могъ-бы проникаться его возвышенными мыслями и чувствами и выражать ихъ въ формѣ достойной и понятной для народа. Одно время онъ останавливался на Карамзинѣ, который былъ симпатиченъ ему лично, проникнутъ до извѣстной степени тѣми-же идеями, какъ онъ самъ. Уже тотчасъ послѣ паденія Сперанскаго онъ собирался дать Карамзину важное государственное назначеніе, но вскорѣ онъ отказался отъ этой мысли, по наговорамъ и интригамъ, какъ говорятъ одни,—по зрѣломъ обдуманіи дѣла, какъ кажется это намъ. Уже одно то обстоятельство, что Карамзинъ былъ человѣкъ новый и притомъ, главнымъ образомъ, литераторъ, что онъ былъ пропитанъ, подобно самому Императору Александру, идеями запада, дѣлало его въ концѣ концовъ мало способнымъ говорить съ народомъ въ такія торжественныя минуты. Надо было найти человѣка иного закала, болѣе опытнаго, болѣе виднаго въ государственной службѣ, и въ тоже время

*) Гротъ, въ своей статьѣ „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, приводитъ два свидѣтельства о томъ, что Императоръ Александръ желалъ назначить сначала государственнымъ секретаремъ Карамзина, но Балашевъ, которому Государь сообщилъ эту мысль, указалъ на Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота, не задолго передъ тѣмъ обратившаго на себя вниманіе своею рѣчью о любви къ отечеству. Блудовъ передавалъ Гроту, что Императоръ Александръ избралъ Шишкова вѣроятно по наговорамъ, что Карамзинъ неспособенъ къ такой должности. Намъ кажется, что всѣ эти свидѣтельства не имѣютъ значенія и что Императоръ руководился именно тѣми побужденіями, на которыя указано въ текстѣ. См. также примѣчаніе издателей Записокъ Шишкова, т. I стр. 123.

болѣе простаго. И вотъ вниманіе Александра останавливается на адмиралѣ Шишковѣ. Выборъ оригинальный, бросающій яркій свѣтъ на характеръ Императора Александра! Онъ совсѣмъ не былъ расположенъ къ Шишкову и не благоволилъ ему до самаго послѣдняго времени *). Что могло быть общаго между нимъ и этимъ 60-ти лѣтнимъ старикомъ, всецѣло проникнутымъ идеями и воспоминавіями великой Екатерининской эпохи, смотрѣвшимъ съ такимъ явнымъ неудовольствіемъ на всѣ реформы и нововведенія его царствованія, придиравшимся даже къ такимъ мелочамъ, какъ раздача орденовъ духовнымъ лицамъ, сторонившимся такъ упорно отъ всѣхъ новыхъ людей, окружавшихъ Государя. А между тѣмъ старый адмиралъ былъ именно такой человѣкъ, какой нуженъ былъ теперь Императору Александру. При всѣхъ своихъ странностяхъ и недостаткахъ, онъ производилъ на всѣхъ, и въ томъ числѣ на иностранцевъ, впечатлѣніе человѣка умнаго, честнаго и, прежде всего, русскаго, и притомъ русскаго съ ногъ до головы. Онъ не былъ способенъ ни къ геніальному парепію Державина, ни къ тонкой, изящной рѣчи Карамзина; его умственный кругозоръ не былъ особенно обширенъ, но за то онъ стоялъ всецѣло на почвѣ своего народа, своей вѣры и стоялъ крѣпко, непоколебимо. Тамъ, гдѣ дѣло касалось его родины, его земляковъ, его вѣры, тамъ онъ не зналъ страха человѣческаго, тамъ онъ способенъ былъ возвыситься до истиннаго вдохновенія, тамъ онъ могъ говорить языкомъ чуднымъ, сильнымъ, языкомъ чисто русскимъ.

„Шишковъ, замѣчаетъ въ своихъ воспоминавіяхъ Арндтъ**), былъ великій оригиналъ, истый русскій и, какъ сдается мнѣ, самаго лучшаго закала. Въ немъ выразился основной типъ его народа — веселость, шутливость и неописанная ловкость какъ въ тѣлодвиженіяхъ, такъ и въ игрѣ фізіономіи. Въ немъ должно быть нѣчто Суворовское, — шестидесяти-пятилѣтній старецъ, скорѣе худощавый, чѣмъ полный, съ лицомъ весьма ха-

*) См. примѣчаніе къ запискамъ, гдѣ Шишковъ самъ говоритъ о той немилости, въ которой онъ былъ у Александра до самаго 1812 года. Т. I, стр. 118.

**) Арндтъ, извѣстный германскій патріотъ, былъ вызванъ Штейномъ въ Петербургъ въ 1812 г. Онъ говоритъ о Шишковѣ въ своихъ воспоминавіяхъ (переводъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г. стр. 75—121).

рактарнымъ, чертами ироническими и притомъ крайне добродушными, безпрестанно измѣняющимися съ быстротою, невиданною мною ни на какомъ другомъ лицѣ“ *).

Шишковъ, вѣкогда не пользовавшійся при Александрѣ никакимъ особеннымъ вліяніемъ, со времени Тильзитскаго мира находился совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ, всецѣло поглощенный своими литературными упражненіями. Его ненависть къ Бонапарту достигла въ это время до своей высшей степени; подъ вліяніемъ горячаго чувства оскорбленнаго патриотизма написалъ онъ свое разсужденіе „о любви къ отечеству“ **). Императоръ просмотрѣлъ это сочиненіе, ему показалось, что именно такимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ народомъ и онъ порѣшилъ немедленно же призвать къ себѣ Шикова. Шиковъ, не ожидавшій ничего подобнаго, явился во дворецъ, смущенный, взволнованный. Онъ ожидалъ чего-то недобраго ***), но Государь принялъ его ласково, съ тою чарующею любезностью, которая была присуща ему. „Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству, сказалъ онъ старому адмиралу. Имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезнымъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ“. — „Государь! я

*) Одинъ изъ русскихъ очевидцевъ такъ характеризуетъ Шикова: „Просто душно набожный и всецѣло преданный вѣрѣ отцевъ, глубоко изучившій богослужбный славянскій языкъ и въ немъ искусный, не менѣе преданный прямодушно и искренно самодержавному у насъ престолу, ревностный почитатель всѣхъ нашихъ народныхъ преданій и не чуждый коренныхъ нашихъ предрасудковъ противъ всего иновернаго и чужеземнаго, опасливый и по временамъ ярый борецъ съ наплывомъ западныхъ европейскихъ идей, прямой, добродушный, честный и скорѣе вроткій человекъ, чѣмъ страстный, Шиковъ первый воплотилъ въ себѣ тричастный русскій символъ православія, самодержавія и народности“. См. Свербеевъ. „Первая и послѣдняя встрѣча моя съ Шиковымъ“. „Русскій Архивъ“, 1871 г.

**) Шиковъ, написавъ свое разсужденіе, не рѣшался, однакоже, долго читать его въ Весѣдѣ любителей русскаго слова: „Времена были тяжкія, говоритъ онъ по этому поводу въ своихъ запискахъ,—и я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванствѣ посланника его Колянкура, и притомъ зная неблаговоленіе ко мнѣ Государя Императора, опасался, чтобы не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства возбуждать гордость народную“. Записки Шикова. Т. I стр. 117—118.

***) См. Записки Шикова, Т. I, стр. 119—121.

никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ. Это будетъ первый мой опытъ; а потому и не знаю, могу-ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе“, — отвѣчалъ Шишковъ. Государь настоятельно повторилъ свою просьбу, и уже на другой день манифестъ былъ готовъ. Опытъ удался, какъ нельзя лучше. Манифестъ былъ написанъ въ такомъ благородномъ, сдержанномъ, но въ тоже время народномъ и патріотическомъ духѣ, что долженъ былъ произвести наилучшее впечатлѣніе. Онъ далекъ былъ отъ сухаго, дѣловаго тона подобныхъ бумагъ, отъ дипломатическихъ тонкостей и оправданій предпринимаемой чрезвычайной мѣры. Онъ указывалъ на тревожное положеніе Европы вообще, на опасности, могущія возникнуть для Россіи, и выражалъ непоколебимую увѣренность, что народъ русскій, столь миролюбивый по природѣ своей, возстанетъ, по примѣру прошлаго, какъ одинъ человекъ на защиту вѣры и отечества, безъ всякаго различія въ чинахъ, званіяхъ и состояніяхъ *). Ожиданія Государя оправдались какъ нельзя лучше; уже чрезъ нѣсколько дней по изданіи манифеста министръ внутреннихъ дѣлъ началъ получать донесенія и письма изъ разныхъ городовъ, въ которыхъ говорилось, что присланный къ нимъ манифестъ не только не произвелъ того прискорбія, какое обыкновенно при подобныхъ требованіяхъ бываетъ, но что напротивъ всѣми вообще съ радостью былъ читанъ **). Гигантъ, имя которому народъ русскій, угрожаемый въ самомъ своемъ отечествѣ, затронутый въ своихъ существеннѣйшихъ интересахъ и въ чести своего любимаго Царя, началъ заявлять свою непреклонную волю — отстоять во что-бы-то ни стало цѣлость своей родины. Александръ чутко прислушивался къ этимъ первымъ движеніямъ народнаго духа; онъ начиналъ надѣяться, что это движеніе перейдетъ въ бурю негодованія, энтузіазма, всесокрушающей силы съ той минуты, когда надменный непріятель отважится внести свое оружіе въ предѣлы Россіи. Отправляясь въ Вильну на встрѣчу непріятеля, Государь взялъ съ собою Шишко-

*) Текстъ манифеста въ полномъ собраніи законовъ 1812 г. 25,051, а также въ приложеніи къ первому тому Записокъ Шишкова, стр. 423 и 24.

***) Записки Шишкова. Т. I, стр. 122.

ва въ качествѣ государственнаго секретаря; черезъ его посредство думалъ онъ извѣщать народъ свой о предстоящихъ грозныхъ событіяхъ, его словомъ думалъ онъ раздуть священное пламя одушевленія въ сердцахъ русскихъ.

Итакъ, не смотря на всѣ призраки, которыми мнимые друзья и радѣтели о благѣ Россіи и Европы старались ввести Императора Александра въ заблужденіе относительно истиннаго положенія дѣлъ, не смотря на всѣ колебанія, онъ еще до открытія военныхъ дѣйствій нашелъ уже ту почву, на которой могъ держаться незыблемо, коснулся уже того источника живой силы, который долженъ былъ спасти его, Россію и Европу. Но было-бы ошибочно утверждать, что онъ укрѣпился уже окончательно на этой почвѣ, что все свое упованіе возлагалъ онъ уже тогда на благодать Провидѣнія и на мощь народа русскаго. Нѣтъ, его голова наполнена была еще и другими обманчивыми надеждами и комбинаціями; противоположныя настроенія и страшныя сомнѣнія тѣснились въ его душѣ. Уже чаша терпѣнія его и миролюбія исчерпана была до конца, уже страшныя полчища непріятели придвинулись къ самому рубежу земли русскаго, уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Наполеонъ намѣренъ унижить и разорить Россію, а Императоръ Александръ, мягкая человѣколюбивая душа котораго содрогалась при одной мысли о всѣхъ ужасахъ и бѣдствіяхъ предстоящей войны, все еще не терялъ надежды на миръ, все еще ожидалъ поваго чудеснаго поворота, долженствовавшаго спасти его отъ послѣдняго ужаснаго рѣшенія. Какъ прежде въ эпоху подготовлявшагося разрыва, такъ и теперь до послѣдней минуты предпринималъ онъ все новыя и новыя попытки примиренія. А Наполеонъ, старавшійся обмануть и опутать его окончательно, намѣренно поддерживалъ въ немъ эти надежды. Уже за нѣсколько дней до разрыва онъ прислалъ въ Вильну своего уполномоченнаго, графа Нарбонна. Хотя Нарбоннъ не привезъ съ собою никакихъ опредѣленныхъ предложеній, хотя вся его миссія носила на себѣ шпіонскій характеръ, тѣмъ не менѣе Государь принялъ его благосклонно, осыпалъ любезностями, велъ съ нимъ бесплодные переговоры и показывалъ ему свои войска.

Изъ этой же послѣдней, замирающей надежды сохранить миръ вытекла отчасти и посылка Балашева къ Наполеону, хотя нельзя не замѣтить, что отряжая этого послѣдняго вѣстника мира, Императоръ имѣлъ въ виду и другую, болѣе сообразную съ обстоятельствами цѣль *). Онъ хотѣлъ выставить Наполеона передъ глазами всего свѣта единственнымъ виновникомъ войны и доказать еще разъ, и притомъ въ такую тяжелую минуту, свое миролюбіе **). Понятно, что посольство Балашева не имѣло, да и не могло имѣть никакихъ результатовъ; оно дало только Наполеону удобный случай разыграть одну изъ тѣхъ трагикомедій, устроить ту возмутительную для самого его же сцену, разыгрывать которая онъ былъ такой великій мастеръ ***). Чего только не наговорилъ императоръ французовъ русскому министру полиціи. Онъ увѣрялъ его въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи и чуть не горячей любви къ Императору Александру и не скрывалъ въ то же время своего намѣренія унижить этого Государя. Само собою понятно, что всю вину въ происшедшемъ разрывѣ онъ сваливалъ на Александра, что онъ упрекалъ его за стремленіе сосредоточить вокругъ себя всѣхъ враговъ Франціи, что онъ говорилъ о тѣхъ негодяхъ, которыми окружилъ себя русскій Государь. Само собою понятно, что главное мѣсто въ числѣ этихъ негодяевъ занималъ Штейнь, тотъ самый Штейнь, который казался Императору Александру и всѣмъ честнымъ людямъ идеаломъ честности и благородства. Глумясь надъ Царемъ русскимъ, Наполеонъ не щадилъ и народа русскаго. Съ осо-

*) Балашевъ отправленъ былъ къ Наполеону въ тотъ день, когда въ Вильнѣ получено было извѣстіе о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ, т. е. когда война началась уже фактически. Балашевъ изложилъ весь разговоръ свой съ Наполеономъ въ особой запискѣ, дословно напечатанной Н. Ф. Дубровинимъ въ его трудѣ „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“. См. также статью „Историческаго Вѣстника“ 1883 г. май: „Свиданіе генерала Балашева съ Наполеономъ“, стр. 424 и слѣдующія.

**) „Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посланки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Евролѣ и послужитъ повмѣю доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы“. Подлинныя слова Александра при отпускѣ Балашева.

***) Извѣстно, что Наполеонъ припаялъ Балашева только послѣ прибытія своего въ Вильну, въ томъ самомъ кабинетѣ, изъ котораго Императоръ Александръ отправилъ нѣсколько дней тому назадъ своего уполномоченнаго.

бешною ядовитостью отзывался онъ о религіозности народа русскаго, указывалъ съ насмѣшкою на огромное количество церквей въ Россіи и монастырей и на весь вредъ ихъ для страны. Русскій уполномоченный принужденъ былъ выслушивать терпѣливо весь этотъ потокъ императорскаго солдатскаго краснорѣчія; но говоря вообще, министръ полиціи держалъ себя не безъ достоинства. Своими немногими возраженіями онъ билъ даже императора въ самыя больныя мѣста и наводилъ его, быть можетъ, на непріятное раздумье. На замѣчанія Наполеона объ огромномъ количествѣ церквей и монастырей въ Россіи, Балашевъ возразилъ, что въ Испаніи также очень много монастырей и церквей. Наполеонъ началъ говорить о различныхъ дорогахъ въ Москву, Балашевъ напомнилъ, что одною изъ этихъ дорогъ шель Карль XII. Послѣ продолжительной бесѣды, Наполеонъ отпустилъ русскаго уполномоченнаго. Дипломатія закончила свое дѣло и началась война. Ночью съ 11 на 12 іюня французы переправились черезъ Нѣманъ.

Начало военныхъ дѣйствій отнюдь не знаменуетъ собою конца тѣхъ колебаній, тѣхъ обманчивыхъ надеждъ, которымъ отдавалась такъ охотно увлекающаяся натура Императора Александра. У самаго порога войны Александръ имѣлъ еще крайне невѣрныя представленія о силахъ и намѣреніяхъ противника, а его собственные планы и расчеты страдали съ одной стороны теоретичностью, а съ другой неумѣстною и неоправдываемою обстоятельствомъ обширностью и раскиданностью. Силы Россіи, не смотря на долгія приготовленія, далеко не могли сравниться по своей численности съ силами ея страпнаго противника, а между тѣмъ эти силы не были сосредоточены на томъ театрѣ войны, гдѣ должно было воспослѣдовать рѣшеніе. Значительная часть нашихъ войскъ находилась вдали отъ западныхъ границъ; она предназначалась для такъ называемыхъ диверсій въ тылу противника. Три дивизіи подъ начальствомъ генерала Штейнгейля собраны были на сѣверѣ, въ Финляндіи и окрестностяхъ Петербурга. Онѣ должны были соединиться съ шведами, помочь имъ при завоеваніи Норвегіи—за эту цѣну Швеція заключила съ нами союзъ,—переправиться затѣмъ въ сѣверную Германію и поднять тамъ воз-

станіе противъ французовъ. Еще болѣе важная задача возлагалась на Дунайскую армію, только что окончившую войну съ Турціею. Она должна была проникнуть чрезъ Сербію въ Далмацію и Иллирію, а въ случаѣ возможности даже въ сѣверную Италію. Предполагалось, не безъ основанія, что воинственныя славянскія племена Балканскаго полуострова окажутъ ей могущественное содѣйствіе, что англичане поддержать ея предпріятія своимъ флотомъ, что ея успѣхи могутъ отвлечь отъ Наполеона даже Австрію. Императоръ Александръ и нѣкоторые изъ его военныхъ совѣтниковъ придавали обѣимъ этимъ диверсіямъ, особенно послѣдней, громадное значеніе, но они упускали при этомъ изъ виду самое основное правило военнаго искусства. Правило это требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ должны совершаться рѣшительныя дѣйствія. Во всякомъ случаѣ диверсія эти могли оказать вліяніе только тогда, когда на главномъ театрѣ войны уже воспослѣдуетъ безповоротное рѣшеніе. Въ концѣ концовъ онѣ должны были устранить отъ участія въ этомъ рѣшеніи весьма значительную часть нашихъ силъ и оказать гибельное вліяніе на весь исходъ дѣла.

Еще важнѣе было другое обстоятельство. Въ то время какъ въ французской арміи господствовало строжайшее единство и вся власть и военныя команды сосредоточены были всецѣло въ однѣхъ желѣзныхъ рукахъ, въ русской главной квартирѣ господствовалъ настоящій хаосъ. Всѣ три русскія арміи на западной границѣ имѣли каждая своего особаго главнокомандующаго, и ни одинъ изъ нихъ не пользовался никакимъ авторитетомъ надъ двумя своими товарищами. Главнокомандующій первой западной арміи, Барклай-де-Толи имѣлъ, повидимому, право считать себя выше двухъ другихъ, Багратиона и Тормасова, во-первыхъ потому, что его армія была самая многочисленная, а во-вторыхъ и потому, что самъ онъ занималъ высокій постъ военнаго министра; но оба эти несомнѣнные преимущества не могли доставить ему прямого начальства надъ всѣми арміями. Самъ по себѣ Барклай-де-Толи *) былъ человѣкъ въ высо-

*) Отзвы о Барклай-де-Толи какъ полководцѣ см. у Богдановича и особенно Bernhardt. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I.

кой степени почтенный, хотя и далеко не гениальный. Онъ не принадлежалъ къ числу ученыхъ стратеговъ, но за то былъ превосходный практикъ. Необычайно твердый характеръ, непоколебимое спокойствіе, обдуманность даже въ самыя критическія, страшныя минуты, гдѣ всѣ другіе теряли голову и дѣйствовали подѣ влияніемъ возбужденія и страсти, отличали его въ ряду всѣхъ другихъ нашихъ вождей. Съ этимъ ледянымъ спокойствіемъ сочеталась въ немъ самымъ изумительнымъ образомъ блестящая личная храбрость. Къ тому-же это была высоко-честная, прямая, добрая натура, человѣкъ, на котораго можно было положиться безусловно всегда и вездѣ. Ничто такъ не вредило Барклаю, какъ его нерусское происхожденіе. Его чуждымъ русскому народу именемъ, хотя душа его была чисто русская, пользовались его враги и завистники, чтобы оклеветать его въ глазахъ народа, чтобы поколебать довѣріе къ нему Государя. Не слѣдуетъ упускать также изъ виду, что въ военной іерархіи Барклай стоялъ ниже Багратіона и Торماسова, такъ какъ оба они были произведены въ генералы отъ инфантеріи, прежде нежели онъ.

Какъ-бы то ни было, но не предоставляя верховной команды надъ всѣми арміями Барклаю, Александръ думалъ руководить самъ движеніями своихъ войскъ, слѣдуя при этомъ внушеніямъ и совѣтамъ своего военнаго министра, бывшаго прусскаго полковника, а въ то время генераль-лейтенанта Фуля *). Фуль былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ недюжинный, но прежде всего страшный оригиналь и настоящій теоретикъ. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ образованіи, но ему совершенно недоставало практическихъ знаній. Человѣкъ крайне замкнутый въ самомъ себѣ, онъ вѣчно сторонился отъ внѣшней жизни и не хотѣлъ знать ее, насколько это было возможно. Военный по призванію и по склонности, онъ не обращалъ, однакоже, ни малѣйшаго вниманія на современныя военныя событія. Онъ не признавалъ военнаго гениа Наполеона; Юлій Цезарь и Фридрихъ II казались ему единственными, достойными изученія мастерами военнаго дѣла; постоянно изу-

*) О Фуль и его планахъ см. Clausewitz. Der Feldzug in Russland 1812. T. I. Bernhardt. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, въ особенности страницы 255 и слѣд.

чалъ ихъ походы, но изучалъ безъ всякой исторической критики. Послѣдствіемъ такого изученія явилась, наконецъ, его собственная система, не выдерживавшая, по замѣчанію Клаузевица, ни исторической, ни философской критики. Она заключалась въ чисто мертвомъ, механическомъ правилѣ, казавшемся ему послѣднимъ словомъ стратегической мудрости. Оборонительную войну, гласило это правило, слѣдуетъ вести двумя арміями. Одна изъ этихъ армій должна противостоять непріятелю съ фронта, другая должна производить диверсіи въ тылу его и флангахъ. Для того чтобы прикрывать какую-нибудь дорогу, всего лучше располагаться въ сторонѣ отъ нея, т. е. занимать такъ называемую фланкирующую позицію *). Таковы были основныя истины Фулевской стратегіи, которыя онъ считалъ одинаково непреложными при всѣхъ условіяхъ, одинаково примѣнимыми при всѣхъ обстоятельствахъ. Возвѣщая эти истины тономъ непогрѣшимаго учителя, Фуль относился въ тоже время съ такимъ презрѣніемъ къ поверхностности, фальши и слабости заурядныхъ людей, бичевалъ съ такою горькою ироніею эти обычные недостатки толпы, что невольно производилъ на людей, имѣвшихъ случай слушать его, впечатлѣніе человѣка необыкновенно глубокаго, сильнаго, гениальнаго. Погруженный въ глубину своего собственнаго я, въ вѣчное созерцаніе своей стратегіи, Фуль терялся окончательно при малѣйшемъ столкновеніи съ грубою дѣйствительностью. Раздражительный, мягкій по природѣ, онъ неспособенъ былъ къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, и его горделивое мнѣніе о силѣ и непоколебимости разъ выработаннаго имъ рѣшенія часто оказывалось несостоятельнымъ въ приложеніи къ дѣлу. Иронія была его выдающимся качествомъ, она нападала на него послѣ всякой большой неудачи, послѣ страшной катастрофы. Онъ изливался тогда пѣлымъ потокомъ упрековъ, насмѣшекъ, хоталъ какъ безумный и не дѣлалъ ровно ничего для спасенія потеряннаго дѣла. Во время неудачъ, постигшихъ союзниковъ въ революціонную войну, Фуль говаривалъ съ сарказмомъ: „какое мнѣ до этого дѣло, вѣдь все равно, все должно пойти къ

*) Это положеніе своей стратегіи Фуль заимствовалъ изъ сочиненія генерала Вюлова. *Bernhardi*. Т. I стр. 256.

чорту!“ Во время бѣгства съ поля битвы при Іенѣ онъ бросилъ свою шляпу на землю и кричалъ съ хохотомъ безумнаго: „прощай прусская монархія!“ Въ ноябрѣ 1812 года, въ то самое время, когда французы бѣжали уже изъ Россіи, Фуль обратился къ Клаузевицу со словами: „вѣрьте мнѣ, изъ всего этого дѣла не выйдетъ ничего добраго!“

Спрашивается: какими способами могъ пріобрѣсти этотъ чудакъ то безграничное довѣріе, которымъ онъ пользовался, одно время, у Императора Александра? Безъ сомнѣнія, онъ привлекъ къ себѣ русскаго Государя отчасти кажущеюся глубиною своихъ стратегическихъ соображеній, а еще болѣе своимъ дѣйствительно честнымъ и благороднымъ характеромъ. Онъ неспособенъ былъ льстить и заискивать подобно другимъ проходимцамъ, онъ былъ человѣкомъ вполне самостоятельнымъ, а это и располагало къ нему все болѣе и болѣе Императора.

Планъ дѣйствій, составленный Фулемъ и одобренный Государемъ, основался на предположеніяхъ и данныхъ, вовсе не существовавшихъ въ дѣйствительности. Фуль полагалъ, что Наполеонъ располагаетъ не болѣе какъ 200,000-ою арміею*), тогда какъ въ дѣйствительности силы непріятеля доходили до полумилліона солдатъ. Русская армія, по мнѣнію Фуля, должна была состоять также изъ 200,000 человѣкъ, тогда какъ на дѣлѣ она далеко не достигала этой цифры. Всѣ силы Наполеона, по предположенію Фуля, были сосредоточены на средней Вислѣ, тогда какъ въ дѣйствительности они расположены были гораздо сѣвернѣе, по нижнему Нѣману. Фуль былъ почему-то увѣренъ, что Наполеонъ перейдетъ русскую границу между Гродно и Бѣлостокомъ, и что отъ Гродно онъ или повернетъ налѣво къ Вильнѣ, или же пойдетъ прямымъ путемъ на Слонимъ и Минскъ къ Смоленску. Эта вторая случайность казалась ему, впрочемъ, мало вѣроятною. При наступленіи первой случайности, первая русская армія, состоявшая, по оп-

*) Такихъ же крайне ошибочныхъ мнѣній о численности непріятельскихъ армій держались и другіе составители плановъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. Такъ полковникъ Толъ въ запискѣ, поданной имъ князю Волконскому 22-го мая 1812 г., полагалъ, что главная сила Наполеона, съ которою онъ направится противъ первой арміи, будетъ состоять изъ 100,000 чел. (!) Bernhardt. Toll's Denkwürdigkeiten, T. I, стр. 269.

редѣленію Фуля и самого Императора, изъ 120,000, а въ дѣйствительности всего изъ 95,000 чел., должна была собратся у Свѣнцианъ въ четырехъ переходахъ позади Вильны и отступить вслѣдъ затѣмъ въ укрѣпленный лагерь на Двинѣ, подъ Дриссою. Позиція подъ Дриссою имѣла въ глазахъ Фуля особенно важное значеніе, именно потому, что она лежала между тремя дорогами, изъ которыхъ двѣ вели къ Петербургу, а одна къ Москвѣ. Отсюда, изъ этого пресловутаго лагеря, можно было одинаково угрожать флангу Наполеона, все равно, какимъ бы путемъ ни двинулся онъ. Мѣсто для лагеря подъ Дриссою было избрано адъютантомъ Фуля, Ф. Вольцогеномъ, такимъ же чудакомъ и педантомъ, какъ и онъ самъ. Лагерь былъ разбитъ и укрѣпленъ по указаніямъ самого Фуля, но не смотря на все это, а можетъ быть именно поэтому, онъ оказался совершенно негоднымъ для оборонительныхъ цѣлей. Расположенный на берегу широкой, но мелкой Двины, окруженный съ фронта большими лѣсами, онъ могъ быть легко обойденъ, атакованъ съ тыла и въ такомъ случаѣ русскую армію должна была постигнуть неизбѣжная гибель.

Столь-же неосновательны были и предположенія Фуля относительно второй русской арміи, князя Багратиона. Эта армія должна была дѣйствовать во флангъ и тылъ наступающаго Наполеона, а между тѣмъ возможно-ли было допустить, что Наполеонъ направитъ всѣ свои силы противъ одной первой арміи, что онъ не отрядитъ весьма значительную часть ихъ противъ второй и постарается или истребить ее совершенно, или отбросить ее далеко на югъ. Къ тому-же эта вторая армія состояла вовсе не изъ 80,000 человѣкъ, какъ предполагалъ Фуль, а всего лишь изъ 40,000 человѣкъ *).

Едва только сдѣлался извѣстнымъ планъ Фуля, какъ со всѣхъ сторонъ подвергся ожесточенной критикѣ. Боевые генералы только пожимали плечами и съ негодованіемъ отворачивались отъ хитросплетеній кабинетнаго стратега. Знатные иностранцы, толпившіеся при Императорской главной квартирѣ, элегантные генералъ-и-флигель-адъютанты, не имѣвшіе никако

*) Или даже изъ 35,000, какъ высчитываетъ Беригарди Toll's Denkwürdigkeiten. Т. I стр. 236.

го опредѣленнаго назначенія, обуреваемые непобѣдимой потребностью мѣшаться во все и вся, громко выражали свое неодобреніе, предлагали свои собственныя соображенія и планы. Особенно суетились и выходили изъ себя ясновельможные паны, находившіеся въ свитѣ Государя. Почти всѣ русскіе генералы, въ томъ числѣ и Барклай *), громко высказывались противъ плана Фуля уже потому, что первый шагъ къ его выполненію заключался въ отступленіи передъ надменнымъ непріателемъ. Не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, они сгорали нетерпѣніемъ дать противнику рѣшительную битву и остановить его дерзкое стремленіе на самомъ рубежѣ Россіи. Къ счастью для Россіи и для міра Императоръ Александръ остался глухъ ко всѣмъ критикамъ своихъ приближенныхъ и требованіямъ своихъ генераловъ. Увѣренный въ превосходствѣ плана Фуля, онъ положилъ держаться его во что-бы то ни стало. Провидѣніе видимо начинало покровительствовать Россіи. Планъ Фуля **), самъ по себѣ несостоятельный, сдѣлался однако же первою причиною отступленія нашихъ войскъ, а въ этомъ отступленіи заключалась единственная возможность нашего спасенія. Не далеко уже было то время, когда предъ прозрѣвшими очами Александра должно было обнаружиться ясно, что Божественный промыслъ обращаетъ къ нашему благу и спасенію самыя страшныя ослѣпленія и ошибки наши.

Пока Императоръ Александръ былъ еще крайне далекъ отъ того настроенія, въ которомъ онъ могъ ожидать спасенія отъ неисповѣдимой благодати провидѣнія, пока онъ возлагалъ еще

*) Отступленіе вовсе не входило въ первоначальныя намѣренія Барклая, а вызвано было лишь послѣдующими событіями. „Надѣюсь, писалъ онъ князю Багратиону, что Богъ избавитъ насъ отъ отступленія“, — въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 г. См. Bernhardi, Toll's Venkwürdigkeiten, T. I, стр. 267.

**) Впослѣдствіи Фуль утверждалъ, что его планъ вовсе не ограничивался отступленіемъ къ Дриссѣ, а предполагалъ и дальнѣйшее отступленіе во внутрь Россіи, даже до самой Москвы. Такъ передаетъ, по крайней мѣрѣ, со словъ Фуля, прусскій фельдмаршалъ Мюфлингъ. Любопытно, однакоже, что другіе свидѣтели, бесѣдовавшіе съ Фулемъ въ томъ же 1819 г., какъ и Мюфлингъ, ничего не знаютъ объ этой второй части его плана. Не знаетъ объ ней также ничего и Вольцогенъ, интимный другъ Фуля, посредникъ между нимъ и русскими генералами. См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, Beilage 5.

всѣ свои надежды на мудрость и силу человѣческія. Шумная жизнь кипѣла вокругъ Императора въ Вильнѣ. Все, казалось, поглощено было веселіемъ, наслажденіемъ минуты; все, казалось, забыло о страшной тучѣ, висѣвшей надъ головами. Празднества, балы, смотри войскъ слѣдовали одни за другими. Польскіе паны стеклись отовсюду съ своими семействами. Императоръ Александръ, по своей врожденной любезности и изъ известной уже намъ политической цѣли, всѣми силами старался привлечь къ себѣ поляковъ. На людей серьезныхъ и настроенныхъ мрачно вся обстановка и весь ходъ дѣлъ въ Вильнѣ производили тяжелое, непріятное впечатлѣніе. „Многія вещи, говоритъ Шишковъ, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, казались мнѣ странными, или, иначе сказать, такими, которыхъ я понимать не могъ. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ. Первое, — меня удивляло, что Государь говоритъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Второе, меня удивляло, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оставить оную безъ сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ, думалъ я, идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи? Развѣ непріятель безъ отступленія нашего не пошелъ бы къ намъ?“ *).

Почтеннаго адмирала удивляли еще и многія другія обстоятельства. Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, какъ высокопоставленные лица, напр. великій князь Константинъ Павловичъ **), тратили время и заботы на муштровку солдатъ, на мелочи и пустяки параднаго строя. Но всего болѣе поражала Шишкова та страшная безпечность, которая господствовала вокругъ него, которая втягивала его самого въ свой водоворотъ ***).

*) Записки Шишкова. Т. I стр. 125. Известно, что Шишковъ былъ яримъ противникомъ отступленія и остался таковымъ, не смотря на неслыханные результаты этого отступленія. Свой взглядъ на весь ходъ кампаніи почтенный адмиралъ излагаетъ подробно въ запискахъ. Т. I стр. 131—138.

**) Записки Шишкова. Т. I стр. 125—126.

***) Не одинъ, впрочемъ, Шишковъ, но и другіе свидѣтели повѣствуютъ о шумной и веселой жизни въ Вильнѣ на канунъ войны. Графиня Шуазель-Гуфье,

„Мы жили, говоритъ онъ, съ такою безопасностью, что даже не слыхали о непріятелѣ, словно какъ бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насъ: занимались веселостями, строили галерею или залу, чтобы дать въ ней великолѣпный балъ, но зала сія, еще не доконченная, повалилась, и строитель ея пропалъ безъ вѣсти. Случайность ли то была, или злонамѣреніе, чтобы ей обрушиться во время собранія и задавить многихъ, — никто не знаетъ *). Въ одинъ день, проводя вечеръ съ довольною пріятностью, пришелъ я домой и, ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать, — какъ вдругъ въ два часа по полуночи будятъ меня и говорятъ, что Государь за мною прислалъ. Я съ торопливостью вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ нему. Онъ былъ уже одѣтъ и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ, сказалъ онъ мнѣ: „надобно теперь же написать приказъ нашимъ арміямъ и къ фельд-маршалу, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы“ **).

Такъ окончилось виленское веселье. Прошло недѣли двѣ послѣ переправы Наполеона черезъ Нѣманъ, а уже несостоятельность плана Фуля начала обнаруживаться очевидно. Силы непріятеля были настолько колоссальны, что онъ имѣлъ полную возможность двинуть на каждую изъ нашихъ армій подавляющія массы. Барклай, тѣснымъ главными силами непріятеля съ Наполеономъ во главѣ, принужденъ былъ отступать шагъ за шагомъ къ Дриссѣ. Но если это отступление вхо-

урожденная Тизенгаузенъ, въ свое время блестящая красавица, съ видимымъ увлеченіемъ вспоминаетъ объ этой эпохѣ въ своихъ мемуарахъ. Съ какимъ восторгомъ говоритъ она о красотѣ Императора Александра, о его чарующей любезности съ дамами, о его добротѣ и простомъ, непринужденномъ обращеніи. Графиня описываетъ подробно балъ, устроенный всѣми придворными. Записки гр. Шуазель-Гуфье помѣщены въ „Русской Старинѣ“, за 1877 стр. 579—632. См. также записки графа Комаровскаго: „Русскій Архивъ“ 1867 стр. 766.

*) Изъ рассказовъ Шуазель-Гуфье и гр. Комаровскаго оказывается, что строителемъ злополучной галереи былъ полякъ Шульдъ, что обрушилась она вслѣдствіе случайности, а не изъ злонамѣренія и что несчастный строитель, онасясь отвѣтственности, утопился въ Вилн. Этотъ случай не помѣшалъ, впрочемъ, празднеству, замѣчаетъ гр. Шуазель-Гуфье. Все общество собралось на подмосткахъ, удѣлѣвшихъ отъ галереи и т. д. См. также записки гр. Комаровскаго, стр. 765.

**) Записки Шимкова. Т. I стр. 127.

дѣло въ планѣ Фуля и могло казаться добровольнымъ и вовсе невынужденнымъ непріателемъ, то въ совершенно иномъ видѣ представлялось положеніе дѣлъ по отношенію къ нашей второй арміи. Наполеонъ съ самаго начала поставилъ своею задачею оттѣснить князя Багратіона какъ можно далѣе отъ первой арміи, окружить его со всѣхъ сторонъ и нанести ему, если представится возможность, рѣшительное пораженіе: съ этою цѣлью онъ направилъ противъ 2-й арміи весьма значительныя силы сначала подъ предводительствомъ брата своего Іеронима Вестфальскаго, а потомъ маршала Даву. Багратіонъ вскорѣ попалъ въ самое затруднительное положеніе. Онъ вышелъ изъ него безъ особенно большихъ потерь, единственно благодаря своей енергіи, неслыханной стойкости и выносливости своихъ войскъ и медленности движеній французовъ, — медленности, въ которой Наполеонъ винилъ всецѣло своего брата, но которая произошла скорѣе отъ дурныхъ дорогъ, недостатка провіанта и громадной убыли въ лошадяхъ. Принужденный бороться съ превосходными силами непріателя, отрѣзанный почти отъ всякихъ сообщеній съ первою арміею, Багратіонъ не могъ производить, разумѣется, тѣхъ движеній во флангъ и въ тылу непріательской арміи, которыя предписывались ему по плану Фуля. Ему казалось, что онъ имѣетъ передъ собою главныя силы Наполеона и онъ горько жаловался, что первая армія не пользуется этимъ выгоднымъ для нея положеніемъ дѣлъ и не переходитъ въ свою очередь къ наступленію. Отсутствіе всякаго единства въ дѣйствіяхъ, совершенное разобщеніе нашихъ армій, недовѣріе и вражда между главнокомандующими, — вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ повело выполненіе Фулевскаго плана уже на первыхъ шагахъ.

Между тѣмъ первая армія благополучно достигла Дриссы. Въ теченіи трехъ дней отъ 27 до 29 іюня войска наши располагались въ укрѣпленномъ лагерѣ въ симметрическомъ порядкѣ, заранѣе предначертанномъ Фулемъ. Государь прибылъ въ лагерь еще 26-го числа. Новыя тяжелыя разочарованія ожидали его тутъ. Прежде всего онъ узналъ здѣсь, что армія Багратіона, тѣснимая непріателемъ, принуждена была отсту-

пить сначала къ Минску, а затѣмъ еще далѣе на югъ къ Нѣсвежу и Бобруйску. Последняя надежда привлечь Багратиона ближе къ лагерю, воспользоваться его силами для давленія на флангъ и тылъ противника, исчезла, такимъ образомъ, окончательно. Столь-же неосновательными оказались всѣ упованія на неприступныя твердыни Дрисскаго лагеря. „Какое мое было удивленіе, говоритъ Шишковъ *), когда я отъ нѣкоторыхъ искусныхъ и благомыслящихъ людей услышалъ, что мѣстоположеніе сіе, при построенной на берегу рѣки ничтожной бойницѣ, скорѣе можетъ послужить въ пользу непріятеля, нежели нашу; даже говорили, что это западня, въ которую всѣ безъ изъятія могутъ быть загнаны и пойманы. Хотя служба всегда во фронтѣ, былъ я несвѣдущъ о выгодныхъ или невыгодныхъ мѣстоположеніяхъ для битвы сухопутныхъ войскъ, однакожъ, по рассказамъ ихъ, находилъ сіе опасеніе ихъ весьма основательнымъ и справедливымъ. Тяжкая грусть овладѣла мною“. Уже въ день прибытія Государь вмѣстѣ съ своею свитою осматривалъ укрѣпленія лагеря. Находившійся тутъ-же Фуль, замѣчаетъ очевидецъ Клаузевицъ, объяснялъ Императору значеніе и цѣль укрѣпленій, причѣмъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Императоръ видимо искалъ въ замѣчаніяхъ своихъ спутниковъ подтвержденія словъ Фуля, но онъ видѣлъ только однѣ сомнѣвающіяся, недовольныя фізіономіи. Полковникъ Мишо даже открыто высказывалъ свое порицаніе, а молчаніе остальныхъ присутствующихъ служило какъ-бы краснорѣчивымъ подтвержденіемъ его словъ **).

Съ этого времени Государь потерялъ окончательно всякую вѣру въ военный геній Фуля. Онъ сталъ избѣгать его, въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не говорилъ съ нимъ ни слова. Само собою понятно, что глядя на Государя, и всѣ осталь-

*) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 188. О Дрисскомъ лагерѣ см. Богдановичъ, Т. I, стр. 167—168; Bernhardi, Т. I, стр. 261. Комаровскій рассказываетъ, что укрѣпленія лагеря были показаны ему Толемъ. „Баронъ Толь математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возьметъ“. Записки графа Комаровскаго. „Русскій Архивъ“ 1867 г. 772.

***) См. Bernhardi, Т. I, стр. 297.

ные начали сторониться отъ несчастнаго стратега *). А Фуль? Онъ впалъ въ свое обычное ироническое настроеніе. Въ разговорахъ съ генераль-адъютантомъ Ожаровскимъ онъ хохоталъ вѣроятно тѣмъ же смѣхомъ, какъ и въ дни Іенскаго погрома. Шишковъ, бывшій свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ, считалъ этотъ хохотъ неумѣстнымъ весельемъ, видѣлъ въ немъ ясный признакъ, если и не зложеланія, то, по крайней мѣрѣ, равнодушія къ нашему жребію **). Онъ и не подозрѣвалъ, что въ душѣ злосчастнаго происходила страшная внутренняя борьба, что его мужество было сломлено окончательно, что онъ боялся царской немилости со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями. Долго уговаривалъ его Клаузевицъ предупредить окончательный разрывъ, пойти къ Императору и дать ему совѣтъ отдать команду надъ арміею безусловно генералу Барклаю. Фуль рѣшился, наконецъ, идти къ Государю. Вопреки ожиданіямъ, Императоръ принялъ его ласково; онъ подалъ видъ, что пріиметъ свое рѣшеніе единственно въ слѣдствіе совѣта Фуля ***).

Уже на другой день въ военномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовали лишь немногіе генералы и приближенные Государя: Волконскій, Аракчеевъ, Барклай, принцъ Георгій Ольденбургскій и Вольцогенъ, повѣренный Фуля, рѣшено было покинуть лагерь подъ Дриссою и дать первой арміи такое направленіе, которое сблизило-бы ее съ Багратиономъ. Рѣшеніе это состоялось, благодаря, главнымъ образомъ, настояніямъ Барклая-де-Толли. Энергически возсталъ онъ противъ намѣренія дать сраженіе подъ Дриссою; въ соединеніи обѣихъ русскихъ армій, въ возможно полномъ сосредоточеніи силъ видѣлъ отъ теперь единственное спасеніе отечества. Вольцогенъ, защищавшій до сихъ поръ всѣ предположенія Фуля, те-

*) Никто не потѣшался такъ ядовито надъ Фулемъ, какъ маркизь Паулуччи, римскій генераль-губернаторъ. Онъ называлъ Дрисскій лагерь не иначе, какъ лагерь подъ Пирною. Записка Пучкова къ Комаровскому говоритъ: „никто такъ не надобѣдалъ генералу Фулю своими дерзкими насмѣшками на счетъ укрѣпленнаго его лагеря, какъ маркизь Паулуччи. Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальскій столъ, но бѣдный Фуль пересталъ ходить съ нами, чтобы не быть предметомъ насмѣшекъ“. Записки, 773.

**) Шишковъ, Записки. Т. I. стр. 139.

***) Bernhardi. Т. I, стр. 300.

перь рѣшительно отрекся отъ нихъ къ немалому удивленію Императора. Онъ заявилъ, что планъ Фуля теперь неосуществимъ, такъ какъ не оправдалось ни одно изъ тѣхъ предположеній, которыя лежали въ его основѣ. Динабургъ и Себежъ оказываются крѣпостями никуда не годными, и, что самое главное, русская армія не превосходитъ численностью французскую, какъ принималось это въ началѣ *).

Распрощавшись съ планами Фуля, Императоръ Александръ одержалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великую побѣду надъ самимъ собою. Онъ не впалъ ни въ разочарованіе, ни въ отчаяніе, онъ почувствовалъ въ себѣ, напротивъ, новыя, небывалыя силы, а его сердце, наполняемое до тѣхъ поръ ложными надеждами и хитросплетеніями человѣческими, начало проникаться теплою вѣрою въ благодать божественнаго провидѣнія. Небывалый святой энтузіазмъ проникъ все его существо, умственный кругозоръ его безконечно расширился, онъ вдругъ понялъ, что эта война— война необычайная, что она требуетъ и необычныхъ мѣръ, и необычнаго напряженія силъ, и необычной твердости. Уже многіе изъ его окружающихъ и близкихъ потеряли присутствіе духа, уже великій князь Константинъ Павловичъ отважился предложить ему послать къ Наполеону и просить у него мира, на какихъ бы то ни было условіяхъ. **) Государь былъ встревоженъ, огорченъ подобными совѣтами, но онъ отвергъ ихъ рѣшительно, не колеблясь ни минуты. Въ письмѣ къ кронпринцу Шведскому изъ Дрисскаго лагеря опъ заявлялъ о своемъ безповоротномъ рѣшеніи продолжать войну во что-бы

*) Bernhardi. T. I. стр. 300.

**) „Сказываютъ, будто великій князь пріѣзжалъ съ предложеніемъ къ Государю, послать къ Наполеону просить у него мира съ какими бы то ни было жертвованіями. Не зная о семъ достоверно, я не могу сего утверждать, по судя по тому, что государь такъ сильно растревоженъ и грустенъ былъ, надлежитъ думать, что разговоръ ихъ заключалъ въ себѣ что-нибудь подобное сему“. Записки Шишкова, Т. I стр. 147. Свидѣтельство Шишкова подтверждается, впрочемъ, другими источниками: у Бернгарди, „Мемуары Толя“, говорится: „Великій князь, бывший всегда рѣшительнымъ противникомъ войны съ Франціею, требовалъ теперь (въ Дриссѣ), чтобы Императоръ немедленно и безъ дальнѣйшихъ околичностей заключилъ миръ, такъ какъ при такомъ невыгодномъ положеніи дѣлъ, всякое сопротивленіе дѣлается безнадежнымъ“. Т. I стр. 299. См. также біографію Константина Павловича въ „Русской Старинѣ“ 1877, стр. 79.

то ни стало, выдерживать борьбу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отступать, сражаясь до самой Волги. Выработавъ въ себѣ эту твердую рѣшимость, государь приходитъ въ тоже время къ убѣжденію въ необходимости сосредоточить противъ Наполеона всѣ силы своего государства, отказаться отъ всѣхъ далекихъ диверсій, какъ предпріятій, не только бесполезныхъ, но даже вредныхъ и потребовать отъ своего народа, въ виду возрастающей опасности, новыхъ чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Отсюда изъ этихъ вновь выработавшихся убѣжденій и намѣреній вытекаетъ цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ Государемъ еще до отъѣзда изъ Дрисскаго лагеря. Прежде всего Александръ отказался отъ похода въ Иллирію и на Адриатическое побережье,—похода, которому онъ придавалъ прежде такое большое значеніе. Дунайской арміи, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, приказано было выступить немедленно на Волынь, соединиться съ Тормасовымъ и дѣйствовать наступательно противъ непріятеля. О польскихъ планахъ послѣ потери всего Западнаго края, въ виду дальнѣйшаго отступленія во внутрь Россіи, не могло быть болѣе рѣчи. Отцы-іезуиты, на которыхъ возлагалъ прежде столько надеждъ Императоръ Александръ, начали представляться ему теперь въ настоящемъ своемъ видѣ *). Эти ловкіе дипломаты держали себя съ тѣхъ поръ, какъ началась война, крайне двусмысленно. Ихъ окончательное рѣшеніе зависѣло, разумѣется, отъ того, на чью сторону склонится побѣда. Такъ какъ успѣхъ сопутствовалъ до сихъ поръ неизмѣнно Наполеону, то іезуиты старались, по возможности, угодить ему. Къ русскимъ они относились, наоборотъ, съ возрастающею безцеремонностью и на-

*) Въ трудную годину 1812 года, говоритъ гр. Толстой, іезуиты, имѣя всегда значительныя связи, не оказали никакой помощи и большая часть ихъ ушла изъ Бѣлоруссіи; 174 іезуита отправились во внутреннія губерніи, гдѣ они получали квартиру и пособіе отъ казны. Нѣсколько студентовъ Полоцкой академіи вступили даже на службу во французскую армію и сражались противъ русскихъ, а оставшіеся на мѣстѣ іезуиты не показывали ни малѣйшей симпатіи къ русскимъ войскамъ; когда по рѣшительному неимѣнію помещенія для нашихъ раненыхъ, они временно были расположены въ іезуитскомъ Полоцкомъ училищѣ, то іезуиты всячески старались выгнать ихъ изъ своего дома, представляя тому причиною необходимость продолжать тамъ лекціи. Вотъ всѣ подвиги іезуитовъ въ 1812 году“.

„Католицизмъ въ Россіи“. Т. II стр. 199—200.

хальствомъ. Въ Полоцкѣ они упорно отказывались принять нашихъ раненныхъ въ обширныя помѣщенія своей академіи. Самъ Березовскій, генераль ордена, желая ускользнуть отъ возможной отвѣтственности, вспомнилъ о важныхъ дѣлахъ, бывшихъ у него въ Испаніи, и уѣхалъ изъ Россіи. Поляки, и прежде всѣхъ католическое духовенство, становились повсюду съ энтузіазмомъ подъ знамена Наполеона. Коссаковскій, суффраганъ курляндскій, торжественно принималъ императора Наполеона въ Вильнѣ. Епископъ, коадьюторъ Самогитскій, князь Игнатій Гедройцъ перешелъ на сторону французовъ. Епископъ Минскій, Дедерко, разѣзжая съ французскимъ отрядомъ по уѣздамъ Минской губерніи, возмущалъ народъ, подговаривалъ молодежь вступать въ армію Наполеона, отказывавшихся отъ этого подкупалъ деньгами или угрожалъ проклятіями церкви, и съ донесеніями своими являлся въ главную квартиру Наполеона. *) Столь-же несбыточными, какъ надежды на поляковъ, оказались и расчеты на возстаніе въ Германіи, на движенія въ пользу нашу въ средѣ нѣмецкихъ отрядовъ Наполеоновской арміи. Возванія къ нѣмцамъ, написанныя Штейномъ и распространенныя въ тысячахъ экземпляровъ между нѣмецкими солдатами великой арміи, не остались, правда, безъ всякаго вліянія, но вліяніе это не могло быть особенно сильно до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ неудержимо подвигался впередъ, а русскіе отступали передъ нимъ въ глубину своей страны.

Какъ-бы то ни было, но Александръ рѣшается пока оставить въ сторонѣ всѣ свои космополитическіе планы и искать спасенія тамъ, откуда только и могло прійти оно,—въ средѣ народа русскаго.

Уже въ Дриссѣ Императоръ призываетъ къ оружію народъ русскій, уже здѣсь подписываетъ онъ свое возваніе къ Москвѣ, свой манифестъ ко всей Россіи о созывѣ государственнаго ополченія. Содержаніе обоихъ документовъ **) въ высокой степени знаменательное! Никогда еще русскій Царь не

*) О дѣйствіяхъ католическихъ прелатовъ въ 1812 году. См. гр. Толстой. „Католицизмъ въ Россіи“. Т. II стр. 430.

**) Проложеніе къ Запискамъ Шишкова. Т. I. стр. 425—426.

говорилъ своему народу такъ откровенно, съ такою силою, съ такою безграничною увѣренностью въ неразрывномъ единеніи съ нимъ. Императоръ не скрываетъ отъ своихъ вѣрно-подданныхъ, что силы непріятеля громадны, что онъ продолжатъ идти во внутрь Россіи съ твердымъ намѣреніемъ разрушить ея славу и благоденствіе, наложить на нее вѣчныя цѣпи рабства. Онъ выражаетъ надежду на кипящее мужество своихъ войскъ, твердо полагается на ихъ силу и крѣпость, но въ виду великости непріятельскихъ силъ, въ виду отважности противника, онъ считаетъ необходимымъ собрать новыя силы внутри государства и противопоставить вторую ограду для подкрѣпленія первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей cadaго и всѣхъ. Единодушное, всеобщее возстаніе всего народа, всѣхъ сословій и состояній духовныхъ и мірскихъ должно содѣйствовать отраженію вражескихъ замысловъ и покушеній Наполеона. Пусть вѣрные сыны Россіи поражаютъ на каждомъ шагу непріятеля всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицина, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ. Тогда погибель, въ которую мнитъ Наполеонъ низринуть насъ, обратится на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!“ Итакъ въ ту минуту, когда все вокругъ него отчаявалось и теряло мужество, Императоръ Александръ ставитъ самую высокую цѣль войны, возвышается до *идеи освобожденія Европы*.

Въ воззваніи къ Москвѣ Императоръ заявляетъ о своемъ намѣреніи стать посреди народа своего какъ въ первопрестольной столицѣ своей, такъ и въ другихъ мѣстахъ и своимъ присутствіемъ оживить духъ народа и содѣйствовать рѣшительному поднятію силъ его.

Итакъ Императоръ рѣшается оставить дѣйствующую армію и заняться организаціею народнаго сопротивленія внутри государства. Какъ приходитъ онъ къ этому поворотному рѣшенію? Во всякомъ случаѣ не безъ тяжелой внутренней борьбы,

не безъ содѣйствія со стороны другихъ лицъ. Шишковъ свидѣтельствуемъ, что инициатива въ этомъ рѣшеніи *) принадлежала ему, что отъ него вышелъ первоначально спасительный совѣтъ, и записки Комаровскаго до известной степени подтверждаютъ его свидѣтельство. Въ печальные дни Дрисскаго лагеря, Шишковъ впалъ въ тяжелую болѣзнь. Положеніе арміи, Россіи, самого Государя представлялось ему въ это время въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ. Мало-по-малу въ немъ выработалось убѣжденіе, что дальнѣйшее пребываніе Государя въ арміи можетъ принести скорѣе вредъ, нежели пользу, что оно можетъ подвергнуть страшной опасности особу самого Государя, и что, наоборотъ, появленіе Государя въ Москвѣ можетъ предать совершенно иной ходъ поднятію народа русскаго. Свои мысли Шишковъ изложилъ подробно въ особой запискѣ на имя Императора, но онъ не рѣшался подать лично эту записку и рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію другихъ приближенныхъ къ Государю лицъ. Балашевъ, котораго посвятилъ онъ перваго въ свое намѣреніе, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, находилъ, однакоже, необходимымъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ графа Аракчеева, человека самаго близкаго къ Государю, его наперсника, какъ выражается Шишковъ. Когда Балашевъ и Шишковъ начали представлять графу Аракчееву, что необходимо Государю ѣхать въ Москву и что это единственное средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли Государь, оставаясь долѣе при арміи?“.—„Конечно, отвѣчали ему Шишковъ и Балашевъ, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ Государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклай, то бѣда еще не велика“. Аракчеевъ проникся силою этихъ доводовъ и согласился не говорить съ Государемъ, а подписать записку Шишкова вмѣстѣ съ ея авторомъ и Балашевымъ и положить ее на столикѣ въ спальнѣ Государя. Тамъ Государь, говорилъ онъ, найдетъ ее утромъ и прочитаетъ самъ. Государь дѣйствитель-

*) Объ всемъ этомъ дѣлѣ смотри Записки Шишкова. Т. II, стр. 139—148, гдѣ помѣщена и записка, представленная Государю, а также записка Комаровскаго, стр. 773—774.

но прочелъ записку, но только черезъ день объявилъ о своемъ намѣреніи оставить армію и поспѣшить въ Москву. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что Императоръ Александръ согласился на просьбу своихъ окружающихъ послѣ основательнаго ея обсуждения.

Изъ другихъ свидѣтельствъ, дошедшихъ до насъ, мы узнаемъ кромѣ того, что, задумавъ оставить на время армію, Александръ совѣщался объ этомъ важномъ предметѣ и со многими другими лицами, быть можетъ, болѣе компетентными въ этомъ чисто политическомъ и военномъ вопросѣ, нежели его непосредственные приближенные. Утверждаютъ, что особенно сильное вліяніе въ данномъ случаѣ оказалъ на него англійскій адмиралъ Бентинкъ *), случайно пріѣхавшій въ это время въ лагерь и чрезвычайно понравившійся Императору. Бентинкъ не только поддержалъ колеблющагося Александра своимъ собственнымъ совѣтомъ, но и сослался на мнѣніе Шведскаго кронъ-принца, — мнѣніе, которому Государь придавалъ въ это время большое значеніе.

Какъ бы то ни было, но въ ночь съ 6 на 7 іюля Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Полоцка въ Москву въ то самое время, когда первая армія, предводимая Барклаемъ-де-Толли, начала свое отступленіе по направленію къ Витебску.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Перцъ, Stein's Leben, Т. 3, стр. 101—102.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

Извѣстный Фр. Альб. Ланге слѣдующими словами начинаетъ свою исторію матеріализма. „Матеріализмъ, говоритъ онъ, также старъ, какъ сама философія, но не старѣе“. Что сказано здѣсь о матеріализмѣ, понимаемомъ, очевидно, въ широкомъ смыслѣ *реализма*, тоже слѣдуетъ въ равной мѣрѣ сказать и объ *идеализмѣ*. Оба направленія философской мысли, съ тѣхъ поръ какъ ясно обозначилось ихъ раздѣленіе, чрезъ всю исторію проходятъ различнымъ образомъ видоизмѣняясь, то расходясь, то снова сближаясь одно съ другимъ. И не трудно видѣть причину такого постояннаго, чрезъ всю исторію продолжающагося, раздвоенія человѣческой мысли между однимъ и другимъ направленіемъ. Причина эта заключается въ самой природѣ нашего сознанія, именно въ томъ, что оно не можетъ иначе развиваться, какъ только чрезъ постоянное взаимодействіе *субъекта*, которому принадлежитъ сознаніе, съ объектомъ, къ которому оно направляется и который такъ или иначе въ себѣ отображаетъ. Самая простѣйшая, элементарная форма сознанія—ощущеніе всегда есть дѣйствіе двухъ взаимно соотнесающихся другъ къ другу факторовъ: *возбужденія*, которое исходитъ отъ внѣшняго міра, отъ объекта, и *реакціи*, вызываемой въ субъектѣ этимъ возбужденіемъ. Отсюда и въ господствующихъ въ разныя времена философскихъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ главное вниманіе то направляется на объективную дѣйствительность,—причемъ дается ей преувеличенное значеніе въ ущербъ самостоятельности и свободы субъекта,—то сосредоточивается на субъектѣ и соотвѣтственно тому объектив-

ная дѣйствительность полагается въ подчиненное и зависимое отъ субъекта отношеніе къ нему.

Если-же такова коренная причина расходящихся между собою направленій мысли человѣческой, то нельзя, очевидно, разсматривать эти направленія исключительно съ точки зрѣнія теоретической, просто какъ опыты чисто умственного построенія извѣстныхъ предположеній и выводовъ; напротивъ—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи слѣдуетъ видѣть притомъ выраженіе извѣстнаго образа, или характера духовной жизни, будетъ-ли это жизнь отдѣльнаго лица или-же цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, извѣстнаго историческаго народа, смотря по тому, въ какомъ объемѣ разсматриваются проявленія философской мысли. Можно напередъ предположить, не боясь впасть въ грубую ошибку, на основаніи сказаннаго, что идеализмъ служитъ признакомъ или обнаруженіемъ духовной самодѣятельности, стремленія къ свободѣ и независимости духа, вообще признакомъ преобладанія въ жизни высшихъ духовныхъ стремленій; наоборотъ, реализмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ считать признакомъ нѣкотораго упадка, или по крайней мѣрѣ, ослабленія энергіи чисто духовныхъ высшихъ интересовъ и преобладанія склонности къ пассивному наслажденію жизнью, хотя-бы такая склонность соединялась съ расширеніемъ практической дѣятельности, которая при этомъ всегда направляется на осуществленіе ближайшихъ жизненныхъ задачъ.

Такъ какъ ни идеализмъ, ни реализмъ не составляютъ чисто теоретическихъ построеній, воздвигаемыхъ исключительно на основаніяхъ отвлеченнаго характера, а являются всегда выраженіемъ всего жизненнаго строя, то понятно, что направленія эти слѣдуетъ разсматривать въ связи съ общими характеристическими свойствами и проявленіями жизни данной эпохи, или-же извѣстнаго народа, какъ онъ проявилъ себя во всей своей исторіи. Иначе самыя важнѣйшія, быть можетъ, черты того или другаго направленія мысли были-бы оставлены безъ вниманія. Если разсматривать отвлеченно то или иное ученіе, то характеристика этого ученія легко можетъ оказаться произвольною, недостаточно обоснованною. Такъ разсматривая, на-

прим., философское ученіе Платона внѣ связи съ общимъ характеромъ того времени, когда жилъ и мыслилъ Платонъ, особенно-же безъ всякаго вниманія къ отличительнымъ свойствамъ общаго національнаго міросозерцанія въ древней Греціи, мы, конечно, найдемъ много сходнаго въ этомъ ученіи съ другими ученіями того-же направленія, бывшими въ другія времена, напр. съ философіею Гегеля, и въ виду этого сходства, различія между ними будутъ представляться намъ неважными, незаслуживающими вниманія; на самомъ-же дѣлѣ, быть можетъ, для характеристики Платоновой философій гораздо важнѣе взять во вниманіе не то, что есть въ ней общаго съ другими идеалистическими ученіями, но то, что есть въ ней особеннаго. Вообще, дабы избѣжать произвола, или по крайней мѣрѣ односторонности, въ выборѣ представляемыхъ извѣстнымъ ученіемъ данныхъ для характеристики этого ученія, необходимо постоянно имѣть въ виду тѣ общія начала, которыми въ значительной мѣрѣ опредѣляются характерныя черты этого ученія; а такими общими началами слѣдуетъ признать не только логическія основанія, заключающіяся въ послѣдовательномъ развитіи философскихъ идей и ихъ взаимной связи, но также основанія историческія и этнологическія, заключающіяся въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ происходило развитіе философій въ данное время, и въ самомъ складѣ умственномъ и нравственномъ того народа, среди котораго она возникла. Возможно, даже необходимо и отвлеченное разсмотрѣніе философскихъ ученій; такое разсмотрѣніе можетъ имѣть цѣлью выяснить общій типъ лежащаго въ основаніи ихъ направленія мысли, показать слабыя и сильныя стороны этого направленія. Но чтобы характеристика ученій была шире и полнѣе обоснована и представлена, чтобы имѣть возможность обсуждать ихъ съ полною свободою и увѣренностію въ томъ, что ничто существенное не забыто, для этого логическія отношенія философскихъ системъ необходимо разсматривать въ связи съ условіями историческими, съ которыми въ дѣйствительности тѣ отношенія всегда такъ или иначе соприкасаются и находятся во взаимодействіи.

I.

Характеръ древне-греческой національной жизни, на сколько ея черты отразились въ философіи греческой.—Атомистическая теорія и философія элейской школы—Ученіе элейскихъ философовъ о сущемъ, какъ единомъ и неизмѣнномъ.—Ученіе атомистовъ о сущности вещей: полное и пустое, или атомы и пустые промежутки между ними.—Въ чемъ заключается главное различіе обоихъ ученій?—На сколько и какимъ образомъ выразились въ нихъ два главныхъ направленія философской мысли: идеализмъ и реализмъ?—Отношеніе философіи элейской школы и атомистической теоріи къ народной религіи.

Никогда, быть можетъ, національная жизнь не отличалась столь цѣльнымъ и связнымъ характеромъ, какъ это было въ древней Греціи. Удивительное единство и цѣлостность въ соединеніи всѣхъ входящихъ въ составъ ея элементовъ есть отличительная и наиболее выдающаяся черта этой жизни. Жизнь эта была, можно сказать, художественнымъ, органически стройнымъ и законченнымъ произведеніемъ натуральныхъ свойствъ народа и страны, которая была обитаема этимъ народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы видимъ прежде всего поразительное соответствіе географическихъ условій мѣстности съ бытомъ и характеромъ народа: тоже соединеніе разнообразія и единства мы видимъ тамъ и здѣсь, ибо какъ страна раздѣляется на отдѣльныя мѣстности, — причемъ каждая представляетъ особыя характерныя черты, но при томъ не до такой степени раздѣленныя, чтобы невозможно было между ними сообщеніе,—такъ равно и историческая жизнь Греціи представляетъ распаденіе народа на отдѣльныя племена и общины, которыя, стремясь къ политической самостоятельности, однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ не теряли сознанія своего національнаго единства. Религіозное міросозерцаніе древнихъ грековъ, если мы обратимъ вниманіе на представленія о взаимныхъ отношеніяхъ боговъ, являетъ сочетаніе *политеизма съ монотеизмомъ*, а по своимъ представленіямъ о свойствахъ боговъ оно есть соединеніе *натурализма съ гуманизмомъ* (антропоморфизмъ); въ этомъ міросозерцаніи духовное представляется въ неразрывной связи съ физическимъ, чувственное въ нераздѣльномъ единствѣ съ сверхчувственнымъ, идеальнымъ. Равно и въ своихъ понятіяхъ о жизни духовныя проявленія и качества древніе греки не иначе разумѣли, какъ только въ нераздѣльной связи и цѣлости съ тѣлесными, т. е. видимыми и чув-

ственно осязательными формами. А затѣмъ искусства и наука развивались и были постоянно въ тѣсной связи съ религіознымъ міросозерцаніемъ, ибо какъ это міросозерцаніе, такъ равно наука и искусства были проявленіемъ и созданіемъ въ сущности тѣхъ-же характеристическихъ свойствъ народнаго духа.

При единствѣ, связности различныхъ элементовъ въ народной жизни древней Греціи, невозможно ожидать, чтобы тѣ различныя направленія, на которыя обычно распадается филозофская мысль, слишкомъ далеко расходились одно отъ другаго. И дѣйствительно, раздѣленіе ихъ въ древне-греческой философіи имѣетъ по преимуществу формальное значеніе, при которомъ чувствуется постоянно живая ихъ связь между собою въ предѣлахъ одного общаго для нихъ міросозерцанія. Потому-то какъ ни далеко, повидимому, расходились одно отъ другаго различныя филозофскія ученія у древнихъ грековъ, однако мы видимъ постоянно, что эти ученія, стоявшія одно къ другому въ рѣзкой противоположности, сливаются въ другомъ позднѣйшемъ ученіи, а, наконецъ, всѣ филозофскія ученія такъ смѣшались одно съ другимъ съ теченіемъ времени (эkleктизмъ и синкретизмъ), что съ трудомъ можно разграничить элементы прежнихъ ученій, вошедшіе въ составъ позднѣйшей философіи. Такъ, неоплатонизмъ, бывшій заключительнымъ словомъ всей греческой философіи, соединялъ въ себѣ элементы всѣхъ важнѣйшихъ ученій прежде бывшихъ; хотя извѣстно, что Аристотель постоянно выставляетъ свое несогласіе съ Платономъ, однако впоследствии вполне основательно находили въ философіи того и другаго совершенное единство основныхъ началъ.

Но въ особенности для насъ важно то проявленіе этой склонности къ слянію въ одно цѣлое разнородныхъ элементовъ, что въ одномъ и томъ-же ученіи мы видимъ обыкновенно примѣсь элементовъ, не вполне согласныхъ съ наиболѣе выдающеюся и господствующею въ этомъ ученіи точкою зрѣнія, именно, — въ каждомъ изъ двухъ главныхъ направленій филозофской мысли въ древней греческой философіи мы находимъ признаки противоположнаго ему направленія. Вообще должно сказать, что важнѣйшія фундаментальныя черты какъ идеализма, такъ и реализма постепенно и медленно выяснялись,

и не иначе притомъ, какъ чрезъ постоянное и живое взаимодействіе этихъ направленій между собою.

Первыя философскія ученія древней Греціи не могутъ быть отнесены ни къ одному, ни къ другому изъ двухъ главныхъ направленій мышленія, такъ какъ выдѣленіе этихъ направленій произошло лишь въ послѣдующихъ ученіяхъ, а потому, въ отличіе отъ идеализма и реализма, направленіе первыхъ философскихъ ученій обыкновенно называется *милозоизмомъ*, ибо хотя эти ученія и полагали въ основу всего какое-либо вещественное начало, но притомъ это начало представляли какъ живое, дѣятельное, а потому именовали его божественнымъ и прямо божествомъ. Равно и въ познаніи еще не различали двухъ способовъ познанія, чувственного и умозрительнаго.

Впервые выступаетъ противоположность направленій реалистическаго и идеалистическаго въ двухъ ученіяхъ, именно въ ученіи *Демокрита* съ одной стороны (съ которымъ въ сущности сходны философскія ученія Эмпедокла и Анаксагора), а съ другой—въ ученіи *элейской школы* ¹⁾.

По свидѣтельству Аристотеля и другихъ древнихъ историковъ, *Ксенофанъ*, основатель элейской школы, признавалъ *все существующее единымъ*. ²⁾ „Элеаты, говоритъ Аристотель, это были философы, которые разсматривали все существующее какъ единое, но притомъ они не представляли, подобно *физиологамъ* (такъ назывались первые философы по предмету философствованія ихъ) все бытіе происходящимъ изъ одного начала, по-

¹⁾ Не говоримъ о пифагорейской философій, такъ какъ а) ученіе пифагорейской школы не легко разграничить отъ позднѣйшихъ, съ которыми оно смѣшалось въ послѣдствіи, особенно-же отъ платонизма; б) хотя пифагорейцы сущность вещей полагали не прямо въ какомъ-либо вещественномъ началѣ, а въ *числѣ*, какъ преимущественномъ выраженіи разума (*λογίζομαι*, *λογισμός* — считать, счисленіе, счетъ), разумность-же есть принципъ, на которомъ всегда опиралось направленіе идеалистическое, однако самое число, по свидѣтельству Аристотеля, пифагорейцы не раздѣляли отъ вещества, представляя число какъ-бы тѣлеснымъ, подобно тому какъ вообще пифагорейцы не разграничивали матеріи и формы, видя въ матеріи не только начало образуемое, но и образующее, формирующее.

²⁾ ...εἰς τὸν ὅλον οὐρανὸν ἀποβλέψας τὸ ἐν εἶναι φησι τὸν θεόν. Metaph. 1. 5. 986. b. Ξενοφάνης.. ἐν εἶναι τὸ πᾶν ἔφησε σφαιροειδὲς καὶ πεπερασμένον.. κ. τ. λ. (Theodoret), Doxographi, Graeci, Hermannus Diels. 284.

средствомъ движенія, напротивъ признавали его *неподвижнымъ*.“ ¹⁾ „Не вдаваясь въ дальнѣйшія изысканія, какія видимъ у другихъ послѣдователей этого ученія (такъ Парменидъ признавалъ единое ограниченнымъ, а Мелиссъ—неограниченнымъ), но смотря на цѣлость міра, Ксенофанъ призналъ единое Божествомъ“. „Какъ-бы утомленные спорами о движущей причинѣ всего, элеаты признали единое неподвижнымъ, и въ цѣлой природѣ отвергли происхожденіе и уничтоженіе, и не только происхожденіе изъ ничего, но и всякую перемѣну“. ²⁾ Дѣло въ томъ, что прежніе философы имѣли въ виду разъяснить происхожденіе (*γένεσις*) и устройство міра, элеаты-же остановились на той мысли, что бытіе (*τὸ ὄν, τὸ εἶναι*), именно какъ бытіе, исключаетъ всякое происхожденіе, т. е. что происхожденіе, въ отношеніи къ бытію, немыслимо. ³⁾ Ибо если бытіе происходитъ отъ бытія-же, такъ разсуждали элеаты, то оно есть, слѣдовательно, уже прежде происхожденія своего; допустить-же, что бытіе изъ небытія происходитъ, невозможно, потому что если-бы небытіе было причиною бытія, тогда это значило-бы, что и небытіе есть,

¹⁾ Εἰσι δὲ τίνες οἱ περὶ τοῦ παντὸς ὡς ἂν μιᾶς οὐσῆς φύσεως ἀπεφήναντο. . . ἔνθα γὰρ ὡσπερ ἔνοι τῶν φυσιολόγων ἐν ὑποθέμενοι τὸ ὄν ὅμως γεννησιν ὡς ἐξ ὕλης τοῦ ἐνός, ἀλλ' ἕτερον τρόπον οὔτι λέγουσιν; ἐκαῖνοι μὲν γὰρ προσιδέασιν κίνησιν, γεννησύντες γε τὸ πᾶν, οὔτι δὲ ἀκίνητον εἶναι φάσιν. *Metaph.* 1, 5. 986. b.

²⁾ Ἄλλ' ἔνοι γε τῶν ἐν λεγόντων, ὡσπερ ἠττηθέντες ὑπὸ ταύτης τῆς ζητήσεως, τὸ ἐν ἀκίνητόν φασιν εἶναι καὶ τὴν φύσιν ὅλην οὐ μόνον κατὰ γένεσιν καὶ φθορὰν (τοῦτο μὲν γὰρ ἀρχαῖόν τε καὶ πάντες ὡμολόγησαν) ἀλλὰ καὶ κατὰ τὴν ἄλλην μεταβολὴν πᾶσαν καὶ τοῦτο αὐτῶν ἴδιον ἐστίν. *Metaph.* 1. 3. 984 a. λέγειν δὲ (Ξεν.) ὅτι οὐδὲν γίνεται οὐδὲ φθαίρεται οὐδὲ κινεῖται καὶ ὅτι ἐν τὸ πᾶν ἐστίν ἔξω μεταβολῆς. (*Hippolyt.*) *Doxographi*, 565.

³⁾ На этомъ основаніи Теѣхмюллеръ признаетъ Ксенофана первымъ метафизикомъ. Also der Begriff des Seins ist es, der hier zum ersten Male auftritt. Das Sein kommt den Göttern zu, also ist Entstehen und Vergehen ausgeschlossen. Da nun Entstehen und Vergehen das Schicksal aller natürlichen Dinge ist und dies daher die Physiologen und Theologen wie Anaximander und Hesiod bisher ausschliesslich beschäftigt hatte: so sehen wir hier zuerst den Anfang einer Metaphysik. Wenden wir den Begriff um, so behauptet Xenophanes, das Seiende könne weder entstehen, noch vergehen. Denn Beides schliesst Nichtsein in sich, das Sein aber schliesst Nichtsein aus. *Studien zur Geschichte der Begriffe* 1874. 608—613.

а не только бытіе. А признать небытіе существующимъ очевидно невозможно. ¹⁾ Далѣе, какъ прежде понимали происхождение вещей? Одно какое-либо вещественное начало движется и чрезъ то измѣняется; измѣняясь-же является во многихъ и разнообразныхъ видахъ, слѣдовательно дѣлается множественнымъ. ²⁾ Если происхождение немисливо въ отношеніи къ бытію, то слѣдовательно бытіе не движется, а потому и не измѣняется, т. е. какъ было, такъ всегда и остается *единымъ*. Такова мысль всей элейской философіи. Мысль эта была выражена разными представителями этой философіи не одинаково. У Ксенофана она выражена въ формѣ теологической, именно: отрицательно—въ видѣ полемики противъ антропоморфизма и политеизма народной религіи; положительно-же въ видѣ ученія о единомъ Божествѣ, которое не рождается и не умираетъ (подробнѣе объ этомъ ниже). При этомъ должно замѣтить, что Ксенофанъ не отдѣлялъ Божество отъ міра, а напротивъ отождествлялъ его съ міромъ. Потому-то одни изъ древнихъ компиляторовъ говорятъ, что по Ксенофану *все есть едино*, другіе-же говорятъ о единомъ Божествѣ Ксенофана. Божество Ксенофана—это и есть все бытіе, т. е. вселенная, какъ

¹⁾ Симплицій приводитъ слѣдующія слова Теофраста о Ксенофанѣ, въ которыхъ доказательство Ксенофана о томъ, что божество не можетъ быть рожденнымъ или происшедшимъ, такъ передается: ἀγένητον (τόν θεόν) δὲ ἐδείκνυεν ἐκ τοῦ δεῖν τὸ γινόμενον ἢ ἐξ ὁμοίου ἢ ἐξ ἀνομοίου γίνεσθαι. ἀλλὰ τὸ μὲν ὁμοιον ἀπαθές φησιν ὑπὸ τοῦ ὁμοίου. οὐδὲν γὰρ μᾶλλον γενῆαν ἢ γενᾶσθαι προσήκει τὸ ὁμοιον ἐκ τοῦ ὁμοίου. εἰ δὲ ἐξ ἀνομοίου γίνοιτο ἔσται τὸ ὄν ἐκ τοῦ μὴ ὄντος. Doxographi. p. 480.

Плутархъ Херонейскій такъ говоритъ о Ксенофанѣ: Ξενοφάνης δὲ ο Κολοφώνιος ἰδίαν τινὰ ὁδὸν πεπορευμένος καὶ παρηλλαχυῖαν πάντας τοὺς προειρημένους οὔτε γένεσιν οὔτε φθορὰν ἀπολείπει, ἀλλ' εἶναι λέγει τὸ πᾶν αἰεὶ ὁμοιον. εἰ γὰρ γίνοιτο τοῦτο, φησὶν ἀναγκαῖον πρὸ τούτου μὴ εἶναι τὸ μὴ ὄν δὲ οὐκ ἂν γένοιτο οὐδ' ἂν τὸ μὴ ὄν ποιῆσαι τι οὔτε ὑπὸ τοῦ μὴ ὄντος γενοίτ' ἂν τι. Doxographi, p. 580.

²⁾ Кромѣ относящихся сюда словъ Аристотеля уже приведенныхъ, въ которыхъ указывается различіе элейской философіи отъ прежнихъ ученій,—слѣдующее положеніе Діогена Аполлонійскаго должно признать наиболѣе характеризующимъ ученія первыхъ философовъ о природѣ: πάντα τὰ ἔοντα ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ετεροοῦσθαι καὶ τὸ αὐτὸ εἶναι,—т. е. все сущее происходитъ отъ того-же начала чрезъ превращеніе этого начала и потому все есть тоже. Fragmenta philosopharum graecorum, Mullachius. Vol. 1 p. 254 (2).

это прямо сказано у Симплиція. ¹⁾ Поэтому что у Ксенофана выражено о Божествѣ въ положительной формѣ, то самое *Парменидъ*, ученикъ Ксенофана, высказываетъ просто о сущемъ, такъ что у Парменида тѣ-же самыя опредѣленія получаютъ характеръ уже не теологическаго, а онтологическаго ученія. Божество Ксенофана не рождается и не умираетъ; оно едино, безусловно, едино не только количественно (въ томъ смыслѣ, что нѣтъ иного Божества кромѣ единого), но и качественно, ибо въ Божествѣ нѣтъ раздѣленія частей; оно *просто* и нераздѣльно въ самомъ себѣ; будучи единымъ, оно не подвержено никакимъ переменамъ. Подобнымъ-же образомъ Парменидъ училъ о бытіи, или сущемъ. Сущее едино, поэтому кромѣ сущаго, что не было-бы таковымъ, ничего иного нѣтъ, хотя обыкновенно мы такъ говоримъ о вещахъ, какъ-бы не только бытіе есть, но и небытіе, не сущее. Сущее неподвижно, а потому и неизмѣнно. Будучи единымъ (въ качественномъ смыслѣ), сущее въ себѣ *цѣло*, ибо всякая неполнота была-бы нарушеніемъ единства, т. е. перерывомъ его протяженія и продолженія и, слѣдовательно, раздѣленіемъ на части. Но въ сущемъ никакого раздѣленія нѣтъ. Поэтому Парменидъ уподобляетъ сущее сплошь наполненному, заключенному въ себѣ и со всѣхъ сторонъ закругленному, шару. ²⁾

Такъ какъ, говоритъ Аристотель, утвержденія элеатовъ, толь-

¹⁾ Τὸ γὰρ ἐν τοῦτο καὶ πᾶν τὸν θεὸν ἔλεγεν ὁ Ξενοφάνης. Doxographi p. 480.

²⁾ Сущее, говоритъ Парменидъ, не произошло и неразруσιμο; оно есть цѣлое, однородное, неподвижное и непрерывное (οὐλον μονογενές τε καὶ ἀτρεμές ἡδ' ἀτέλεστον); нельзя сказать объ немъ, что оно было или будетъ, поелику теперь оно есть все вмѣстѣ, одно нераздѣльное (ἐν ἑουχές). Ибо какое для него происхожденіе измыслить (Τίνα γὰρ γέννην διζήσεται αὐτοῦ)?.. Что оно нѣз сущаго, этого не допущу ни сказать, ни помыслить (νοεῖν), ибо ни сказать, ни помыслить того нельзя, что есть не сущее (οὐ γὰρ φάτον οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι), Mullach. Vol. 1 p. 120—121. Парменидης ἐν μὲν το πᾶν ὑποτίθεται: αἰδιδιον τε καὶ ἀγένητον καὶ σφαιροειδές (Hippolyt). Doxographi 169. Сущее, говоритъ Парменидъ, совершенно закончено, (πεῖρας πύματον τετελεσμένον ἐστίν), оно подобно массѣ со всѣхъ сторонъ закругленной сферы и равномерно изъ центра-распростертой (πάντοθεν εὐκύκλου σφαιρῆς ἐναλίγκιον ὄγκη μετσοῦθεν ἰσοπαλές πάντη). Mullach. 1. 124 (101—104).

ко въ отвлеченіи (ἐπὶ τῷ λόγῳ) можно признать вѣрными, а въ приложеніи къ дѣйствительности (ἐπὶ δὲ τῷ πραγμάτων) они оказываются несообразными, ибо даже безумный различаетъ ледъ и огонь (слѣдовательно нельзя сказать, что все есть одно), то Левкиппъ (основатель атомистической теоріи, продолжателемъ же ея былъ Демокритъ) имѣлъ въ виду представить такія положенія, которыя, согласуясь съ наблюденіемъ, не отрицали бы ни происхожденія, ни разрушенія, ни движенія и множества ¹⁾, Невозможно, такъ разсуждали атомисты, чтобы изъ дѣйствительно единого произошло многое, какъ, и наоборотъ, изъ множества не можетъ произойти единое ²⁾. Между тѣмъ, что есть множество вещей,—это для всякаго очевидно, слѣдовательно и сущее или бытіе должно признать множественнымъ. Но если сущее множественно, то чѣмъ раздѣляется одно сущее отъ другаго? Элеаты утверждали единство сущаго и казалось имъ невозможнымъ допустить множественность потому именно, что при множественности сущаго неминуемо признать, кромѣ сущаго, еще и несущее, т. е. согласиться съ тѣмъ, что не только бытіе, но и небытіе есть; ибо одно сущее отъ другаго, также сущаго, могло бы раздѣляться только чѣмъ-либо инымъ, отличнымъ отъ самаго сущаго, что уже не есть сущее, слѣдовательно несущимъ, небытіемъ. Атомисты во всей силѣ признавали этотъ выводъ элейской философіи, именно они вполне соглашались съ тѣмъ, что коль скоро есть множество сущаго, въ такомъ случаѣ кромѣ сущаго необходимо допустить еще и несущее какъ существующее; но они ничего несообразнаго не видѣли въ признаніи того, что кромѣ сущаго есть и несущее; напротивъ одинаково казалось имъ необходимымъ и то и другое. Именно атомисты учили, что если, какъ утверждалъ Парменидъ, сущее есть *полное*, то сверхъ полного должно быть и противоположное полному, то есть *пустота*. Бытіе не едино, какъ полагали элеаты, а множественно, а если множественно, то чѣмъ же можетъ быть отдѣлено одно полное отъ другаго, какъ не пустотою? Такимъ образомъ и сущее есть, равно есть и несущее, небытіе. Су-

¹⁾ De gen. et corr. 1. 18. 325 a.

²⁾ ἐκ δὲ τοῦ κατ' ἀλήθειαν ἑνὸς οὐκ ἂν γενέσθαι πλήθος οὐδ' ἐκ τῶν πολλῶν ἔν. De gen. et corr. 1. 8. 325 a.

щее это есть *полное*, т. е. обладающее свойством непроницаемости, такъ что одно сущее не можетъ находиться въ другомъ. Несущее же это есть *пустота*, которая существуетъ также, какъ и полное, ибо между однимъ полнымъ и другимъ долженъ быть пустой промежутокъ. Пустота или несущее находится, такимъ образомъ, не въ самомъ сущемъ, а между однимъ сущимъ и другимъ, между отдѣльными, такъ сказать, частями сущаго. Само же сущее, дѣйствительно, какъ это утверждали элейскіе философы, не имѣетъ въ себѣ пустоты, и въ этомъ смыслѣ атомисты сущее называли полнымъ, а будучи полнымъ и слѣдовательно непроницаемымъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть *недѣлимо*. Итакъ, два есть начала, лежащія въ основѣ вещей, это именно *недѣлимая* (τὰ ἄτομα, αἱ ἄτομα-οὐσίαι) и *пустота* ¹⁾. Уже изъ этого краткаго очерка атомизма, въ сравненіи его съ философскимъ ученіемъ элеатовъ, видно, что одно изъ этихъ философскихъ ученій различается отъ другаго по своему исходному пункту. Для одного ученія, именно для атомизма исходнымъ пунктомъ служитъ данное въ дѣйствительности, о чемъ свидѣлствуетъ очевиднѣйшій и общеизвѣстный опытъ. Напротивъ, исходнымъ пунктомъ въ философіи элейской школы служитъ не фактъ, общеизвѣстный и очевидный, а понятіе не менѣе ясное и очевидное для всякаго, кто не лишенъ разума и способенъ уразумѣвать *истину* ²⁾.

1) Δεὺχιππος δὲ καὶ ὁ ἐταῖρος αὐτοῦ Δημόκριτος στοιχεῖα μὲν τὸ πλήρες καὶ τὸ κενὸν εἶναι φασί, λέγοντες τὸ μὲν ὄν τὸ δὲ μὴ ὄν, τούτων δὲ τὸ μὲν πλήρες καὶ στερεόν τὸ ὄν τὸ δὲ κενόν γε καὶ μακρόν τὸ μὴ ὄν (διὸ καὶ οὐδὲν μᾶλλον τὸ ὄν τοῦ μὴ ὄντος εἶναι φασί, ὅτι οὐδὲ τὸ κενὸν τοῦ σώματος). Metaph. I, 4. 985 b.

Δημόκριτος λέγει δὲ ὁμοίως Δεὺχιππῶ περὶ στοιχείων πλήρους καὶ κενοῦ, τὸ μὲν πλήρες λέγων ὄν, τὸ δὲ κενὸν οὐκ ὄν ἔλεγε δὲ ὡς αἰεὶ κινουμένων τῶν ὄντων ἐν τῷ κενῷ. (Hippolyt). Doxographi, 565; срав. ibid. 169. 484. Diog. Laer. IX, 7. 44.

2) Вотъ почему Парменидъ прежде всего истину противопоставляетъ мнѣнію и съ этого начинается изложеніе своей философіи. Онъ различаетъ двоякій путь познсканія. Одинъ, по которому шествуютъ обыкновенно люди, есть путь мнѣній. Это путь обманчивый, неприводящій къ цѣли, другой же путь ведетъ къ истинѣ. χρῆν δὲ σε πάντα πυθέσθαι ἡμὲν ἀληθείης εὐπειθέος ἀτρεκέως ἦταρ, ἡρὲ βροτῶν δόξας, ταῖς οὐκ ἐν πίστις ἀληθείης. Mullach. I, 116 (28—30).

Элейскіе философы, выходя изъ извѣстнаго понятія и выводя изъ него заключающіяся въ немъ опредѣленія, сообразно съ этими опредѣленіями, и не иначе какъ на основаніи ихъ, высказывались извѣстнымъ образомъ о самой дѣйствительности, о той дѣйствительности, которая, по своей непосредственной и непреодолимой для каждаго очевидности, повидимому исключаетъ всякое сомнѣніе и не можетъ быть предметомъ вопроса. Атомисты же, наоборотъ, исходя не изъ понятія, а отъ очевидности факта, свидѣтельствуемаго не ежедневнымъ, а можно сказать непрерывно продолжающимся опытомъ каждаго, на основаніи этого свидѣтельства опыта всеобщаго и постояннаго, дѣлали заключенія и о томъ, какъ и что должно мыслить объ этой общеизвѣстной и очевиднѣйшей дѣйствительности. Элеаты такъ рассуждали: пустота—это ничто, небытіе; поэтому пустоты нѣтъ, а какъ безъ пустоты движеніе невозможно, то слѣдовательно сущее неподвижно; иными словами: движеніе есть призракъ, обманчивое представленіе, а не подлинно сущее, что, впрочемъ, слѣдуетъ также изъ понятія бытія, которое должно быть неизмѣнно, а если неизмѣнно, то и неподвижно. Итакъ, элеаты отрицали очевиднѣйшій фактъ и къ этому они пришли на основаніи извѣстнаго понятія. Атомисты, напротивъ, такъ рассуждали: повсюду мы видимъ движеніе, измѣняемость, но движеніе невозможно безъ пустоты, слѣдовательно пустота существуетъ,—т. е. атомисты утверждали то, что для насъ не очевидно (бытіе пустоты), о чемъ мы можемъ говорить только по предположенію, а не въ силу непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Почему-же атомисты это утверждали? Потому что движеніе, этотъ очевиднѣйшій фактъ они не находили иначе возможнымъ мыслить, т. е. изъяснить его, какъ только допустивъ существованіе пустоты. Въ интересѣ факта атомисты нашли необходимымъ утверждать, какъ истину, такое понятіе, которое само по себѣ легко можетъ представляться сомнительнымъ 1). Элеаты наоборотъ, въ угоду понятія, въ истинѣ ко-

1) „Принимая во вниманіе явленія, говоритъ Аристотель о Демокритѣ, а съ другой стороны соглашаясь и съ тѣми, которые отстаиваютъ единое,—что безъ пустоты движеніе невозможно, пустота же есть несущее,—и онъ также никакое сущее не называетъ несущимъ; и для него также сущее есть полное (παμπληθὲς ὄν). de gen. et. corr. 1. 8. 325 а.

гораздо они не допускали сомнѣнiя, должны были отрицать очевидный фактъ. Значить, для атомистовъ важнѣе было свидѣтельство факта, для элеатовъ-же истина понятiя была убѣдительнѣе и сильнѣе факта.

Итакъ уже въ атомистической теорiи Левкиппа и Демокрита съ одной стороны, и въ философиі элейской школы съ другой, ясно выступаетъ та важнѣйшая черта, по которой идеализмъ и реализмъ различаются между собою, и не только различаются, но и нерѣдко являются одно изъ этихъ направленiй къ другому въ отношенiи рѣзкой и рѣшительной противоположности, повидимому, не допускающей никакого соглашения и раздѣленiя. Черта эта состоитъ въ томъ, что понятiя и факты, или мышленiе и наблюденiе въ идеализмѣ и реализмѣ не одинаково оцѣниваются и опредѣляются по взаимному отношенiю между собою. Идеализмъ исходитъ изъ необходимыхъ понятiй разума и на основанiи ихъ обсуждаетъ дѣйствительность, подчиняя такимъ образомъ факты понятiямъ. Реализмъ-же, наоборотъ, исходя изъ фактовъ, съ ними сообразуетъ понятiя, полагая такимъ образомъ понятiя въ подчиненное и зависящее отношенiе къ фактамъ, хотя, должно замѣтить при этомъ, и реализмъ, какъ философское ученiе, а не только идеализмъ, всегда имѣетъ дѣло съ понятiями, а не фактами.

Сама по себѣ эта неодинаковая оцѣнка взаимнаго отношенiя между понятiями и фактами, по значенiю этого отношенiя для познанiя (хотя теоретически еще и невыраженная), достаточна была для того, чтобы элеатская философия и атомистическая теорiя пришли къ противоположнымъ утвержденiямъ. По философиі элейской школы, сущее есть *единое*, по атомистической теорiи, напротивъ, сущее *множественно*. По философиі элейской *только сущее* есть, *не сущаго нѣтъ*; по атомистической теорiи есть *не только сущее*, но и *несущее*. По философиі элеатовъ сущее—*неподвижно*; напротивъ атомисты утверждали, что *движенiе* есть необходимое свойство *сущаго* ¹⁾. Однакожъ не во всемъ расходятся,—напротивъ есть и

¹⁾ Аристотель замѣчаетъ, что подобно другимъ философамъ (которые для изясненiя природы вещей предполагали лишь матеріальныя причины), Левкиппъ и Демокритъ оставили безъ вниманiя вопросъ о движенiи, откуда оно и какимъ

общее, въ чемъ сходятся та и другая философія. Общее это есть отрицаніе въ отношеніи къ существу происхожденія и разрушенія и вообще всякаго измѣненія ¹⁾. И по ученію атомистовъ, а не только по философіи элейской, существе, т. е. атомы, ни происходятъ, ни уничтожаются, вообще не измѣняются. Что мы называемъ происхожденіемъ и разрушеніемъ, это на самомъ дѣлѣ есть только *соединеніе* и *раздѣленіе* ²⁾ остающихся неизмѣнными атомовъ, т. е. недѣлимыхъ; иначе

образомъ можетъ принадлежать существу (ὄθεν ἢ πῶς ὑπάρχει τοῖς οὖσι) Metaph. I. IV, 985, b. Но атомисты не спрашивали о причинѣ движенія конечно потому, что признавали его вѣчнымъ; какъ атомы вѣчно существуютъ, такъ-же вѣчно и движеніе атомовъ, которое есть необходимое ихъ свойство; въ этомъ смыслѣ атомисты учили, что все происходитъ въ силу необходимости: πάντα τε κατ' ἀνάγκην γίνεσθαι, τῆς δίνης αἰτίας οὐσης τῆς γενέσεως πάντων, ἣν ἀνάγκην λέγει. Diog. Laer. IX, 44. Ἐλεγε δέ (Δημόκριτος) ὡς ἀεὶ κινουμένων τῶν ὄντων ἐν τῷ κενῷ. Hippol. Doxographi p. 565. По отношенію къ тому, что вѣчно, говорили атомисты (каково движеніе) нѣтъ нужды искать причины (ὅλως δὲ τὸ νομίζειν ἀρχὴν εἶναι ταύτην ἰκανήν, ὅτι αἰεὶ ἢ ἔστιν ἢ γίγνεται, οὐκ ὀρθῶς ἔχει ὑπολαβεῖν, ἐφ' ὃ Δημ. ἀνάγει τὰς, περὶ φύσεως αἰτίας, ὡς οὕτω καὶ τὸ πρότερον ἐγίνετο, τοῦ δὲ αἰεὶ οὐκ ἀξιοῖ ἀρχὴν ζητεῖν) Phys. VIII. 1 252 a.) Правда, по свидѣтельству однихъ, Демокритъ полагалъ будто-бы, что атомы тяжести не имѣютъ, и потому причиною ихъ постояннаго движенія признавалъ столкновеніе: Δημοκ. τὰ πρῶτα φησι σώματα βάρος οὐκ ἔχειν, κινεῖσθαι (δὲ) κατ' ἀλληλοτυπίαν ἐν τῷ ἀπέριω. Doxographi, 311, συμβεβηκέναι δὲ τοῖς σώμασι τρία ταῦτα, σχῆμα μέγεθος βάρος. Δημ. μὲν γὰρ ἔλεγε δύο, μέγεθος τε καὶ σχῆμα, ὃ δὲ Ἐπικούρου, τούτοις καὶ τρίτον βάρος προσέθηκεν; ἀνάγκη γάρ, φησι, κινεῖσθαι τὰ σώματα τῆ τοῦ βάρους πληγῆ. Ibid. 285. Но этому противорѣчить свидѣніе, сообщаемое Аристотелемъ и потому болѣе достоверное. Онъ говоритъ: καίτοι βαρύτερόν γε κατὰ τὴν ὑπεροχὴν φησιν εἶναι Δημ. Ἐκαστον τῶν ἀδιαιρέτων, — т. е. каждый атомъ имѣетъ тяжесть, которая должна быть больше при большей величинѣ, такъ какъ атомъ не имѣетъ въ себѣ пустоты. de gen et corr. I. 8, 326 a.

¹⁾ μηδέν τε ἐκ τοῦ μὴ ὄντος γίνεσθαι μηδὲ εἰς τὸ μὴ ὄν φθίρεσθαι. D. K. IX. 44.

Δημ. ὑπεστήσατο τὸ πᾶν ἄπειρον διὰ το μηδαμῶς ὑπο τινος αὐτο δεδημιουργῆσθαι. ἔτι δὲ καὶ ἀμετάβλητον αὐτὸ λέγει. (Plut.) Doxographi. 581.

²⁾ Ἐμπεδοκλῆς Ἀναξαγόρας Δημόκριτος Ἐπίκουρος καὶ πάντες ὅσοι κατὰ συναθροισμὸν τῶν λεπτομερῶν σμμάτων κοσμοποιούσι συγκρίσεις μὲν καὶ διακρίσεις εἰσάγουσι, γενεσεις δὲ καὶ φθοράς οὐ κυρίως. (Stob. Ecl.) Doxographi 320.

говоря,—всѣ перемѣны, по воззрѣнію атомистовъ, сводятся къ движенію или перемѣщенію атомовъ. На самомъ дѣлѣ ничего новаго въ мірѣ не происходитъ, и что есть, никогда не уничтожается. Такимъ образомъ, атомисты во всей силѣ удержали выраженное элейскою школою понятіе о бытіи, именно что оно едино (качественно, а не количественно), полно, неизмѣнно, не происходитъ и не разрушается. А потому и указанная выше противоположность атомистической теоріи въ отношеніи къ элейской философіи, по исходному пункту ея выводовъ, не имѣетъ значенія принципиальнаго, кореннаго, т. е. не возведена этою теоріею въ правило, принципъ, а есть только частный случай. Это и понятно. Чтобы отношеніе между мышленіемъ и наблюденіемъ, по значенію ихъ для познанія, могло быть опредѣлено принципиально, т. е. чтобы былъ установленъ извѣстный взглядъ на это отношеніе, для того необходимо изслѣдованіе вопроса о познаніи, а такого изслѣдованія въ эпоху Демокрита и элейской школы еще не возникало. Поэтому сказанное выше о противоположности между элейскою школою и атомистикою, по ихъ исходнымъ пунктамъ, вѣрно не вообще о всей философіи той и другой школы, а только въ примѣненіи къ частнымъ положеніямъ (о пустотѣ, движеніи). Иначе говоря, указанная выше характеристическая черта, раздѣляющая реализмъ и идеализмъ, хотя замѣтно уже выступаетъ въ атомистической и элейской школахъ, однако черта эта далеко еще не достигла здѣсь полнаго своего выраженія, не возведена въ принципъ, ибо и въ атомистической школѣ умозрительное понятіе бытія, выраженное элейскою философіею, удержано во всей силѣ, такъ что нельзя не признать вполне удачною и вѣрною характеристикою атомистической теоріи выше приведенное замѣчаніе Аристотеля, именно, что Левкиппъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, согласить съ дѣйствительностію основныя положенія элеатовъ.

Слѣдуетъ далѣе признать характеристическимъ *отношеніемъ* какъ философіи элейской, такъ и философіи атомистической къ *народной религіи*. И здѣсь мы видимъ противоположность между атомизмомъ и элейскою философіею, и притомъ противоположность эта рѣшительнѣе и ярче выступаетъ въ этомъ пунктѣ.

Ксенофанъ отрицалъ многобожіе и антропоморфізмъ, слѣдовательно онъ устранялъ наиболѣе выдающуюся и жизненно-практическую сторону въ народной религіи. Онъ порицаетъ Гомера и Гезіода за тѣ недостойныя представленія о богахъ, которыя, благодаря этимъ народнымъ поэтамъ, сдѣлались общераспространенными ¹⁾. Онъ утверждалъ единство божества противъ многобожія ²⁾, а противъ антропоморфізма народной религіи очевидно было направлено то его положеніе, что божество есть ничто иное, какъ разумъ, управляющій вселенною безъ труда, одною мыслию своею ³⁾. Такимъ образомъ, съ особенною ясностію выражена въ философіи Ксенофана та монотеистическая идея, которая въ народной греческой религіи всегда была ея основаніемъ, глубоко скрытымъ подъ оболочкою пестрой и ярко изукрашенной подробностями игры образовъ и сказаній мифологическихъ. Монотеистическая идея въ народной религіи слабо проявлялась въ образѣ верховнаго отца боговъ и человѣковъ, которому усвоялась верховная власть надъ всѣми низшими богами.

Атомисты, напротивъ, вполне оправдывали, съ своей точки зрѣнія, народныя представленія о богахъ. По крайней мѣрѣ о Демокритѣ извѣстно, что онъ имѣлъ въ виду, при помощи атомистической теоріи, объяснить происхожденіе народныхъ представленій о богахъ и даже доказать объективную ихъ истинность.

По теоріи атомистовъ есть только два основныхъ начала вещей: *атомы* и *пустота*, и всякое дѣйствіе, всякую переменѣну, словомъ все происходящее въ мірѣ должно разсматривать какъ послѣдствіе *соединенія* или *раздѣленія* атомовъ, движущихся въ пустотѣ; отсюда ясно, что и для объясненія того, какъ проис-

¹⁾ Πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν "Ὀμηρος δ' Ἠσίοδος τε ὅσα παρ' ἀνθρώποισιν ὀνειδά καὶ φόγος ἔστι, καὶ πλεῖστ' ἐρθεύξαντο θεῶν ἀθεμίστια ἔργα, κλέπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν. Mullach 1. 102 (7 frag).

²⁾ Одинъ есть Богъ, величайшій между богами и людьми, ни видомъ смертнымъ не подобный, ни умомъ (νόημα). Онъ всѣмъ своимъ существомъ и видитъ, и разумѣетъ, и слышитъ (ὄυλος ὀραῖ, οὔλος δὲ νοεῖ, οὔλος δὲ τ' ἀκούει).

³⁾ Ἄλλ' ἀπάνευθε πόνοιο νόου φρενὶ πάντα κραδαίνει. Mullach 1. 101. (3 frag).

ходятъ у насъ представленія вообще, и въ частности представленія о богахъ, не оставалось иного способа кромѣ тѣхъ же процессовъ столкновенія, взаимнаго сочетанія и раздѣленія атомовъ. Отъ всѣхъ вещей, по ученію Демокрита, непрерывно отдѣляются или истекаютъ образы ихъ (Εἰδῶλα, ἀπόρροιαί), вполне имъ подобныя и по виду и по свойствамъ, и эти-то образы, проникая сквозь пустые промежутки въ наши чувственные органы, соприкасаются или сталкиваются затѣмъ съ душою; такимъ образомъ и являются въ душѣ представленія ¹⁾. Полагая, что душа наша—это какъ-бы находящееся во всемъ тѣлѣ другое тѣло, только состоящее изъ атомовъ огня, имѣющихъ шаровидную форму, и потому наиболѣе подвижныхъ и способныхъ проникать всюду,—атомисты учили, что она можетъ и уменьшаться чрезъ выдыханіе и снова пополнять свою потерю чрезъ вдыханіе ²⁾. Такимъ образомъ, по теоріи атомистической наша душа тѣлесна и также состоитъ изъ атомовъ, какъ и всѣ другія тѣла. Этимъ оправдывалось извѣстное положеніе, бывшее общепринятымъ у греческихъ философовъ, что равное познается равнымъ, ибо познаніе есть дѣйствіе, а только равное можетъ дѣйствовать на равное ³⁾, а еще важнѣе тотъ выводъ изъ атомистическаго представленія о душѣ, что повсюду въ мірѣ распространена та самая жизнь, которая насъ одушев-

1) Δεύκιππος καὶ Δημοκρ. φάσιν τὴν αἴσθησιν καὶ τὴν νόησιν γίνεσθαι εἰδῶλων ἔξωθεν προσιόντων μηδενὶ γὰρ ἐπιβάλλειν μηδέτεραν χωρὶς τοῦ προσπίπτοντος εἰδῶλου. (Aetii plac). Doxographi 395.

2) Δημοκρ. μεν πῦρ τι καὶ θερμόν φησι αὐτὴν (ψυχὴν) εἶναι ὁμοίως δὲ καὶ Δεύκιππος, τούτων δὲ (στοιχειῶν) τὰ σφαιροειδῆ ψυχὴν (λέγει) διὰ τὰ μάλις διὰ πάντος δύνασθαι διὰ δύναειν τοὺς τοιοῦτους ῥυσμούς καὶ κινεῖν τὰ λοιπὰ κινούμενα καὶ αὐτὰ... διὸ καὶ τοῦ ξῆν ὄρον εἶναι τὴν ἀναπνοὴν συνάγοντος γὰρ τοῦ περιέχοντος τὰ σώματα καὶ ἐκθλίβοντος τῶν σχημάτων τα παρέχοντα τοῖς ζώοις τὴν κίνησιν διὰ τὸ μηδ' αὐτὰ ἡρεμεῖν μηδέποτε, βόηθειαν γίνεσθαι θύραθεν ἐπεισιόντων ἄλλων τοιούτων ἐν τῷ ἀναπνεῖν. Arist. de anima 1, 2 404 a.

3) Arist. de gen. et corr. 1. 7. 323, 6: „только подобное можетъ быть дѣйствующимъ и страдательнымъ; различное же не можетъ дѣйствовать одно на другое, а если и дѣйствуетъ, то настолько, насколько и въ различномъ содержится одинаковое“. (ἀλλὰ καὶ ἕτερα ὄντα ποιῆ τι εἰς ἄλληλα, οὐχ ἢ ἕτερα ἀλλ' ἢ ταῦτόν τι ὑπάρχει, ταύτῃ τοῦτο συμβαίνειν αὐτοῖς). Ср. Doxographi 484-Mullach 1. 357).

лясть, ибо всюду находятся атомы, изъ которыхъ состоитъ наша душа, и не только жизнь, но и тотъ же самый умъ, который дѣйствуетъ въ насъ, находится повсюду, ибо атомисты не отдѣляли ума отъ души, какъ это было у послѣдующихъ философовъ ¹⁾. Послѣ этого не должно казаться страннымъ, что атомисты представляли мiръ наполненнымъ существами человѣкоподобными, но превосходящими человѣка большею прочностію своей конструкціи и потому болѣе могущественными, способными оказывать на него благодѣтельное или же пагубное вліяніе ²⁾. Существа эти состоятъ изъ тѣхъ же атомовъ, что и наша душа, и потому присутствіе ихъ не можетъ быть для насъ столь явнымъ и ощутительнымъ, какъ присутствіе болѣе грубыхъ тѣлъ; оттого они не всегда бываютъ видимы, и если являются, то какъ привидѣнія, или призраки, въ видѣ тѣней. Эти то идолы и суть тѣ боги, о которыхъ повѣствуетъ мифологія и которые были предметомъ народнаго почитанія ³⁾. Итакъ мы видимъ, что идеализмъ, въ лицѣ Ксенофана, отрицалъ народныя представленія о богахъ, напротивъ реализмъ, въ лицѣ Демокрита, вполне признавалъ и доказывалъ реальность, или что тоже (съ реалистической точки зрѣнія)—ихъ истинность. И это понятно: сама народная религія грековъ была реалистическою; народныя представленія о богахъ отличались гру-

¹⁾ Παρμενίδης καὶ Εμπεδοκλῆς καὶ Δημοκρίτος φασιν εἶναι ταύτην νοῦν καὶ ψυχὴν, καθ' οὓς οὐδὲν ἄν εἴη ζῶον ἄλογον κυρίως. (Stobaei Ecl.) Doxographi 392.

²⁾ Ὁ δὲ Δημ. πάντα μετέχειν φησὶ ψυχῆς ποιᾶς καὶ τὰ νεκρὰ τῶν σωμάτων, διότι ἀεὶ διαφανῶς τινὸς θερμοῦ καὶ αἰσθητικοῦ μετέχει, τοῦ πλείονος διαπνεομένου. (Plut.) Forschungen auf dem Gebiete der alten Philosophie, Krische. S. 158.

³⁾ Δημ. δε εἶδωλα τίνα φησὶν ἐμπελάζειν τοῖς ἀνθρώποις καὶ τούτων τὰ μὲν εἶναι ἀγαθοποιὰ, τὰ δὲ κακοποιὰ ἔνθεν καὶ εὖχεται εὐλόγων (εὐλόγγων) τυχεῖν εἰδωλων. εἶναι δὲ ταῦτα μεγάλα τε καὶ ὑπερμεγείθη, καὶ δύσφιθαρτα μὲν, οὐκ ἀφιθαρτα δὲ, προσημαίνειν τε τὰ μέλλοντα τοῖς ἀνθρώποις, θεωρούμενα καὶ φωνὰς ἀφιέντα (Sext. Emp. adv. Math. IX, 19, Krische 149 и д. Mullach 1, 358.

³⁾ Вотъ почему Эпикуръ, возобновившій атомистическую теорію Демокрита, полагалъ, какъ свидѣтельствуемъ Цицеронъ, что боги имѣютъ видъ не собственно тѣла, а только какъ-бы тѣла, и кровь у нихъ есть какъ-бы кровь (Nec tamen ea species corpus est, sed quasi corpus: nec habet sanguinem, sed quasi sanguinem). De natura deor. 1, XVIII, 49.

бымъ реализмомъ, ибо народная фантазія надѣляла боговъ своихъ тѣми же пороками, слабостями, страстями, которыя свойственны людямъ; греческіе боги были ничѣмъ не лучше людей въ нравственномъ отношеніи; главное ихъ преимущество предъ людьми заключалось въ томъ, что ихъ тѣла, благодаря пищѣ безсмертія (амброзія отъ *ἀμβροτος* безсмертный), не были подвержены въ такой степени порчѣ, какъ человѣческія тѣла. Идеализмъ потому именно отрицалъ народныя вѣрованія, что, по своимъ понятіямъ о божественномъ, былъ выше этихъ вѣрованій. Впрочемъ, какъ выше уже замѣчено, идеализмъ Ксенофана, и вообще элейской школы, не совершенно отрицалъ греческую религію, онъ отвергалъ лишь народныя представленія о богахъ, но отвергалъ во имя той истины, которую усматривалъ въ самой религіи греческой; только эта истина оставалась скрытою, была затемнена покровомъ мифологическихъ сказаній и образовъ. Поэтому можно сказать, что идеализмъ особенно выдвигалъ и приводилъ въ ясность идеальный элементъ, который содержался въ самомъ основаніи греческаго религіознаго міросозерцанія, и прежде всего указывалъ на этотъ элементъ посредствомъ отрицанія скрывавшихъ и затемнявшихъ его образовъ. Реализмъ-же оправдывалъ наиболѣе вышуклую сторону въ греческой религіи,—сторону реалистическую, всегда имѣвшую наибольшее практическое значеніе¹⁾.

¹⁾ По предположенію Крише, Демокритъ своею теоріею объ идолахъ боговъ имѣлъ въ виду оправдать Гомеровскія, т. е. мифологическія народныя представленія о богахъ. *Forschungen...* S. 147, 151, 154. Боги Демокрита, очевидно, обладаютъ крайне ограниченнымъ могуществомъ, ибо происхожденіе, устройство и судьба міра изъясняются помимо всякаго участія боговъ; но это не противорѣчитъ и мифологіи, которая скорѣе боговъ подчиняетъ природѣ, чѣмъ природу богамъ; преимущественно къ человѣку они имѣютъ отношеніе, оказывая на него благотѣльное или вредное вліяніе. Образы, являющіеся людямъ, по Демокриту (какъ и у Гомера), имѣютъ человѣческій видъ и голосъ, но превосходятъ человека своею чудовищною велчиною (также согласно съ Гомеровскимъ представленіемъ). По свидѣтельству Плутарха (см. Крише цит. мѣста) Демокритъ признавалъ существованіе идоловъ, которымъ свойственны дурныя намѣренія и дѣйствія; кромѣ того онъ же говоритъ о такихъ идолахъ, которые не только возвѣщаютъ намъ представленія, мысли и стремленія тѣхъ, отъ кого происходятъ (ибо вообще идолы подобны своимъ первообразамъ не только по формѣ, но и по свойствамъ), но и притомъ, если исходятъ отъ злыхъ душъ и проникаютъ въ насъ, то причиняютъ порчу душѣ и тѣлу.

Впослѣдствіи эта именно сторона получила болѣе систематическую обработку и оправданіе въ такъ называемой демонологіи, въ ученіи о демонахъ, или низшихъ богахъ,—имѣющемъ тѣсную связь съ религіозною практикою язычества, начиная съ оракуловъ со всѣми видами искусства предъугадывать будущее ¹⁾).

П. Линицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Замѣчательно, что и теперь вѣра въ явленія духовъ, способныхъ будто бы матеріализоваться и обнаруживать свое присутствіе чрезъ матеріальныя дѣйствія по произволу людей (спиритизмъ), возникла на почвѣ реализма.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

Переходимъ теперь къ важнѣйшей сторонѣ изслѣдованія о судьбѣ идеи Божества у Гомера: къ разсмотрѣнію нравственныхъ или идеальныхъ, духовныхъ свойствъ Божества, по его представленію. Знакомый уже намъ изслѣдователь „Гомерова богословія“, *Нэгельбахъ* начинаетъ свое изслѣдованіе объ этомъ словами: „Гомеръ творитъ Бога по образу человѣка, тогда какъ истинный Богъ сотворилъ человѣковъ по образу Своему“¹⁾, и затѣмъ все изслѣдованіе свое посвящаетъ, какъ мы замѣчали выше, объективному раскрытію этого человѣкообразнаго представленія Божества у Гомера, не углубляясь до зерна истины, заключающагося въ этомъ представленіи. Въ такой постановкѣ дѣла изслѣдованія, по нашему мнѣнію, заключается много причинъ къ недоразумѣніямъ, если не прямо къ ложнымъ сужденіямъ и умозаключеніямъ, отъ которыхъ далеко не свободно и изслѣдованіе *Нэгельбаха*. Изслѣдователь забываетъ, что даже мы, водимые свѣтомъ откровенія не только естественнаго, какъ Гомеръ, но и сверхъестественнаго, котораго онъ былъ лишенъ, не можемъ представлять себѣ Божество безъ человѣкообразности въ нашемъ представленіи; что, — еще того болѣе, — даже само сверхъестественное откровеніе, при

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 10.

¹⁾ *Homerische Theologie*, S. 13, первая послѣ „Введенія“.

изображеніи Божества, не свободно отъ человѣкообразности въ представленіи его существа и свойствъ. Не лучше-ли представить дѣло нижеслѣдующимъ образомъ? Богъ сотворилъ *человѣка по образу Своему и по подобію* (Быт. 1, 26—27 и парал.): слѣдовательно въ человѣкѣ естественно отображаются свойства его высочайшаго первообраза. Свойства эти, какъ само собою понятно, заключаются, главнымъ образомъ, въ духовной сторонѣ природы человѣка: ибо *Богъ есть Духъ* (Іоан. 4, 24). Но съ духовною природою въ человѣкѣ, при самомъ сотвореніи его, Богъ благоволилъ тѣсно связать и его тѣлесную природу. Въ такой двусоставности Онъ благоволилъ явиться на землѣ и второму лицу св. Троицы—Сыну Божію, даже вознесшемуся на небо и тамъ пребывающему въ той-же двусоставности. Въ виду этого не безосновательна была догадка нѣкоторыхъ изъ отцевъ Церкви (напр. св. Амвросія Медиоланскаго) о томъ, что въ самомъ сотвореніи человѣка по образу Божію предусмтрѣна была Богомъ и тѣлесная часть его состава, согласно первообразу этого состава, имѣвшему въ свое время явиться въ Богочеловѣкѣ, предвѣчно предъопредѣленномъ для спасенія людей ¹⁾. Этимъ только можно объяснить и ветхозавѣтныя Богоявленія, при которыхъ Богъ-Духъ благоволилъ принимать на Себя не иной какой образъ, какъ образъ человѣческій. Не естественно-ли было, въ свою очередь, и человѣку представлять себѣ Божество въ чертахъ образа собственнаго, человѣческаго-же, только возвышенныхъ до абсолютнаго совершенства? Почему-же и Гомеру не представлять Божества въ чертахъ человѣкообразныхъ? Разница между его и нашимъ представленіемъ съ этой стороны можетъ быть только въ степени возвышенности этихъ чертъ, а самая человѣкообразность ихъ не есть недостатокъ его представленія. Напротивъ, по нашему мнѣнію, въ этомъ-то характерѣ представленія Гомерова о Божествѣ и заключается его высокое преимущество предъ другими представленіями какъ прежняго, такъ и позднѣйшаго времени. Не только натуралистическія религіи востока и древнѣйшія эллинскія представленія о Божествѣ, предшествовавшія Гомерову (религія

¹⁾ См. объ этомъ въ нашемъ изслѣдованіи: „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта“, стр. 47 и дал. Москва, 1884.

Пеластовъ), также натуралистическія, но и позднѣйшія, даже философскія понятія о Божествѣ далеко ниже Гомерова представленія именно тѣмъ, что въ нихъ ступшевывалась личность Божества: Божество болѣе или менѣе обезличивалось; въ нихъ возвышалась иногда духовность существа Божественнаго: но зато эта духовность не была духовность личная. Гомерово же представленіе оказало большую услугу религіозно-философскому міросозерцанію древней Греціи тѣмъ, что возвысило въ Божествѣ эту *духовную личность* Его. Эта особенность Гомерова представленія, по справедливости, должна быть поставлена между разсмотрѣніемъ онтологическихъ и нравственныхъ свойствъ Божества, какъ завершающая представленіе о существѣ Его привнесеніемъ къ прежнимъ свойствамъ еще *духовности* и вмѣстѣ дающая основоположеніе для усмотрѣнія въ этомъ представленіи свойствъ нравственныхъ, которыя мы не даромъ называли также *духовными* и которыя называются еще идеальными, по сколько въ нихъ идеализуется образъ (духовный, конечно) самого человѣка. И такъ какъ главныхъ силъ духа человѣческаго три: разумъ, воля и сердце, то, сообразно этимъ силамъ, мы распредѣлимъ и наше разсмотрѣніе духовныхъ свойствъ Божества, по представленію ихъ у Гомера.

9. Со стороны *разума* на первомъ планѣ является:

а) *Мудрость* или *премудрость* (*σοφία*). У Гомера это именно названіе (*σοφία*) разсматриваемаго свойства употребляется только два раза. Въ первый разъ оно употребляется въ *Иліадѣ*, когда опъ ведетъ рѣчь о мудро-художественномъ устройствѣ греческихъ кораблей и потому объ устроителѣ ихъ, что опъ—

„художества мудрости

„Всю хорошо разумѣеть, воспитанникъ мудрой Аѳины. ¹⁾

Въ другой разъ это названіе употребляется у Гомера въ гимнѣ Ерму (Меркурію), гдѣ самъ Ермъ, по Гомеру, говоритъ объ Аполлонѣ, сынѣ Зевса, богъ-покровителѣ наукъ и искусствъ, какъ хорошо „наученномъ искусству и мудрости“. ²⁾ Но всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи мнѣ о происхожденіи самой богини мудрости, упомянутой сейчасъ Аѳины (Минервы).

¹⁾ Ил. XV, 411—412.

²⁾ См. наибольшій гимнъ Ерму, ст. 48С, стр. 84 изд. *Эрнсти*, т. V.

У Гомера этотъ мифъ излагается въ одномъ изъ гимновъ, посвященномъ этой „свѣтлоокой“ или дальнотворкой (γλαυκῶπις) „многоумной“ или велемудрой (πολύμητις) „богинѣ“, о которой онъ говоритъ, что „ее родилъ самъ мыслитель“ (μητίετα) или „мудрѣйшій совѣтникъ Зевсъ изъ почтенной главы своей облеченною въ воинскіе доспѣхи, золотые блестящіе, такъ что ужасъ объялъ всѣхъ видѣвшихъ это безсмертныхъ“ и т. д. ¹⁾ Не показываетъ ли самое изложеніе мифа въ буквѣ его до наглядности ясно, что было-бы безсмысленно видѣть здѣсь чисто физическое, а не духовное происхожденіе богини мудрости, или лучше, самой премудрости отъ ума высочайшаго (Зевса), и можно-ли не сказать съ полнымъ правомъ вмѣстѣ съ Гераклидомъ Понтійскимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ „Гомеръ былъ-бы вполне нечестивъ, если-бы не говорилъ аллегорически (иносказательно)?“ ²⁾ Въ этомъ-то смыслѣ первоисточника премудрости, Зевсъ и называется у Гомера *мыслителемъ*, или *промыслителемъ*, *мудрѣйшимъ совѣтникомъ* (μητίετα или μητιέτης, ³⁾ μητιόεις, ⁴⁾ μήστωρ или даже ὄπατος μήστωρ), ⁵⁾ богомъ, превосходящимъ всѣхъ другихъ боговъ мудростію, ⁶⁾ „непреложныхъ совѣтовъ строителемъ“ ⁷⁾ и под. Самый лучшій образчикъ этой глубочайшей и высочайшей премудрости Зевса, самое наглядное свидѣтельство ея Гомеръ, какъ преимущественно эпическій поэтъ, могъ представить и представилъ въ веденіи дѣла Троянской войны, совершавшейся, какъ извѣстно, при непосредственномъ участіи боговъ и подъ ближайшимъ ихъ вѣдѣніемъ. Въ этой войнѣ, какъ она описывается у Гомера, на первый взглядъ представляется лишь какъ-бы одна игра страстей въ богахъ и герояхъ, одни личные интересы, привязанности тѣхъ и другихъ, и пр. Но всматриваясь въ дѣло ближе и глубже, мы на обширномъ полѣ этой войны мало-по-малу начинаемъ

¹⁾ Ст. 4--7; срав. ст. 2, стр. 122 того-же тома изданія *Ernesti*.

²⁾ Цитату см. раньше.

³⁾ Ил. I, 175; 508; II, 197; 324; VI, 198 и мн. др. Од. XIV, 243; XVI 298 и др.; гимны: Аполл. (ст. 205);—Ерму (469; 503);—Афродитѣ (203) и др.

⁴⁾ См. гимны: Аполлону (344) и Естин (Вестѣ), ст. 5.

⁵⁾ См. Ил. VIII, 22; XVII, 339.

⁶⁾ Срав. Ил. XIII, 355.

⁷⁾ Ил. XXIV, 88.

усматривать, сперва какъ-бы въ отдаленномъ силуэтѣ, а затѣмъ въ болѣе и болѣе близкомъ рельефно выдѣляющемся образѣ нѣчто въ родѣ Зевсовой золотой цѣпи ¹⁾ высшихъ, нравственныхъ побужденій и цѣлей, которыми при этомъ руководились боги, а въ особенности мудрѣйшій совѣтникъ Зевсъ. И составитель бессмертныхъ поэмъ созвательно воспроизвелъ отдѣльные образы этой величественной картины золотой цѣпи, простирающейся съ земли до неба. Не даромъ онъ въ самомъ началѣ главнѣйшей изъ нихъ, Илиады, прямо и необыкновенно заявилъ, притомъ по поводу пустого, повидимому, обстоятельства,—гнѣва Ахиллеса, оскорбленнаго Агамемнономъ изъ-за плѣнницы Бризиды,—что и въ этомъ обстоятельствѣ, пришедшемъ однако съ собою столько бѣдствій грекамъ въ дальнѣйшемъ ходѣ войны, „свершалась Зевсова воля“. ²⁾ А въ XVI-й рапсодіи поэмы онъ даже и обстоятельно изъясняетъ мудрую цѣль дѣйствій и отношеній Зевса въ ходѣ войны, скрывавшуюся дотолѣ за цѣлымъ рядомъ нравственныхъ противорѣчій, грубыхъ относительно Божества представленій, недоразумѣній и пр.

б) *Всевѣдѣніе*. „Боги все вѣдаютъ“,—прямо и безъ ограниченія говоритъ Гомеръ о богахъ вообще; ³⁾ о Зевсѣ-же съ особеннымъ удареніемъ утверждаетъ, что онъ „все хорошо вѣдаетъ“. ⁴⁾ Въ силу такого утвержденія, Зевсъ естественно является у Гомера „всевѣдущимъ“ (*πανομφαίος*), ⁵⁾ „вѣдающимъ болѣе, нежели другіе боги“, ⁶⁾ знающимъ между прочимъ будущее, ⁷⁾ предвѣщающимъ оное, ⁸⁾ а также другимъ дарующимъ спо-

¹⁾ Ил. VIII, 19.

²⁾ Ил. I, 5.

³⁾ Θεοὶ δὲ τε πάντα ἴσασιν. Од. IV, 379; 467.

⁴⁾ Εὐ οἶδεν ἅπαντα. Од. XX, 75. И не просто πάντα, но ἅπαντα (ἅμα — вмѣстѣ и πάντα — все).

⁵⁾ Ил. VIII, 250.

⁶⁾ Срав. Ил. XIII, 355—356.

⁷⁾ Срав. наименование Зевса прозорливымъ (*ἀγχιλομήτης*) въ Ил. II, 205, срав. обнаруженія его предвѣдѣнія въ Ил. III, 308—309; XV, 63 и дал. и др.

⁸⁾ Ил. I, 63; II, 324; VIII, 170; IX, 236; XV, 63 и дал.; Од. I, 283; XX, 102;

собность предвѣщать его. ¹⁾ Никто изъ людей не можетъ укрыться отъ его мудраго ума, ²⁾ который подобно солнцу съ неба, все назираетъ, все слышитъ и пр. ³⁾

Даже боги не въ силахъ уклониться отъ наблюденія ума Зевсова или измѣнить направленіе мыслей его ⁴⁾. Въ виду всего этого Гомеръ влагаетъ въ уста царя Менелая слѣдующія знаменательныя слова воззванія къ Зевсу:

„Зевсъ Олимпійскій! премудростью ⁵⁾ ты, говорятъ, превышаешь
„Всѣхъ и безсмертныхъ и смертныхъ ⁶⁾); все изъ тебя истекаетъ“ ⁷⁾.

10. Со стороны *воли* Божество у Гомера (и опять главнымъ образомъ Зевсъ) представляется:

а) высочайше *свободнымъ*. Выраженія: „такъ хотѣлъ (ἤθελε) Зевсъ“, „такъ, безъ сомнѣнія, Богу всемогущему Зевсу угодно“ (φίλον) и под. весьма нерѣдки у Гомера ⁸⁾. Зевсъ раздаетъ свои небесныя дары, кому изволитъ. Такъ на примѣръ поэтическое вдохновеніе имѣетъ для себя глубочайшее основаніе отнюдь не въ самихъ людяхъ. Нѣтъ! Гомеръ убѣжденъ, что

„Винюешь въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
„Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье“ ⁹⁾.

Такимъ же образомъ о счастьѣ Гомеръ говоритъ, что его „Зевсъ самъ раздѣляетъ людямъ, добрымъ или же злымъ, каждому какъ восхоицетъ“ ¹⁰⁾. Или еще:

¹⁾ На примѣръ Аполлону (см. гимнъ Аполл. 132); Ерму (см. гимнъ Ерму 532) и др.

²⁾ Ил. XV, 461.

³⁾ Срав. выше цитованная о семъ мѣста изъ твореній Гомера касательно солнца (Гелиоса) съ изрѣченіемъ Эсхила о Зевсѣ: ὡς ἴδῃ πατὴρ οὐχ οὐμὸς, ἀλλ' ὁ πάντ' ἐποπτεύων τὰδ' ἦλιος (Choerh. 984).

⁴⁾ Од. V, 103—104.

⁵⁾ Φρένας — мыслими, умомъ.

⁶⁾ Ἀνδρῶν, ἤδ' ἑ θεῶν — людей и даже боговъ.

⁷⁾ Ил. XIII, 631—632: σέο δ' ἐκ τὰδ' πάντα πέλονται. Срав. выше приведенное изреченіе о „потокахъ рѣки Океана, отъ коего все родилось“.

⁸⁾ См. Ил. II, 116, XIII, 225; 226; XIV, 69, 120, XV, 292—293; XVI, 799; Од. XIX, 80 и др.

⁹⁾ Ὅπως ἐθέλησιν ἐλάστω. Од. I, 343—344. Срав. сказанное выше о Гомерѣ, какъ пророкѣ (vates).

¹⁰⁾ Од. VI, 188—189.

„Доблесть же смертнымъ властительный Зевсъ и величить и малить,
„Какъ соизволить Провидѣць: зане опъ единый всесиленъ“¹⁾ и др.

б) *Всемогущимъ*. Уже изъ сейчасъ приведенныхъ мѣсть, особенно же изъ послѣдняго, мы могли видѣть указаніе этого свойства воли божественной. Вообще это свойство сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствовало на религіозное сознаніе Гомера и его современниковъ, а потому яснѣе и нагляднѣе всѣхъ представляется въ его твореніяхъ; хотя отвлеченно, но вполне ясно также какъ о всевѣдѣніи, онъ высказывается и объ этомъ свойствѣ: „богамъ все возможно“, или: „боги все могутъ“²⁾, всемогущи. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь самыя яркія краски поэтомъ — художникомъ набрасываются на картину всемогущества Зевса, который, по Гомеру, вообще „все можетъ“³⁾, есть „всесиленъ, всемогущъ, могущественнѣйшій изъ всѣхъ боговъ“ (*ὑπερμενής*⁴⁾, *κάρτιστος ἀπάντων*⁵⁾, *πολὸν φέρτατος ἐστίν*⁶⁾ и т. д.), — котораго „сила необорна“, ⁷⁾ „могущество безпредѣльно“⁸⁾ и т. д. Въ частности, изображая всемогущество Зевса въ природѣ видимой, Гомеръ употребляетъ эпитеты: „громодержецъ, громовержецъ, широко, высоко, далеко гремящій“ и т. п. (*βροντάων, ἐρίγδουπος, ἐριβρεμέτης, ὑφιβρεμέτης* и др.)⁹⁾ „молніеносецъ, молніевержецъ“ (*ἀστεροπητής, στεροπηχερέτα* и др.)¹⁰⁾ и т. д.; представляя это могущество въ области существъ разумныхъ, употребляетъ эпитеты: „повелитель, царь“ (*ἄναξ*,¹¹⁾ *βασιλεὺς*)¹²⁾ и др. Самое рельефное изображеніе всемогущества Зевса мы могли видѣть въ выше приведенномъ отрывкѣ изъ VIII-й пѣсни *Иліады*.

1) *Ил.* XX, 242—243; срав. также *Ил.* IV, 381; VI, 357; *Од.* III, 152; IX, 38 и др.

2) *Θεοὶ δὲ τε πάντα δύνανται.* *Од.* X, 306.

3) *Δύνανται ἅπαντα.* *Од.* IV, 237. Срав. *οἶδεν ἅπαντα.*

4) *Ил.* II, 116; 403; VII, 481; XIX, 69.

5) *Ил.* VIII, 17; XX, 243.

6) *Ил.* I, 581.

7) *Σθένος οὐκ ἐπιεικτόν.* *Ил.* VIII, 32; срав. I, 567.

8) *Κράτος ἐστὶ μέγιστον.* *Ил.* II, 118; IX, 25.

9) См. напр. *Ил.* I, 354; V, 672; XE, 68; 235; XIII, 624; *Од.* XII, 415; XIV,

305 и мн. др.

10) *Ил.* I, 580; 609; VII, 443; XVI, 298 и др.

11) *Ил.* III, 351; *Од.* XVII, 354, и др.

12) Гимнъ Димитръ, ст. 358.

в) *Непоступнымъ, непреложнымъ, неизмѣннымъ* въ рѣшеніяхъ своихъ. Это свойство воли Зевса Гомеръ представляетъ, когда говоритъ, что

„Человѣкъ не преложить совѣтовъ Зевеса,
„Сколько-бы ни былъ онъ силенъ: могучѣе онъ громовержецъ“, ¹⁾

или:

„Если теперь совершить Олимпійскій Зевесъ не разсудить,
„Поздно, но онъ совершить“; ²⁾

или, какъ самъ Зевсъ говоритъ о себѣ, по Гомеру:

„Такъ я вѣщаю, и такъ непреложно исполню“ ³⁾ и под.

Но не безразсудная, конечно, непоступность воли Зевса, какъ-бы упрямство какое, выражается здѣсь. Нѣтъ! являясь непоступнымъ въ своей волѣ, Зевсъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ по строжайшимъ требованіямъ справедливости, является такимъ образомъ—

г) *правосуднымъ*. Это правосудіе воли Зевса, по представленію Гомера, особенно обнаруживается въ награжденіи добра и наказаніи зла въ людяхъ. Вотъ изреченія объ этомъ въ твореніяхъ Гомеровыхъ:

„Нѣтъ, небожитель-Кроноидъ въ вѣроломствахъ не будетъ помощникъ
„Первыхъ, которые клятвы поправъ, нанесли оскорбленіе“ ⁴⁾.

Или еще:

„Словно земля, отягченная бурями, черная стонетъ
„Въ мрачную осень, какъ быстрая воды съ небесъ проливаетъ,
„Зевсъ раздраженный, когда на преступныхъ людей негодуетъ,
„Коя на сонмахъ, насильственно, судъ совершаютъ неправый,
„Правду гонять, и Божіей кары отнюдь не страшатся“ ⁵⁾ и т. д.

Награжденіе Зевсомъ добра и добрыхъ людей свидѣтельствуетъ, что онъ, будучи правосуднымъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и

д) *благимъ* въ своей волѣ. Объ этомъ такъ говоритъ у Гомера напримѣръ „Одиссей богоравный“, обращая рѣчь свою къ Эвмею:

¹⁾ Ил. VІІІ, 143—144.

²⁾ Ил. IV, 160—161.

³⁾ Ил. VІІІ, 401; срав. также I, 523—527; VІІІ, 415 и др.

⁴⁾ Ил. IV, 235—236.

⁵⁾ Ил. XVI, 384—388; срав. также VІІІ, 69 и дал. и др.

„Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогалъ,
 „Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключился;
 „Съ горемъ однако и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
 „Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
 „Кроткаго мужа, который тебя и поить здѣсь и кормить
 „Съ вѣжной заботой“ 1).

Подобнымъ-же образомъ Зевсъ благодѣтельствовалъ честному, доблестному воину, герою троянскому, Гектору во время продолжительной войны Троянской 2), не менѣе его честному и доблестному вождю Мирмидонянъ Ахиллесу 3) и др. Но и не зависимо отъ добрыхъ дѣлъ, Зевсъ нерѣдко является у Гомера благимъ, милостивымъ (*ἰκετήριος*) 4) къ тѣмъ, которые отъ всего сердца обращаются къ нему съ молитвою, какъ дѣти къ отцу 5). Вотъ образчикъ подобнаго отношенія Зевса къ людямъ. Удрученный скорбію о неудачахъ, постигавшихъ грековъ въ войнѣ ихъ съ троянцами за время продолжавшагося еще гнѣва Ахиллесова, бывшій виною этого гнѣва, царь Агамемнонъ взываетъ въ молитвѣ своей къ Зевсу:

„Зевсъ отецъ! 6) нынѣ одно для меня ты исполни желанье!
 „Дай хотя намъ ты самимъ отъ враговъ избѣжать и спастися;
 „Здѣсь не предай на погубель сынамъ Иліона Ахеянъ!“

И что-же? Не смотря на то, что въ это время Агамемнонъ, за оскорбленіе Ахиллеса, былъ въ немилости у Зевса:

„Умилился 7) отецъ надъ царемъ, проливающимъ слезы.
 „Знаменье далъ, да спасется аргивскій народъ, не погибнетъ!“ 8)

Извѣстно также особенно милостивое покровительство Зевса гостепріимству или страннопріимству, почему онъ называется у Гомера *ξείνος*, 9)—сиротамъ, нищимъ и т. д. Такъ дочь Алкиноя говоритъ Одиссею:

1) Од. XV, 486—491.

2) Ил. VIII, 141—142; XV, 718 и дал.; XVIII, 293—294.

3) Ил. IX, 116 и дал.; II, 197 и др.

4) Од. XIII, 213.

5) Зевсъ называется у Гомера отцемъ (*πατήρ*) не въ одномъ лишь онтологическомъ (какъ производитель, виновникъ бытія), а и въ нравственномъ смыслѣ.

6) *Ζεῦ πάτερ*. У Гвѣдича не точно: „Зевсъ Олимпійскій!“

7) *Ὀλοφύρατο*.

8) Ил. VIII, 236. 242—246; срав. также XV, 371—376; II, 412—418 и ми. рд.

9) Ил. XIII, 624—625; Од. XIV, 284, Елигр. 7, 8, 9, 3.

„Нынѣ-же встрѣтился намъ злополучный бездомный скиталець:
 „Помощь ему оказать мы должны,—къ намъ Зевсъ посылаетъ
 „Нищихъ и странниковъ: даръ и убогій Зевсу угоденъ“. 1)

Или вотъ слова Пенелопы къ Антиною:

..... „Зачьмъ ты сиротъ притѣсняешь любезныхъ
 „Зевсу? Не правъ человекъ, замышляющій ближнему злое, 2) и т. д.

Соединеніе послѣднихъ двухъ свойствъ (правосудія и бла-
 гости) производитъ еще одно свойство воли Божественной—

е) *святость*. Мы изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ
 видѣли, что Зевсъ у Гомера представляется любящимъ только
 доброе и ненавидящимъ злое, покровительствующимъ только
 доброму и совершающимъ также одно доброе. Боги не только
 сами, по Гомеру, наблюдаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ нравствен-
 ные законы, но и за людьми наблюдаютъ въ томъ-же смыслѣ,
 тѣмъ или инымъ способомъ:

„Боги не рѣдко, облекшись въ образъ людей чужестранныхъ,
 „Входятъ въ земныя жилища, чтобы видѣть своими очами,
 „Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду“ 3).

Впрочемъ, строго говоря, святость божества у Гомера далеко
 не представляется въ желаемой степени чистою 4). Боги его и
 богини далеко не свободны отъ такихъ нравственныхъ недо-
 статковъ, которые, съ точки зрѣнія христіанства, немыслимы
 въ Божествѣ и которые даже самимъ эллинамъ, позднѣе Го-
 мера жившимъ, представлялись именно ничѣмъ инымъ, какъ
 недостатками. Причиною этого, конечно, былъ избытокъ чело-
 вѣкообразности въ представленіи Гомера о Божествѣ, въ силу
 чего онъ приписывалъ послѣднему самыя людскія страсти, ин-
 тересы и пр. Но съ другой стороны, Гомеръ былъ въ этомъ
 отношеніи лишь сыномъ своего времени и своего народа, и
 вѣрнымъ выразителемъ религіозныхъ вѣрованій послѣдняго. По-
 этому высшее и чистѣйшее выраженіе святости въ христіан-
 скомъ понятіи о Богѣ, обнаруживающееся въ словахъ Апосто-
 ла-Богослова: *Богъ свѣтъ есть, и тьмы отъ Него нѣтъ ни*

1) Од. VI, 206—208.

2) Од. XVI, 422—423.

3) Од. XVII, 485—487.

4) Срав. Nägelsbach, Homerische Theologie, S. 31 f.

единица (1 Иоан. 1—5) и возводящее нравственное свойство къ онтологическому: святость въ намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ и другихъ отношеніяхъ — къ святости по самому существу Божества — не могло быть доступно представителю религіи, уже далеко уклонившейся отъ первоначально чистаго единобожія. И у Гомера представленіе о Зевсѣ, какъ солнцѣ (*ἥλιος*) и свѣтѣ (*φάος*), не имѣеть почти никакого отношенія къ нравственной сторонѣ его существа, а означаетъ лишь его отношенія къ природѣ (натуралистически). Мало того, понятіе *святости*, въ христіанскомъ смыслѣ, даже и не именуется у Гомера относительно Божества ¹⁾. За то—

11. со стороны *чувства* Гомеръ представляетъ Божество весьма ясно, какъ *вседовольное и всеблаженное*, насколько Оно сознаетъ Себя абсолютно обладающимъ всѣми своими совершенствами, какъ онтологическими, такъ и разумно-нравственными. Въ этомъ именно смыслѣ онъ называетъ боговъ вообще, а съ ними и Зевса—*блаженными, вполне счастливо живущими, безпечальными* и т. д. [*μάκαρες* ²⁾, *ρεῖα ζῶοντες* ³⁾, *ἀκηδέεσσι* ⁴⁾ и под.]; какъ ни въ чемъ не нуждающихся для своего полного блаженства, слѣдовательно *вседовольныхъ* ⁵⁾, онъ противопоставляетъ людямъ, которыхъ называетъ жалкими смертными (*δαίμοι βροτοί*) ⁶⁾, плачевными (*ὀϊζυροί*) ⁷⁾ и под. ⁸⁾. Рельефище всего это блаженное состояніе боговъ на небѣ, чувственнымъ выраженіемъ котораго былъ Олимпъ, Гомеръ изображаетъ въ одной изъ пѣсней Одиссеи. Именно, говоря о явленіи богини Аѳины Паллады Навзикаѣ, дочери Алкиноя, Гомеръ описываетъ затѣмъ удаленіе первой:

„Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
„Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,

¹⁾ Nägelsbach. *ibid.*

²⁾ Ил. I, 339; 406; 599; IV, 127; Од. I, 82; IV, 755; V, 7, 156 и др.

³⁾ Ил. VI, 138; Од. IV, 85; V, 122.

⁴⁾ Ил. XXIV, 526.

⁵⁾ Срав. раньше приведенныя слова изъ рѣчи св. Ап. Павла въ Аѳинскомъ ареопагѣ. Дѣян. 17, 25: *Богъ.. не требуетъ служенія рукъ человеческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду* и пр.

⁶⁾ Ил. XXIV, 525; Од. XII, 341 и др.

⁷⁾ Ил. XVII, 446

⁸⁾ Срав. Duntzer, *cit.* W. S. 11 f.

„Гдѣ не подьмлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
 „Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнуть ¹⁾;
 „Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ“ ²⁾).

Въ этихъ поэтически-художественныхъ, но чувственныхъ для строгаго пониманія и раскрытія идеи Божества, чертахъ слышится лишь (по крайней мѣрѣ) тонъ рѣчи христіанскаго богословія при описаніи блаженства вѣрующихъ въ будущей жизни въ соединеніи съ Богомъ, *Который отъниметъ всякую слезу отъ очю ихъ, и смерти не будетъ ктому: ни плача, ни вопля, ни болъзни не будетъ ктому* (Апок. XXI, 3—4). И этого достаточно для той степени религіознаго сознанія и міросозерцанія, для того состоянія, въ которомъ находился Гомеръ. Достаточно того, что боги язычника - богослова похожи на возможно совершенныхъ людей въ Христовомъ царствѣ, если уже не вполне соотвѣтствуютъ чисто христіанской идеѣ Божества.

Впрочемъ, изъ всего, сдѣланнаго нами раскрытія идеи Божества въ твореніяхъ Гомера, мы могли видѣть съ достаточною, какъ намъ кажется, ясностію, что Гомеръ украшаетъ Божество свое не одними лишь чертами, свойственными, по христіанскому міровоззрѣнію, людямъ хотя-бы и возможно совершеннымъ, святымъ. Въ его представленіи о Божествѣ есть и такія возвышенныя черты, тонъ изложенія которыхъ невольно напоминаетъ намъ—христіанамъ многія черты, которыми описывается Божество, если не въ Новомъ, то въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, и которыя можно читать въ любой христіанской догматикѣ при изложеніи ученія о существѣ и свойствахъ Божіихъ. А между тѣмъ не забудемъ, что намъ, чрезъ св. богодухновенныхъ мужей, *Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ-же вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10). Эллиновъ-же, вмѣстѣ съ другими язычниками, *предаде Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28) *ходити въ путехъ ихъ* (Дѣян. 14, 16); *пустилъ имъ проводить долгія лѣта невѣдѣнія* (Дѣян. 17, 30). И при всемъ томъ однако-же, какъ мы видѣли, и какъ утверждаетъ насъ въ нашемъ убѣжденіи св. Ап. Павелъ, ясно, что

¹⁾ Λεοκῆ αἴγλη. Срав. сказанное о Богѣ, какъ свѣтъ.

²⁾ VI, 42—47: τῶ ἔνι τέρπονται μάχαρες θεοὶ ἤματα πάντα.

Гомеру, какъ и всѣмъ язычникамъ, Богъ также *не свидѣтельствована Себе остави*. Не даромъ мысль и сердце народнаго поэта такъ часто, такъ настойчиво стремились къ многохолмному, но незримому, въ подробностяхъ своихъ вершинъ, съ земли Олимпу, „гдѣ обитель свою, говорятъ, основали боги“, а потому, лучше сказать, къ небесному ээпру, къ небу, откуда такъ наглядно *свидѣтельствовало* о Своемъ бытіи Существо Высочайшее, хотя-бы то былъ для эллиновъ и Зевсъ—богъ неба, богъ солнца, богъ свѣта небеснаго. Не даромъ, ощущая и созерцая низпосылаемые Зевсомъ, положимъ, громы и молніи, *дожди и времена плодоносна* (срав. Дѣян. 14, 17), Гомеръ, вмѣстѣ съ другими своими современниками, соплеменниками и иноплеменниками, исполнялся религіознаго благоговѣнія предъ этимъ существомъ. Вѣдь *во всякомъ языкѣ боялся Ело и дѣлаяй правду пріятель Ему есть* (Дѣян. 10, 35). А въ Гомеровыхъ твореніяхъ не только въ страхѣ предъ Божествомъ изображается таковое благоговѣніе, а какъ мы видѣли, и въ любви къ правдѣ, соединенной съ нелюбовію къ неправдѣ. Гомеру открытъ былъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, доступъ къ чистому источнику идеи Божества,—и мы видѣли, что многія чистыя струи истины почерпнуты были имъ изъ этого источника и перенесены въ свое собственное религіозное сознаніе, хотя здѣсь, смѣшавшись съ мутными водами *осутившихся помысленій* собственно человѣческихъ, эти струи изливались и не вполне чистыми потоками представленія и ученія о Богѣ. Посмотримъ однако-же, много-ли болѣе, да и болѣе-ли, истинной пользы принесли эллинству дальнѣйшія ступени развитія религіознаго сознанія и міросозерцанія,—ступени, на которыхъ разумъ все болѣе и болѣе отвоевывалъ себѣ правъ у вѣры въ отношеніи къ раскрытію идеи Божества.

И. Форсунскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО XXVIII *).

ХОТЯ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ФИЛОСОФОВЪ, ОСОБЕННО-ЖЕ СТОИКОВЪ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ НЕ МАЛО ЗДРАВЫХЪ МЫСЛЕЙ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СВОЕЮ ПРАВДОЮ ИЗРЕЧЕНІЙ, ОДНАКО КЪ ИХЪ ТВОРЕНІЯМЪ МЫ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ СЪ РАЗСУЖДЕНІЕМЪ: ФИЛОСОФЫ—НЕ ВЛАСТИТЕЛИ НАШИ, А ПУТЕВОДИТЕЛИ КЪ ИСТИНѢ, КОТОРАЯ ОТКРЫТА ДЛЯ ВСѢХЪ.

Ты желаешь, чтобы въ послѣдующія письма, какъ и въ предыдущія, я заносилъ какія-либо изреченія отличнѣйшихъ писателей. Они не заботились объ украшеніи своей рѣчи; ихъ стройная, связанная въ своихъ частяхъ рѣчь мужественна и строга. Знай, что тамъ неровность и шероховатость, гдѣ возможно отмѣтитъ лишь то, что поднимается высоко. Не удивляются отдѣльному дереву, когда весь лѣсъ поднимается на одну и ту-же высоту. Подобными изреченіями полны пѣсни поэтовъ, или-же изобилуютъ сочиненія историковъ. Я не желаю, чтобы ты думалъ, что такія изреченія принадлежатъ только Эпикуру; они принадлежатъ всѣмъ, и наиболѣе нашимъ писателямъ. Но у этого писателя они болѣе замѣчаются, потому именно, что рѣдко замѣшиваются въ его рѣчь и являются неожиданными, да притомъ и удивленіе поднимается въ душѣ, когда мы видимъ, что человѣкъ, выступившій съ ученіемъ объ удовольствіи, какъ *правила нравственной дѣятельности*, говоритъ иногда не безъ мужества и твердости. Такъ судятъ о немъ очень многіе; въ моемъ-же мнѣніи Эпикуръ—человѣкъ муже-

ственный, хотя-бы онъ и являлся въ одеждѣ изнѣженнаго, *не любящаго труда*, человека. Бодрость, трудолюбіе и рѣшимость идти въ бой, свойственная мужественной душѣ, встрѣчаются столько-же у *носящихъ длинныя одежды* персовъ, какъ и среди народовъ, у которыхъ въ употребленіи одежда короткая, съ высокимъ поясомъ, *удобная для работъ*. Итакъ, ты не имѣешь повода требовать отъ меня отборныхъ и нравящихся тебѣ изреченій; ибо у нашихъ писателей они встрѣчаются сплошь и рядомъ, хотя и у другихъ возможно извлечь нѣчто въ этомъ родѣ. Мы ихъ не выставяемъ на показъ, какъ купцы; мы не увлекаемъ покупателя въ нашу лавку, для того, чтобы онъ, войдя въ нее, не нашелъ тамъ ничего, кромѣ выставленнаго на удивленіе публики. Мы предоставляемъ заимствовать образцы, тамъ гдѣ они желаютъ, самимъ читателямъ. Положимъ, мы согласились-бы выдѣлить замѣчательныя сужденія изъ сочиненій многочисленныхъ нашихъ писателей; но къ которому изъ нихъ мы отнесемъ ихъ? Зенону, Клеанѳу, Хризиппу, Панетію, или Посидонію? *) Мы не подчинены непререкаемой власти; у насъ каждый самъ защищаетъ свое дѣло. А у другихъ, что скажетъ Гермахъ, что скажетъ Метродоръ, **) все ставится на счетъ главы *философской школы*. Ибо все, что выскажетъ кто-либо, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ главѣ школы, онъ скажетъ подъ руководствомъ и по внушенію этого главы. Я не съумѣлъ-бы—повторю,—хотя-бы и сдѣлалъ попытку, извлечь что-либо выдающееся изъ множества одинаково цѣнныхъ предметовъ:

Бѣдности удѣлъ—Считать своихъ овецъ.

Куда ни кинь ты взоръ, вездѣ ты встрѣтишь между веща-

*) *Клеанѳъ*, род. около 260 г. до Р. Хр. въ Мизіи, въ теченіи 20 лѣтъ пользовался наставленіями Зенона и, по смерти послѣдняго, заступилъ его мѣсто. *Хризиппъ*, ученикъ Клеанѳа, род. 290 г. до Р. Хр., ум. около 208 г. — *Посидоній*,—два философа извѣстны подъ этимъ именемъ: одинъ—стоикъ изъ Александріи, ученикъ Зенона, другой родомъ изъ Сиріи, называемый также Родосскимъ по мѣсту своего пребыванія,—родился въ 135 г. до Р. Хр., былъ въ молодости въ Аѳинахъ и слушалъ тамъ стоика Панетія.

**) *Гермахъ*, м. б. здѣсь разумѣется Гермагоръ, жившій въ Римѣ при Августѣ и извѣстный многими сочиненіями, касающимися риторикки. *Метродоръ*,—это имя принадлежить многимъ философамъ и разныхъ школъ.

ми нѣчто отличительное, пока оно не будетъ поставлено въ линію съ другими и этимъ самымъ уравнено.

Отложи поэтому въ сторону надежду на то, что ты можешь, отвѣдывая по частямъ, объять всецѣло умъ величайшихъ мужей; цѣлое нужно изучать съ самаго начала, оно уступитъ только послѣ обстоятельнаго изученія. Всякое дѣло ведется всегда постепенно, и произведеніе ума въ своихъ частяхъ составляетъ такую плотную ткань, что изъ него безъ ущерба нельзя отнять ни одной черты. Я не встаю противъ того, чтобы ты не разсматривалъ и отдѣльныя стороны *сочиненія*, лишь-бы только это изученіе отдѣльныхъ мѣстъ происходило въ связи ихъ съ цѣлымъ сочиненіемъ. Вѣдь не та красавица, у которой красивыя руки и ноги, хотя этотъ даръ природы и вызываетъ похвалы; но та, у которой красота лица, благородный обликъ, заставляетъ забывать объ удивительномъ совершенствѣ всего тѣла. Впрочемъ, если потребуешь, я не буду бесѣдовать съ тобою по-нищенски, и рѣчь у меня полетѣтъ широкою волною. Назидательныя изреченія разсѣяны въ нашихъ книгахъ повсюду во множествѣ; но мы должны брать ихъ въ цѣломъ, а не извлекать по частямъ. Ибо они не выпадаютъ случайно, *какъ драгоценныя камни*, но текутъ ровною волной, сплетаясь между собою и не прерываясь. Я допускаю, что такія изреченія много еще могутъ доставить пользы для простыхъ людей, а также для тѣхъ, которые обнаруживаютъ охоту къ знанію. Ибо отдѣльныя изреченія, имѣющія малый объемъ, легче западаютъ въ память, чѣмъ *обширныя*, особенно когда они заключены въ форму размѣренной рѣчи. Потому и отрокамъ даемъ мы заучивать здравомысленныя сужденія, которыя греки называютъ хріями; ибо объять ихъ можетъ и отроческій разумъ, который большаго пока не захватываетъ, и можетъ преуслѣвать только въ дѣлѣ ему доступномъ. Но для мужа недостойно схватывать только верхушки; блистать цвѣтами краснорѣчія, всѣмъ извѣстными и немногочисленными *остроумными* изреченіями—не его дѣло; онъ не захочетъ оставить по себѣ память своею памятью. Пусть онъ ищетъ опоры въ себѣ самомъ; онъ можетъ дѣлиться ими *при случаѣ*, но не долженъ носиться съ ними постоянно. Вѣдь ни старецъ,

ни выдающій вблизи себя старость не захотятъ черпать мудрость изъ памятной книжки. Зенонъ сказалъ то и то; Клеанѳъ—то и то; а ты что говоришь *или думаешь?* До какихъ поръ ты будешь ходить по чужимъ слѣдамъ? И дѣйствуй и говори такъ, чтобы во всемъ этомъ не стыдно было оставить по себѣ память; нужно-же что-нибудь и тебѣ принести отъ себя на пользу общую. Потому я и думаю, что всѣ эти лица, ничего не создающія, передающія только мнѣнія другаго, укрывающіяся подъ чужимъ покровомъ, ничего полезнаго никогда не сдѣлаютъ, хотя они и долго слышали о полезномъ. Они упражняли только свою память, запоминая чужое, *а не приобрѣтали знанія*; ибо одно дѣло—помнить, другое—знать. Помнить значитъ сохранять въ памяти ввѣренное ей; знать-же, наоборотъ, значитъ дѣлать все разсматриваемое своею собственностью, не держать себя постоянно въ зависимости отъ образца и не обращаться всякій разъ съ ожиданіемъ одобренія къ руководителю. *Положимъ*, это сказалъ Зенонъ, а то—Клеанѳъ; *Но вѣдь* между тобою и книгой должно-же стоять что-нибудь, *выработанное самимъ тобою*. Ты все учишься? *Хорошо*, но ты уже и самъ въ состояніи давать наставленія. Зачѣмъ мнѣ слушать кого-либо о томъ, о чемъ я могу прочесть въ книгѣ? Ты возразишь: живая рѣчь дѣйствуетъ сильно. Не та, однако, которая шагъ за шагомъ слѣдуетъ за рѣчью другаго и исполняетъ свою обязанность подобно писцу. Прибавь къ сказанному и то, что люди, которые иногда не бывають подъ своей собственной опекой, слѣдуютъ за своими руководителями скорѣе всего относительно такого предмета, къ которому всѣ давно, въ своей душѣ, перестали питать сочувствіе; или-же въ такомъ дѣлѣ, которое еще составляетъ для всѣхъ предметъ изслѣдованія. А въ такомъ случаѣ, когда мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что открыли другіе, мы не узнаемъ ничего новаго, не сдѣлаемъ никакого приобрѣтенія. Сверхъ указаннаго, прибавлю еще и то, что тотъ, кто *безъ разсужденія* слѣдуетъ за другимъ, не только не дѣлаетъ никакого приобрѣтенія *для себя и для другихъ*, но и не имѣетъ такого желанія. „Какъ-же? мнѣ, стало-быть, не слѣдуетъ идти по слѣдамъ предшественниковъ?“ Я лично желалъ-бы пользоваться путемъ старѣйшихъ;

но если я найду путь *къ истинѣ* болѣе близкій и болѣе ровный, я пойду по этому пути, и буду защищать его. Всѣ тѣ, которые раньше насъ высказывали свои мнѣнія *по разнымъ философскимъ вопросамъ*,—не властители наши, а лишь путеводители. Для всѣхъ открыта истина, но еще не всѣ владѣютъ ею: изъ нея много останется даже и для будущихъ вѣковъ

ПИСЬМО XXIX *).

БУДУЩЕЕ, КАКОВО БЫ ОНО НИ БЫЛО, ДАЖЕ САМАЯ СМЕРТЬ, НЕ ДОЛЖНО
СТРАШИТЬ НАСЪ.

Ты пишешь, что тебя беспокоитъ исходъ процесса, который возбуждаетъ *противъ тебя* гнѣвъ врага, и думаешь, что я посоветую тебѣ представлять для себя лучшее **) и утѣшиться обманчивою надеждою. Что за необходимость (скажешь ты) призывать напередъ къ себѣ бѣдствіе, представлять себѣ то, что скоро должно будетъ претерпѣть, хотя бы это пришло, и губить настоящее страхомъ предъ будущимъ? Безъ сомнѣнія глупо быть несчастнымъ теперь потому только, что когда нибудь будешь несчастнымъ, но я другимъ путемъ поведу тебя къ душевному спокойствію ***). Если хочешь избавиться отъ всякой печали, то представляй себѣ такъ, что непременно случится то, появленія чего ты боишься, и самъ про себя измѣрь, каково это зло; при этомъ взвѣсь на вѣсахъ свой страхъ, и навѣрно ты найдешь, что то, чего ты боишься, или незначительно, или непродолжительно. Примѣровъ для подтвержденія собрать недолго: ихъ давалъ каждый вѣкъ. Припомнишь ли ты исторію нашу (т. е. римскую) или исторію внѣшнюю,—вездѣ встрѣтятся тебѣ высокія дарованія, великіе успѣхи и сильныя стремленія. Неужели, если тебя обвинять, съ тобой могутъ поступить болѣе жестоко, чѣмъ какъ отправить въ из-

*) Ер. 24.

**) Т. е. представлять исходъ судебного процесса въ свою пользу.

***) Т. е. не тѣмъ, чтобы ты представлялъ себѣ только лучшее и ничего не боялся, а противоположнымъ, который онъ указываетъ въ 78 письмѣ. „Представляй себѣ, говоритъ онъ тамъ, произволь фортуны такъ, какъ бы она совершить (непретѣнно) то, что можетъ сдѣлать“.

гнаніе и отвести въ темницу? Неужели кому-нибудь нужно бояться еще чего-нибудь худшаго, чѣмъ какъ быть сожженнымъ и вообще лишеннымъ жизни? Представь себѣ все это и припомни тѣхъ, которые презирали все это; искать ихъ не нужно,—только выбирай. Рутилій *) такъ выслушалъ свое обвиненіе, какъ будто ему только то и тяжело было, что его худо судили. Метелль **) мужественно перевесъ свое изгнаніе, а Рутилій даже съ охотою. Первый доставилъ государству удовольствіе тѣмъ, что возвратился, второй отказалъ Суллѣ, которому тогда ни въ чемъ не отказывали, въ своемъ возвращеніи въ отечество. Сократъ, будучи въ темницѣ, продолжалъ проповѣдывать свое ученіе и, хотя находились люди, обѣщавшіе содѣйствовать его побѣгу изъ темницы, не захотѣлъ бѣжать. Онъ остался, дабы отнять у людей страхъ предъ двумя самыми тягчайшими обстоятельствами: темницею и смертью ***). Муцій положилъ руку на огонь. Мучительно-быть сожженнымъ, но гораздо мучительнѣе самосожигать ****). Ты видишь человѣка наученаго не наставленіями какими-либо вооруженаго противъ боли и смерти, а только военнымъ мужествомъ,— видишь, какъ онъ, осуществляя на себѣ пустую угрозу (царя), стоитъ и смотритъ на горящую на непріятельскомъ очагѣ свою правую руку и, не смотря на обнажившіяся кости, онъ не прежде принялъ ее съ очага, какъ непріятель отодви-

*) *П. Рутилій Руфъ*, стоическій философъ и государственный мужъ, за свое добросовѣстное управленіе провинціей Азіей возбудилъ ненависть азіатскихъ сборщиковъ податей и палъ жертвою избраннаго ими товарища по управленію. Онъ былъ сосланъ въ Смирну и, не смотря на вызовъ Суллы возвратиться изъ изгнанія, остался тамъ.

**) *К. Метелль Нумидійскій*, названный такъ отъ побѣдъ въ Нумидіи надъ Югуртою, за свой отказъ признать клятвую аграрные законы, проводимые вѣкімъ Сатурниномъ, былъ сосланъ въ Азію, откуда послѣ смерти Сатурнина снова былъ вызванъ и возвращенъ въ отечество.

***) Когда друзья хотѣли тайно увести Сократа изъ темницы, онъ не послушался ихъ и, даже насмѣхаясь, спросилъ: „Развѣ вы знаете въ Аттикѣ гдѣ-либо страну, гдѣ смерть не приходитъ?“ Аполлог.

****) Муцій Сцевола, который отпраплялся во время войны съ Порсеною въ его лагерь съ намѣреніемъ убить царя. Послѣ неудачи въ исполненіи намѣренія приведенный къ Порсенѣ, онъ положилъ свою правую руку на пылающій очагъ, чтобы доказать, что онъ презираетъ смерть и мученія, которыми угрожалъ ему царь.

нуль отъ него огонь. Онъ могъ бы въ этомъ *непріятельскомъ* лагерѣ сдѣлать какое-либо болѣе счастливое дѣло, но болѣе мужественнаго сдѣлать было нельзя. Смотри, насколько рѣшительнѣе мужество воспринимаетъ опасности, чѣмъ жестокость налагаетъ ихъ. Скорѣе Порсена извинилъ Муція за то, что онъ хотѣлъ убить его, чѣмъ Муцій себя самого за то, что не убилъ.

„Эти басни, скажешь ты, наскучили уже во всѣхъ школахъ; когда придется *говорить* тебѣ о презрѣннй смерти, ты будешь рассказывать мнѣ о Катонѣ“ *). Отчего же не рассказать о томъ, какъ онъ въ ту послѣднюю ночь, подложивши подъ голову мечъ, читалъ книгу Платона **)? Онъ снабдилъ себя въ послѣднія минуты этими двумя вспомогательными средствами, однимъ для того, чтобы расположить себя къ смерти, другимъ для того, чтобы имѣть возможность умереть. Затѣмъ приведши, въ порядокъ свои послѣднія и уже близкія къ гибели дѣла, какъ только можно было привести, онъ нашелъ нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы не было никому возможности или убить Катона, или спасти, и, извлекши мечъ, который въ этотъ день, не запятналъ убійствомъ, сказалъ: „ничего ты не сдѣлала, фортуна, противодѣйствуя всѣмъ моимъ стараніямъ; я сражался не за свою свободу, а за свободу отечества; добивался съ такою настойчивостію не того, чтобы быть самому свободнымъ, но чтобы жить между свободными. Теперь, признавъ погибшими дѣла рода человѣческаго, Катонъ удаляется въ безопасное мѣсто“. Затѣмъ онъ вонзилъ смертоносный мечъ въ грудь. Когда врачи перевязали рану, онъ, потерявши силы отъ потери крови, но сохранивши прежнюю силу духа, гнѣваясь не только на Цезаря, но и на себя самого, протянулъ къ ранѣ руки и не испустилъ, а изгналъ (вытолкнулъ) благородную, презирающую всякое могущество *человѣка* душу.

Я привожу теперь эти примѣры не для того, чтобы уиразнить на нихъ мою память, но чтобы придать бодрость твоему духу противъ того, что тебя представляется болѣе всего ужаснымъ. Я легче достигну своей цѣли, если покажу, что не только великіе духомъ люди презирали тотъ моментъ, въ который

*) Онъ, какъ извѣстно, сорвалъ перевязку съ раны, благодаря чему и умеръ.

***) Онъ читалъ діалогъ Платона „Федонъ“.

душа разстается съ тѣломъ, но даже нѣкоторые, малодушные въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ дѣлѣ становились равными первымъ. Такъ, Сципіонъ *), тесть Кнея Помпея, занесенный противнымъ вѣтромъ къ берегамъ Африки и видя, что его корабль окруженъ врагами, пронзилъ себя мечемъ и на вопросъ, гдѣ полководецъ, отвѣчалъ: „полководцу хорошо“! Это слово поставило его наравнѣ съ предками и не запятнало славы Сципіоновъ, связанной съ судьбою Африки **). Великое дѣло завоевать Карфагенъ, но важнѣе побѣдить смерть. „Полководцу, говорить, хорошо!“ Развѣ долженъ былъ иначе умереть полководецъ, хоть бы и Катона ***).

Я не отсылаю тебя къ исторіи и не привожу тебѣ примѣровъ презрѣнія смерти изъ всѣхъ вѣковъ (примѣровъ очень много). Посмотри на наше время, когда мы жалуемся на распущенность (вравовъ) и *пристрастіе* къ удовольствіямъ, — и тебѣ встрѣтятся люди всякаго сословія, состоянія и возраста, которые смертью избавились отъ зла. Повѣрь мнѣ, Луцилій, смерти не должно бояться, такъ что и ничего не должно предпочитать ей. Я беззаботно слушаю про угрозы твоего противника. Хотя совѣсть твоя даетъ тебѣ увѣренность (въ благополучномъ исходѣ дѣла), все-таки ты, надѣясь на справедливость, приготовься и къ несправедливости, такъ какъ многое имѣетъ силу и помимо процесса. Прежде всего нужно помнить, что многое (сопровождающее) нужно отнять отъ вещей и смотреть, что въ каждой вещи (дѣйствительно) есть; ты узнаешь тогда, что въ нихъ нѣтъ ничего ужаснаго, кромѣ самаго страха. Что случается съ маленькими дѣтьми, тоже случается и съ нами, большими дѣтьми. Они боятся тѣхъ, кого любятъ, къ кому привыкли, съ кѣмъ играютъ, если увидятъ ихъ въ маскахъ. Не только съ людей, но и съ вещей должно снимать маску и придавать имъ ихъ собственный видъ. Зачѣмъ ты мнѣ

*) Публий Сципіонъ, усыновленный Метелломъ Пиемъ, въ 52 году до Р. Х. будучи товарищемъ по консульству зятю своему Помпею, былъ командированъ въ Африку противъ Юлія Цезаря и добровольно умертвилъ себя, чтобы не попасть въ плѣнъ.

**) Намекъ на предковъ Сципіона. За ними осталось даже прозваніе „Африканскіе“.

***!) Тотъ и другой умертвили себя по одинаковымъ побужденіямъ.

показываешь мечъ и щонъ и шумящую вокругъ тебя толпу палачей? Отбрось эту маскировку, подъ которой скрываешься и которою пугаешь глупцовъ! Вѣдь это смерть, къ которой недавно отнеслись съ презрѣніемъ мой рабъ и моя служанка.

Зачѣмъ ты снова выкладываешь предо мною бичи и дыбы, показываешь приспособленные для каждаго отдѣльнаго члена инструменты, которыми мучать, и тысячу другихъ приборовъ для терзанія человѣка по частямъ? Отложи въ сторону всѣ эти предметы, отъ которыхъ мы цѣпенѣемъ; пусть смолкнутъ вздохи, восклицанія и, вырывающіеся среди терзаній, ужасные стоны! Вѣдь это, конечно, такая боль, къ какой съ пренебреженіемъ относится страдающій подагрой, которую переносить при самыхъ удовольствіяхъ человѣкъ съ больнымъ желудкомъ, — такая-же боль, которую испытываетъ при первомъ рожденіи женщина. Боль эта легка, если я въ состояніи перенести ее; если-же нѣтъ, то она непродолжительна.

Обдумывай *тщательно* все то, что ты слышалъ, что ты самъ говорилъ; а вѣрно-ли слышанное и правильно-ли тобою сказанное, испытывай на дѣлѣ. Въ высшей степени глупо то (и это, обыкновенно, намъ ставятъ въ упрекъ), что мы занимаемся философіею только на словахъ, а не проявляемъ ее на дѣлѣ. Что ты? Нынѣ въ первый разъ узналъ, что тебѣ угрожаетъ смерть, изгнаніе и болѣзнь? Да ты рожденъ на это. Будемъ смотрѣть на все то, что можетъ случиться, какъ на предстоящее; впрочемъ, я навѣрное знаю, что ты уже сдѣлалъ, что убѣждаю я тебя сдѣлать. Теперь я совѣтую тебѣ не беспокоиться объ этомъ; все это ослабѣетъ и не будетъ имѣть силы, когда нужно будетъ ему подняться.

Отвлеки твое вниманіе отъ твоего частнаго дѣла къ дѣлу общему; скажи себѣ, что у тебя смертное и тлѣнное тѣло, которому угрожаетъ болѣзнь не только со стороны несправедливости и насилія могущественнаго человѣка, но для котораго даже самыя удовольствія обращаются въ мученія. Пирушки влекутъ за собой разстройство желудка, пьянство—ослабленіе нервовъ и дрожаніе, страсти—порчу въ рукахъ, ногахъ и во всѣхъ членахъ. Я долженъ сдѣлаться бѣднякомъ?.. Ну чтожъ, я буду въ числѣ большинства. Быть изгнанникомъ?... Буду

думать, что тамъ родился, куда меня ссылають? Меня свяжутъ? Такъ что-же? теперь-то развѣ я свободенъ? Природа уже приковала меня къ этому тяжелому грузу моего тѣла. Умру?... Это то-же, что сказать: перестану болѣть, избавлюсь отъ возможности быть связаннымъ, отъ возможности умереть. Я не буду столь безразсуденъ, чтобы согласиться здѣсь съ старою эпикурейскою пѣсней, и скажу, что не имѣютъ значенія ужасы подземнаго царства, что ни Иксионъ не вертитъ на колесѣ, ни Сизифъ не носить скалы на плечѣ на гору, ни внутренности ни чьи не могутъ каждодневно выклеиваться птицами и снова выростать *). Никто не будетъ столь дѣтски наивенъ, чтобы бояться Цербера **), мрака и привидѣній съ обнаженными костями. Смерть или уничтожитъ насъ, или освободитъ *отъ тѣла*. Если освободитъ, то съ уничтоженіемъ бремени для насъ останется только лучшее; если же уничтожитъ, то не останется ничего; зло и благо одинаково *для насъ* исчезнутъ.

Позволь мнѣ въ этомъ мѣстѣ привести твое изреченіе, если только прежде ты согласишься, что ты написалъ это не для другихъ только, но еще и для себя. Если постыдно одно говорить, а чувствовать другое, то насколько постыднѣе писать одно, а чувствовать другое? Я помню, ты когда-то высказывалъ такое сужденіе, что умираемъ мы не вдругъ, а приближаемся къ смерти постепенно. „Ежедневно мы умираемъ, потому, что ежедневно отнимается какая-нибудь часть жизни, и даже въ то время, какъ мы растемъ, жизнь наша умалется. Сначала мы умираемъ для дѣтства, потомъ для отрочества, далѣе для юности; даже все время, какое прошло до вчерашняго дня, для насъ погибло, и этотъ настоящій день мы дѣ-

*) *Иксионъ*—царь лапитовъ, отецъ Пернеоя и кентавровъ, родившихся изъ облака, за похвалбу короткимъ знакомствомъ съ богинею Юноною въ царствѣ мертвыхъ, былъ привязанъ къ безостановочно вертящемуся колесу. *Сизифъ*, царь Коринескій, прославившійся хищничествомъ по дорогамъ и хитростію, былъ осужденъ на вскатываніе на гору камня, который, не достигнувъ вершины, всякій разъ опять скатывался.—Въ послѣднемъ случаѣ можно разумѣть *Прометей*, которому орелъ ежедневно выклеивалъ печень, которая въ теченіи ночи снова выростала.

*) *Церберъ*—чудовищная, трехглавая собака, которая, по мнѣнію грековъ и римлянъ, охраняла входъ въ подземное царство,—царство мертвыхъ.

лимъ со смертію. Какъ въ водяныхъ часахъ не послѣдняя капля образуетъ пустоту, а и каждая изъ прежде вытекшихъ, такъ и смерть производитъ не тотъ послѣдній часъ, въ который мы перестаемъ жить,—онъ только заканчиваетъ. Мы давно шли къ смерти, а пришли къ ней только *въ это время*". Послѣ того какъ ты, всегда важный, но никогда столь не остроумный, какъ при подборѣ словъ для выраженія истины, съ обычною тебѣ формою выраженія, описалъ это,—сказалъ еще: „*конецъ всего для насъ не просто смерть вообще, а та смерть, которая насъ покидаетъ отсюда, есть конецъ *)*“,—я желаю, чтобы ты читалъ больше свое собственное произведение, чѣмъ мое письмо, потому что тогда тебѣ ясно будетъ, что та смерть, которой мы боимся, только послѣдняя, а не единственная.

Замѣчаю, куда ты посматриваешь; ты ищешь, что я положилъ въ это письмо: какое чье-либо сердечное слово, какое полезное правоученіе? **) Пошлю я тебѣ что-нибудь изъ того самаго матеріала, который былъ только-что подъ руками. Эпикуръ укоряетъ не менѣе тѣхъ, которые желаютъ смерти, какъ и тѣхъ, которые боятся ея, и говоритъ: „смѣшно изъ-за отвораченія къ жизни бѣжать къ смерти, когда ты самъ своимъ образомъ жизни поставилъ дѣло такъ, что нужно бѣжать“. Въ другомъ мѣстѣ также говоритъ: „что смѣшнѣе, какъ искать смерти, когда страхомъ предъ смертію ты самъ приготовилъ себѣ безпокойную жизнь?“ Къ этимъ изреченіямъ можно прибавить и слѣдующее такого-же характера: „неразуміе, даже бессмысліе людей столь велико, что нѣкоторые по страху къ смерти принуждены бываютъ умереть!“ Надъ какимъ изъ этихъ изреченій ни размышляй,—ты укрѣпишь свой духъ

*) Смыслъ этого мѣста уясняется предыдущими словами: „умираемъ мы не вдругъ, а постепенно приближаемся къ смерти. Мы ежедневно умираемъ“ и пр. Есть смерть для нашего дѣтства, отрочества, юности, даже для каждаго дня и момента, такъ что, по представленію Луцілія, смерть не есть нѣчто единое цѣлое, а нѣчто собирательное, и мы умираемъ не отъ одной смерти, а отъ нѣсколькихъ; та смерть, которая насъ покидаетъ или уноситъ изъ этого міра, и есть послѣдняя (конечная) пзъ всѣхъ смертей.

**) Сенека, какъ извѣстно уже, часто заканчиваетъ свои письма какимъ-либо изреченіемъ Эпикура, что онъ называетъ подаркомъ, данью, посылкою и т. п. Здѣсь рѣчь идетъ именно о таковой посылкѣ.

или на то, чтобы терпѣливо переносить жизнь, или на то, чтобы безъ страха встрѣтить смерть. Намъ нужны увѣщанія и поддержка и въ томъ и другомъ случаѣ, чтобы мы и не слишкомъ привязывались къ жизни, и не слишкомъ ее ненавидѣли. Даже если разумъ убѣждаетъ окончить, не должно стремиться къ этому слишкомъ поспѣшно и легкомысленно. Человѣкъ серьезный и мудрый не долженъ бѣжать изъ жизни, но *спокойно* выйти изъ нея. Прежде всего онъ будетъ избѣгать того чувства, того желанія умереть, которое охватило многихъ. Вѣдь бываетъ, мой Луцилій, какая-то безтолковая склонность души къ смерти, какъ и къ другимъ предметамъ, которая увлекала и людей благородныхъ, и съ сильнымъ характеромъ, и малодушныхъ, и недѣятельныхъ. Первые презирали жизнь, вторые тяготились ею. Нѣкоторыхъ охватываетъ отвращеніе ко всему, что они видятъ и дѣлаютъ, и это не ненависть къ жизни, а пресыщеніе (брезгливость), въ которую мы легко можемъ впасть, побуждаемые самой философіей, когда будемъ разсуждать такъ: „Долго-ли это будетъ все одно и тоже? Неужели-же только ложиться спать и вставать, чувствовать голодъ и насыщаться, то чувствовать холодъ, то страдать отъ жары! Ничему нѣтъ конца, все заключено въ кругъ: одно бѣжитъ, другое слѣдуетъ. День смѣняется ночью, ночь—днемъ; лѣто заканчиваетъ осень, за осенью наступаетъ зима, за которою слѣдуетъ весна; все уходитъ, чтобы снова возвратиться; ничего не вижу новаго, ничего новаго не дѣлаю. Проявляется иногда отвращеніе и къ этому“. Есть много людей, которымъ жизнь не въ тягость, а которые пресыщены жизнью.

ПИСЬМО XXX *)

ПЕРЕМѢНА МѢСТА НЕ МОЖЕТЪ ИЗМѢНИТЬ НАСТРОЕНІЯ ДУХА.

Ты удивляешься, какъ будто чему-то новому, и думаешь, что съ тобой только случилось, что столь продолжительное путешествіе и такое разнообразіе мѣстностей не разсѣяло твоей печали и не *уничтожило* тяжелаго настроенія духа.

*) Ер. 28.

Нравъ свой должно измѣнить, а не мѣсто. Переправляйся за широкое море; пусть, какъ говорить *Виргилій*:

Мелькаютъ предъ тобой и города, и земли *),—

твои недостатки будутъ слѣдовать за тобой всюду, куда бы ты ни отправился. Тоже самое говорить на вопросъ одного чело- вѣка *Сократъ*: „что-же удивительнаго въ томъ, что твое путе- шествіе не принесло тебѣ пользы, когда ты *повсюду* путеше- ствуешь съ самимъ собою?“ Тебя всюду мучить тоже самое обстоятельство, которое и выгнало (изъ дома). Не окажутъ помощи новыя страны, не поможетъ знаніе (новыхъ) горо- довъ и мѣстностей. Безполезно это блужданіе! Ты спросишь, отчего-же не поможетъ такое путешествіе? Оттого, что ты пу- тешествуешь съ самимъ собою. Нужно прежде сбросить съ души бремя, а до этого не понравится тебѣ ни одна мѣст- ность. Ты представляй себѣ теперешнее свое состояніе та- кимъ, какимъ изображаетъ *Виргилій* состояніе прорицательни- цы, когда она уже возбуждена и вдохновлена божествомъ:

„Она въ изступленнѣ, какъ будто изъ груди
Желаетъ исторгнуть могучаго бога“. **)

Ты блуждаешь тамъ и сямъ въ надеждѣ стряхнуть лежащую на тебѣ тяжесть, а она отъ этого блужданія становится не- удобоносимѣе. Такъ бываетъ на кораблѣ: неподвижный (пра- вильно уложенный) грузъ менѣе давитъ на свою сторону, а неравномѣрно (неправильно) сложенный (слѣдовательно, могу- щій осаждаться и вообще измѣнить положеніе) скорѣе накло- нить къ водѣ ту сторону, на которую онъ положенъ. Чтобы ты ни дѣлалъ, ты дѣлаешь противъ себя и вредишь себѣ са- мымъ движеніемъ, потому что беспокоишь больнаго. Какъ толь- ко ты уничтожишь это зло, всякое новое мѣсто для тебя бу-

*) „Энеида“ *Виргилія*, пѣснь III, ст. 72.

**) „Энеида“ пѣснь VI, ст. 78 и слѣд. Рѣчь идетъ о прорицательницѣ *Сивиллѣ* которую, по мнѣнію древнихъ, вдохновлялъ *Аполлонъ*, богъ прорицаній, и кото- рая приходила всегда въ ненормальное, изступленное состояніе. Съ страшными конвульсіями и страданіями она принимала это вдохновеніе, старался, какъ мож- но скорѣе, освободиться отъ него, какъ и видно изъ приведеннаго мѣста: „какъ будто изъ груди желаетъ исторгнуть могучаго бога“, хотя ея усилія въ этомъ отношеніи оставались всегда тщетными. „Тѣмъ больше усилій являлось въ *Сивиллѣ*, тѣмъ больше богъ мощный давалъ вдохновенья.....“

детъ пріятно. Пусть изгоняютъ тебя въ самыя отдаленныя страны, помѣстись ты въ какомъ угодно уголкѣ варварской страны, гостепріимнымъ будетъ для тебя всякое мѣстожителство; болѣе всего важно, каковъ ты явишься, а не куда явишься, а посему мы не должны прилѣплять своего сердца ни къ какому мѣсту. Нужно жить съ слѣдующимъ убѣжденіемъ: я рожденъ не для одного какого-либо уголка; мое отечество весь этотъ міръ. Если-бы тебѣ было это ясно, то ты не удивлялся бы тому, что тебѣ не оказываетъ пользы разнообразіе странъ, въ которыя ты время отъ времени путешествуешь отъ тоски въ *прежде постыщенныя*; первая понравилась-бы тебѣ, если-бы ты каждую считалъ за свою. Ты не путешествуешь, а блуждаешь, *повсюду рыщешь* и мѣняешь мѣсто за мѣстомъ, тогда какъ то, чего ты ищешь,—возможность хорошо жить,—находится во всякомъ мѣстѣ. Ну что можетъ быть шумнѣе форума? *) Но и тамъ можно жить покойно, если представится необходимость. Но если можно распорядиться свободно собою, то я, конечно, бѣжалъ-бы отъ вида и сосѣдства форума подальше. Какъ нѣкоторыя нездоровыя мѣстности разстраиваютъ даже самое крѣпкое здоровье, такъ нѣкоторыя мѣста бываютъ неполнѣ пригодны для характера, хотя-бы и добраго, но еще несовершеннаго и неокрѣпшаго.

Я не согласенъ съ тѣми, которые бросаются въ средину волнъ и, испытывая бурную жизнь, каждый день мужественно ведутъ борьбу съ трудными обстоятельствами. Мудрецъ перенесетъ это, но не будетъ этого искать и пожелаетъ скорѣе жить въ мірѣ, чѣмъ въ борьбѣ. Немного пользы въ томъ, что отбросишь свои недостатки, если приходится сталкиваться съ чужими. Ты скажешь: „Сократа окружали тридцать тиранновъ и не могли поколебать его твердости духа.“ Что за важность въ томъ, сколько господъ? Рабство одно. Кто его презираетъ, при всякомъ количествѣ господствующихъ, остается свободнымъ.

Время закончить письмо, хотя прежде заплачу тебѣ дань. „Начало спасенія заключается въ сознаниі грѣха“. Это изре-

*) Форумъ—площадь, на которой были народныя и общественныя собранія, производилась торговля, банковыя дѣла и пр. и пр., слѣд. самое людное и шумное мѣсто города.

ченіе Эпикура представляется мнѣ въ высшей степени прекраснымъ, потому что кто не сознаетъ, что онъ грѣшитъ, не желаетъ исправиться. Прежде чѣмъ улучшить себя, нужно признать себя (поймать) виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ. Нѣкоторые хвастаются своими пороками. Неужели ты думаешь, что сколько нибудь думаетъ о средствахъ исцѣленія тотъ, кто считаетъ свои пороки за добродѣтели? Поэтому, на сколько возможно, обличай самого себя, внимательно допрашивай себя, являясь въ отношеніи къ себѣ сначала въ роли обвинителя, затѣмъ судьи, наконецъ ходатая, а иногда даже причиняй себѣ страданія.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1884 года.

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Епархіяльнныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извѣстія и замѣтки.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Сергѣй Александровичъ, съ согласіемъ Нашего, вступилъ въ бракъ съ Дочерью Владѣтельнаго Великаго Герцога Гессенскаго, Принцессою Елисаветою; и въ 3-й день сего іюня торжественно совершено въ Нашемъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ соборной церкви Зимняго Дворца, по уставамъ Нашей Православной Церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Сергѣя Александровича именовать Великою Княгинею Елисаветою Θεодоровною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими ко Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постояннаго, незыблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 3 день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, царствованія же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 29 марта—25 апрѣля 1884 года за № 754, о книгѣ протоіерея В. Владиславлева „Изъ быта крестьянъ“, съ журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 2 марта 1884 года за № 150, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета, за № 79, съ заключеніемъ Комитета о составленной протоіереемъ Владимірской церкви въ городѣ Твери, Василиемъ Владиславлевымъ книги подъ названіемъ: „Изъ быта крестьянъ“ (Тверь, 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ одобрить означенную книгу протоіерея Владиславлева для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы составитель, при слѣдующемъ изданіи вышеупомянутой книги своей, выпустилъ помѣщенный въ ней на страницахъ 64—83 шестой рассказъ. Приказали: заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгѣ протоіерея Василія Владиславлева утвердить и, для объявленія о семъ по духовному вѣдомству, сообщить, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

*Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 79
о вышеозначенной книгѣ.*

Книжка протоіерея Владиславлева содержитъ въ себѣ 21 рассказъ, изъ коихъ каждый можетъ быть названъ, такъ сказать, *нагляднымъ поученіемъ*, гдѣ священникъ-авторъ, имѣя въ виду наставленіе простолюдина, рассказываетъ подходящій случай изъ быта крестьянъ, и въ формѣ рассказа проводитъ свою назидательную мысль о вредѣ пьянства, семейныхъ раздорахъ, о непочтеніи къ родителямъ, гибельности сребролюбія, неуваженіи къ святынямъ и проч.

Рассказы довольно разнообразны и касаются многихъ сторонъ крестьянской жизни.

Мѣсто дѣйствія рассказываемыхъ событій—сельскіе приходы Тверской епархіи. Въ каждомъ рассказѣ непременно выводится на сцену священникъ прихода всегда въ соотвѣтствующемъ его сану качествѣ утѣшителя, совѣтника, примирителя и т. д.

Главное достоинство рассказовъ—это ихъ, если можно выразиться, *жизненность* по мысли и выраженію.

Мысль, положенная въ основу каждаго разсказа, имѣетъ прямое отношеніе къ жизни крестьянъ; передается эта мысль въ образѣ (сценѣ, событіи), взятомъ также изъ сельской жизни, правдоподобномъ, возможномъ и для простолюдина совершенно понятномъ.

Подробности каждаго разсказа нарисованы густыми и яркими красками, которыя такъ нравятся народу и производятъ на него сильное впечатлѣніе. Видимо, составителю разсказовъ хорошо знакомъ сельскій бытъ, нравы крестьянъ и всѣ добрыя и дурныя ихъ стороны.

Какъ знатокъ быта деревенскаго, авторъ прекрасно владѣетъ и народнымъ языкомъ, вслѣдствіе чего книжка читается легко; встрѣчающіеся разговоры крестьянъ ведутся естественно и не производятъ того тяжелаго впечатлѣнія, какое часто испытывается при чтеніи сочиненій другихъ неумѣлыхъ бытописателей нашей деревни, сисящихся поддѣлываться подъ народный говоръ.

Относительно одного только разсказа, подъ № VI, представляется нужнымъ сдѣлать замѣчаніе. Здѣсь, при описаніи судьбы одной крестьянки, авторъ припоминаетъ жестокія времена крѣпостнаго права и отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ (стр. 64—83).

Благодареніе Господу, право крѣпостное миновало, и, кажется, нѣтъ надобности раздражать крестьянъ напоминаніемъ о быломъ тяжеломъ времени, тѣмъ болѣе, что цѣль книги, по заявленію самого автора, помочь *современному положенію* народа, исцѣлить недуги, явившіеся уже *послѣ* крѣпостнаго права, во время свободной жизни крестьянъ.

Всѣ разсказы о. Владиславлева, какъ золотая нить, соединяетъ одна общая прекрасная мысль: „Промысль Божій видитъ дѣянія скрытыя людей и еще здѣсь, на землѣ, проявляетъ видимо Свой нелицепріятный судъ, карая зло и награждая людей, живущихъ по-христіански“.

Наглядные примѣры, доказывающіе эту истину, читатель найдетъ въ каждомъ разсказѣ. Наконецъ, всѣ разсказы согрѣты любовью къ нашему темному крестьянскому люду, проникнуты желаніемъ искреннимъ помочь ему въ нравственной немощи, просвѣтить, вразумить, наставить, исцѣлить духовные недуги нашего крестьянства, по природѣ способнаго ко всему доброму.

Исполненіе этой святой и высокой обязанности наставника, просвѣтителя и духовнаго врача, по справедливому мнѣнію о. Владиславлева, лежитъ главнымъ образомъ на сельскихъ священникахъ,

къ которымъ онъ и обращается въ концѣ книги съ слѣдующими словами.

„Когда благодѣтельное правительство освобождало крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и расширяло права другихъ сословій, оно отнюдь не думало, чтобы такія благотворныя реформы повели простой народъ къ своеволю и безчинству, къ разрушенію семейныхъ основъ, къ раздѣлу семей на мельчайшія части, къ непочтенію родителей, къ неудержимому пьянству и къ другимъ семейнымъ и общественнымъ неурядицамъ; но многіе изъ крестьянъ и во многихъ мѣстахъ именно такъ во зло употребили и употребляютъ величайшія блага, дарованныя Царемъ-Освободителемъ. На насъ, собратія мои священники, лежитъ великая и святая обязанность вразумлять народъ какъ въ церковныхъ, такъ и въ домашнихъ собесѣдованіяхъ, и предохранять его отъ злоупотребленія свободою; на насъ лежитъ непремѣнный долгъ возстановить и оградить святыню семьи отъ раздѣловъ и неурядиць семейныхъ; обязанность весьма важная и весьма трудная, и дай Богъ, чтобы мы умѣли ее исполнить, какъ слѣдуетъ истиннымъ пастырямъ Церкви“ (стр. 291).

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагаетъ означенную книгу протоіерея Владиславлева одобрить для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ, — съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы составитель, при слѣдующемъ изданіи вышеупомянутой книги своей, выпустилъ помѣщенный въ ней на страницахъ 64—83 рассказъ, подъ № VI.

Епархіальныя извѣщенія.

— Исправляющіе должность псаломщика церквей Волчанскаго уѣзда: Преображенской, слоб. Новобѣлгорода, Аристархъ *Вессловскій*, Николаевской, слоб. Хотомли, Василій *Труфановъ*, Рождество-Богородичной, слоб. Бочковой, Алексѣй *Стъсивцевъ* и Богородичной Новобѣлгородской центральной тюрьмы, Герасимъ *Федоровъ*, посвящены въ стихарь.

— Бывшему церковному старостѣ Успенской церкви слоб. Нижней Покровки, Старобѣлскаго уѣзда, крестьянину Спиридону *Тремольму* дозволено пожизненно носить кафтанъ, присвоенной должности церковнаго старосты.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Николаевской церкви села Ляхачевки, Богодуховскаго уѣзда, рядовой Діомидъ *Иматьевъ*; къ Успенской слоб. Рублевки, того-же уѣзда, крестьянинъ Теодоръ *Карпенко*; къ Антоніе-Феодосіевской села Купьевахи, того-же уѣзда, крестья-

нинъ Маркъ *Емельяненко*; къ Николаевской села Марьянскаго, того-же уѣзда крестьянинъ Иванъ *Петрошенко*; къ Николаевской слоб. Высокополья, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Коваль*; къ Покровской села Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Савва *Ковтунъ*; къ Георгіевской села Бѣловода, Сумскаго уѣзда, штабсъ-капитанъ Александръ *Савичъ*; къ Рождество-Богородичной села Алексѣевки, того-же уѣзда, землевладелецъ Андрей *Савичъ*; къ Христорождественской ц. слоб. Тимошевки, того же уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Чуруновъ* и къ Васильевской цер. слоб. Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Евсевій Захаровъ сынъ *Канисевъ*.

В а н а н т н ы я м ѣ с т а :

Священническія: 1) въ сел. *Ольховомъ Рогъ*, Изюмскаго уѣзда; 2) въ сел. *Валвенкиномъ*, того-же уѣзда; 3) въ сел. *Масловкѣ*, Зміевскаго уѣзда; 4) въ сел. *Подльсновкѣ*, Сумскаго уѣзда.

Исаломщицкія: 1) Въ сел. *Лиманъ*, Зміевскаго уѣзда; 2) въ заштатномъ гор. *Краснокутскѣ* при Архангело-Михаиловской церкви; 3) въ сл. *Полчковкѣ*, Богодуховскаго уѣзда; 4) въ с. *Бригадировкѣ*, того-же уѣзда; 5) въ с. *Знаменскомъ*, Валковскаго уѣзда; 6) въ с. *Ульяновкѣ*, Сумскаго уѣзда; 7) въ с. *Ольховомъ Рогъ*, Изюмскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводятъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ маѣ мѣсяцѣ сего года поступило: отъ егѡ преосвященства, преосвященнѣйшаго Геннадія епископа Сумскаго викарія Харьковской епархіи 100 руб., собрало настоятелемъ Святогорской Успенской Пустыни отъ разныхъ лицъ 29 р. 60 к., отъ мѣщанина Михаила Жерниченко 3 руб. Итого въ маѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило 132 руб. 60 к. А всего съ поступившими съ 1 января 1884 года 2386 руб. 37 к. Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены Общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* руб., или же одновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ высоконазначенной Невѣсты Великаго Князя Сергія Александровича.—Бракосочетаніе Великаго Князя Сергія Александровича съ Принцессою Елисаветою Теодоровною Гессенскою. — Памятникъ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.—Новые храмы.—Коверъ для храма, построеннаго на мѣстѣ злодѣянія 1-го марта. — Движеніе въ православіе. — Объ изданіи Библии съ иллюстраціями.—Разширеніе программы дѣятельности Тамбовскаго Казанскаго Богородичнаго братства.—Воскресно-повторительныя школы.—О числѣ окончивающихся курсъ въ гимназіяхъ и университетахъ.—О числѣ евреевъ въ гимназіяхъ.—Новыя секты.—Новый духовный журналъ. — Фальсификація восковыхъ свѣчей.—Возстановленіе приходовъ.—Новое благотворительное учрежденіе.—По поводу дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учреждений.—Планъ занятій особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. — Заботы о сохраненіи лѣсовъ.—Инспекція за работами дѣтей на фабрикахъ. — Истребленіе свражковъ.—Страхованіе полей. — Слѣдствія объ урожаѣ. — Фосфориты.—Средство противъ дифтерита.

2-го іюня былъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ высоконазначенной невѣсты Великаго Князя Сергія Александровича. Городъ по этому случаю разукрасился съ ранняго утра, особенно путь слѣдованія шествія. Выдавались убранствомъ и изяществомъ: Николаевскій вокзалъ, дворъ и станція и Знаменская площадь, превращенная въ роскошный коверъ изъ ярко - краснаго песка съ рельефными узорчатыми бордюрами и орлами изъ бѣлаго песка. Роскошно были декорированы: гостинный дворъ, дума, дворцы, многіе магазины и дома частныхъ лицъ. Къ полудню вдоль пути шествія построились войска, у вокзала находился почетный караулъ преображенскаго полка съ знаменемъ и музыкой. При караулѣ находились командиръ полка и Великій Князь Сергій Александровичъ, какъ преображенскій полковникъ; на Знаменской площади расположились части войскъ, входящія въ составъ шествія, далѣе по Невскому до Фонтанки стояла шпалерами первая гвардейская пѣхотная дивизія и два армейскіе баталіона; отъ Фонтанки до Казанскаго моста вторая дивизія, на Казанской площади — полевые жандармы, напротивъ нихъ и далѣе до Дворцовой площади конногвардейцы-кавалергарды, Николаевское кавалерійское училище, гвардейскія казачьи и флотскія части, на самой-же Дворцовой площади стояли армейскіе полки, Вильманстрандскій и Нейшлотскій, и военно-учебныя заведенія. Главный караулъ во дворцѣ былъ отъ Семеновскаго полка, а съ параднаго подъѣзда до дверей аванзалы стояли шпалерами дворцовые гренадеры. Императорскій подъѣздъ подошелъ ровно въ два часа; на дебаркадерѣ его встрѣтили градоначальникъ, комендантъ, оберъ-церемоніймейстеръ, шесть цер-

моніймейстеровъ и имѣвшіе слѣдовать въ шествіи чины двора. При звукахъ народнаго гимна Государь Императоръ изволилъ сѣсть на коня, а Государыня съ высоконазначенной невѣстой въ золоченую карету; всѣ участвовавшіе въ шествіи заняли установленныя въ церемоніалѣ мѣста и поѣздъ тронулся; при крикахъ „ура“ войскъ и народа и звукахъ гимна онъ слѣдовалъ по направленію къ дворцу. Въ 3 часа, при пушечныхъ выстрѣлахъ, высоконазначенная невѣста, члены Августѣйшей Фамиліи и Высокіе гости изволили прибыть въ Зимній дворецъ, гдѣ въ соборѣ были встрѣчены духовникомъ, съ придворнымъ духовенствомъ, и крестомъ и святой водой; оттуда, послѣ краткаго молитвословія, Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили прослѣдовать въ малахитовую гостинную и внутренніе покои.

— 3 іюня, въ 8 час. утра, пять пушечныхъ выстрѣловъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстили жителямъ столицы о наступленіи дня торжества бракосочетанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича съ Принцессою Елисаветою Гессенскою. Во всѣхъ улицахъ, на всѣхъ домахъ развѣваются флаги, во всѣхъ церквахъ столицы совершаются благодарственныя молебствія. Въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ божественную литургію и молебствіе послѣ нея совершалъ преосвященный Сергій, епископъ выборгскій. Послѣ богослуженія цѣлодневный колокольный звонъ вмѣстѣ съ пушечной пальбой извѣщали о совершившейся радости въ Царской Семѣ. Въ 12 часовъ дня начался съѣздъ въ Зимній дворецъ. Залы Александровская, Концертная, Николаевская, Малый аван-залъ, Гербовая и Фельдмаршальская наполнились придворными, военными и гражданскими чинами. Въ соборѣ Зимняго дворца собрались особы дипломатическаго корпуса и члены государственнаго совѣта. Въ половинѣ втораго церемоніальное шествіе вошло въ церковь. Изъ алтаря для встрѣчи Царской Фамиліи вышли высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ съ тремя архіереями, протопресвитеромъ Янышевымъ и придворнымъ духовенствомъ. Первые вошли въ церковь Ихъ Величества Императрица Всероссійская рядомъ съ Королемъ эллиновъ, затѣмъ Государь Императоръ рядомъ съ греческой Королевой, Августѣйшіе Женихъ и Невѣста шли тоже рядомъ. На Ея Высочествѣ высоконазначенной Невѣстѣ было бѣлое платье серебрянаго глазета съ мантией малиноваго цвѣта, подбитой горностаемъ, на головѣ горѣла огнями сквозная брилліантовая корона.

Послѣ встрѣчи Царской Фамиліи протопресвитеръ Янышевъ на-

чалъ обрядъ вѣнчанія. Первыми держали вѣнцы надъ Высочайшими Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и наслѣдный Герцогъ Гессенскій. Вслѣдъ за вѣнчаніемъ митрополитъ съ высшимъ духовенствомъ совершилъ благодарственное молебствіе. Изъ церкви шествіе тѣмъ-же порядкомъ направилось въ Александровскую залу, гдѣ былъ устроенъ алтарь, весь окруженный тропическими растеніями и пасторъ Дальтонъ изъ Анпенской церкви съ двумя ассистентами совершилъ бракосочетаніе по лютеранскому обряду. Послѣ чего Высочайшія Особы, принявъ поздравленіе, возвратились во внутренніе покои.

Въ 5 часовъ дня въ Николаевской залѣ былъ парадный обѣдъ, на который приглашались особы первыхъ трехъ классовъ. Царскій столъ былъ поставленъ покоемъ у входа, вдоль залы шли четыре линіи столовъ. На хорахъ помѣщались оркестръ и хоры русской оперы и музыканты лейбъ-гвардіи финляндскаго полка. Гости сопровождались выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости.

Послѣ обѣда Высочайшія Особы удалились въ золотую гостиную, гдѣ кушали чай.

Въ 8½ часовъ вечера снова начали съѣзжаться къ Зимнему дворцу на куртажъ въ Георгіевскомъ залѣ. Среди раздвигавшейся блестящей стѣны придворныхъ и военныхъ, какъ-бы разрѣзывая ее въ разныхъ направленіяхъ, проходила полонезомъ Императорская Фамилія, предшествуемая оберъ-гофмаршаломъ съ жезломъ. Участвовавшіе въ полонезѣ нѣсколько разъ мѣнялись парами. Къ 10 часамъ балъ окончился; въ половинѣ десятаго Ихъ Высочества Владиміръ Александровичъ и Марія Павловна отправились встрѣчать Высокихъ Новобрачныхъ въ Ихъ новомъ дворцѣ, а въ четверть одиннадцатаго была подана парадная золотая карета для Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ Августѣйшихъ Молодыхъ. Среди наполненной народомъ площади, освѣщаемой бенгальскими огнями, тронулся поѣздъ Высоконовобрачныхъ ко дворцу Ихъ Высочествъ, что у Аничкина моста, домъ бывшихъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ. По всему Невскому горѣли газовыя звѣзды, массы народа стояли по тротуарамъ, оглушительное „ура“ раскатывалось по всему пути... Горѣла иллюминація, пылали бенгальскіе огни. Очень красиво выдѣлялись иллюминированные лампіонами и большими газовыми звѣздами угловые дома на Невскомъ и Морской. Эффектно освѣщалась бенгальскими огнями городская дума и гостинный дворъ. Погода днемъ дождливая, вечеромъ вполне благоприятствовала иллюминаціи и гулянью. („Н. Вр.“)

— По всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, 15 марта сего года воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на открытіе повсемѣстнаго по Россіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровнѣ, съ возложеніемъ организациі сего сбора и завѣдыванія вообще всѣмъ дѣломъ по сооруженію памятника на особый комитетъ, составленный частію изъ лицъ, служащихъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, частію изъ постороннихъ, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть учредить этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, при Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Затѣмъ, 10 сего мая, Государю Императору благоугодно было соизволить на назначеніе членами означеннаго комитета: генералъ-адъютанта, генерала-отъ-кавалеріи Тимашева, почетныхъ опекуновъ: статсъ-секретаря Делянова, тайнаго совѣтника Оома, гофмейстера барона Корфа, тайнаго совѣтника Александра Цфеля, товарища главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, сенатора Герарда, товарищей министровъ: внутреннихъ дѣлъ, сенатора Дурново, и финансовъ—сенатора Николаева, члена Попечительнаго Совѣта заведеній Общественнаго Призрѣнія въ С.-Петербургѣ въ званіи камергера Ордина, с.-петербургскаго городского голову, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Глазунова и ректора Императорской Академіи Художествъ по архитектурѣ, тайнаго совѣтника Резанцова.

Первое засѣданіе комитета происходило 22 сего мая въ квартирѣ предсѣдателя и было посвящено прежде всего обсужденію вопроса о мѣстности, гдѣ памятникъ долженъ быть поставленъ.

По этому поводу было выражено съ одной стороны, что въ виду того, что около собора всѣхъ учебныхъ заведеній сгруппировано нѣсколько учреждений вѣдомства Императрицы Маріи: Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Александровское училище, вдовій домъ, домъ призрѣнія благородныхъ дѣвицъ, градскія богадѣльни, изъ которыхъ нѣкоторыя обязаны своимъ возникновеніемъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а другія получили въ ея время значительное развитіе, было бы всего приличнѣе поставить памятникъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на площади предъ

означенными учреждениями; съ другой же стороны было выражено, что дѣятельность Ея Величества не ограничивалась этими учреждениями, а была несравненно обширнѣе, почему желательно бы поставить ея памятникъ на мѣстѣ болѣе видномъ, гдѣ всякій русскій, посѣщающій Петербургъ, могъ бы свободно лицезрѣть образъ просвѣщеннѣйшей и незабвенной по своей благотворительной дѣятельности Императрицы. Для помѣщенія этого памятника указывается, между прочимъ, Михайловскій скверъ, который по своей центральности представлялъ бы дѣйствительно большія преимущества для такого памятника. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса было отложено до будущихъ засѣданій.

Затѣмъ комитетъ перешелъ къ обсужденію вопроса объ организациі повсемѣстнаго, по всей Россіи, сбора на сооруженіе памятника, и разсмотрѣвъ порядокъ, котораго держался состоявшій равно мѣрно при Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи Высочайше утвержденный комитетъ для сооруженія памятника А. С. Пушкину, нашелъ, что этотъ порядокъ оказался вполне цѣлесообразнымъ и практическимъ, такъ какъ посредствомъ онаго были достигнуты вполне удовлетворительные результаты. Почему и было положено держаться приблизительно того же порядка при организациі сбора на сооруженіе памятника Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и поручено составить соображеніе о томъ, въ какихъ мѣстахъ будетъ установленъ приемъ пожертвованій и чрезъ кого и какими путями онъ повсемѣстно будетъ устроенъ. При сборѣ добровольныхъ пожертвованій на памятникъ Пушкина особенный успѣхъ имѣли сборныя книжки, разосланныя въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ разнымъ лицамъ, преимущественно официальнымъ, для приѣма пожертвованій.

Въ этомъ-же засѣданіи происходили общія сужденія и о порядкѣ составленія программы конкурса на сооруженіе предполагаемаго памятника, но такъ какъ рѣшенію этого вопроса должно предшествовать избраніе мѣста, на которомъ будетъ поставленъ памятникъ и опредѣленіе, хотя приблизительно, стоимости онаго, дальнѣйшее сужденіе по сему предмету отложено до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, въ которое предполагается пригласить, въ качествѣ экспертовъ, нѣсколько художниковъ. Для облегченія-же конкурентовъ положено напечатать извлеченіе изъ имѣющихся данныхъ и свѣдѣній о дѣятельности покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ сферѣ благотворительности и образованія юношества.

Впредь до организациі повсемѣстной подписки на пожертвованія

для сооруженія памятника Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, положено теперь-же открыть такую подписку въ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, у казначея канцеляріи, съ выдачею особыхъ квитанцій на каждую внесенную сумму.

— 20-го мая состоялась торжественная закладка храма въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Александра Александровича и Государыни Маріи Ѳеодоровны, на Петербургской сторонѣ, по Большой Посадской улицѣ. Крестовоздвиженскій храмъ съ двумя придѣлами во имя св. Николая Чудотворца и св. Харитона Исповѣдника строится на добровольныя приношенія на мѣстѣ деревянной церкви тѣхъ-же святыхъ, построенной въ 1746 году и пришедшей въ такую ветхость, что фундаментъ совершенно опустился, отчего все зданіе значительно осѣло; куполь покривился, а въ колокольнѣ замѣтно колебаніе, такъ что даже совершеніе богослуженія сдѣлалось не безопаснымъ. Новый храмъ строится по плану архитектора Щурупова, удостоеннаго Высочайшаго Государя Императора одобренія, и будетъ каменный на 150 квадратныхъ саженьхъ съ однимъ конусообразнымъ куполомъ, высокою каланчею (въ два этажа) съ двумя придѣлами, въ два свѣта: вся постройка обойдется въ 80,000 р., но до сихъ поръ собрано около 50,000 р. Торжество закладки совершалъ преосвященный Іонаанъ, архіепископъ ярославскій, въ сослуженіи съ 20 священниками и протоіереями. Народу собралось много, въ томъ числѣ много высокопоставленныхъ лицъ и все мѣстное купечество съ старостой церкви Щербаковымъ и Л. Ф. Милицинымъ во главѣ. („Нов.“).

— Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ пишутъ отъ 29-го мая: Въ Лодзи сегодня происходитъ великое торжество—освященіе православной Александровской церкви, воздвигнутой на добровольныя приношенія жителей города, въ память 25-ти-лѣтняго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го. Инициатива сооруженія этого храма принадлежитъ нѣсколькимъ мѣстнымъ обывателямъ изъ числа наиболѣе почетныхъ. Желая ознаменовать двадцати-пятилѣтіе столь обильнаго великими дѣлами царствованія, они просили совѣта бывшаго петроковскаго губернатора, какъ употребить предназначенную сумму. И. С. Кахановъ посовѣтовалъ построить православную церковь, дабы „русскій человѣкъ, пріѣхавъ въ Лодзь, могъ гдѣ-нибудь перебрести лобъ“. Принялись за дѣло: оно пошло бойко,—такъ бойко, что сумма, сначала предназначен-

ная для этой цѣли, именно, 36,000 рублей, оказалась недостаточною, и члены комитета увеличили ее впоследствии изъ своихъ средствъ до 80,000 рублей слишкомъ. Членами комитета на постройку церкви св. Александра-Невскаго были гг. Гербстъ, Гейнцель, Громанъ, Мейеръ, Копштегъ, Г. Познанскій, Гейманъ, Штрэнге, Финстеръ и академикъ Маевскій. Послѣдній, состоя лодзинскимъ городскимъ архитекторомъ, безвозмездно составилъ проектъ церкви и постоянно руководилъ ея постройкой, продолжавшейся въ теченіи трехъ лѣтъ, и независимо отъ того пожертвовалъ на ея сооруженіе значительную сумму денегъ. Итакъ, въ Лодзи нынѣ возвышается православная церковь, сооруженная,—это особенно утѣшительно,—на добровольныя пожертвованія, на суммы, собранныя среди мѣстнаго населенія,—и церковь эта по единодушнымъ доходащимъ до газеты отзывамъ, не оставляетъ ничего желать въ отношеніи изящества; при ней уже состоитъ причтъ, Синодъ снабдилъ ее утварью, ризницею, богослужебными книгами и вообще всѣмъ необходимымъ для отправленія богослуженія. Самое-же освященіе новаго храма совершитъ архіепископъ холмско-варшавскій, который благоволитъ пріѣхать для сего въ Лодзь. Кромѣ сооруженія храма, жители Лодзи заявили себя и другимъ уваженія достойнымъ дѣломъ: они согласились между собою на пожертвованныя деньги открыть палату на 30 человекъ при городской больницѣ, причемъ рѣшили испросить соизволеніе Государя Наслѣдника Цесаревича на наименованіе этой палаты Именемъ Его Высочества. Ходатайствовать объ этомъ ѣздила въ Петербургъ особая депутація въ составѣ бургомистра города г. Пенъковскаго и двухъ обывателей. Они имѣли счастье представиться въ Гатчинскомъ дворцѣ Его Императорскому Высочеству, причемъ Государь Наслѣдникъ изволилъ благодарить лодзинское общество за выраженные чувства въ поднесенномъ адресѣ. Освященіе Александро-Невской церкви и палаты Наслѣдника Цесаревича послѣдуетъ въ одинъ день. Присутствовать при этомъ двойномъ торжествѣ будетъ г. главный начальникъ края, а также и бывший петроковскій губернаторъ И. С. Кахановъ.

— Въ „Вѣстникѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста“ читаемъ: Предложеніе управленія с.-петербургскаго центрального склада устроить соединеннымъ трудомъ дамъ Краснаго Креста коверъ для покрытія всего церковнаго помоста храма въ память въ Возѣ почившаго Императора Александра II, на мѣстѣ злодѣянія 1-го марта, сообщенное всѣмъ мѣстнымъ органамъ Общества Краснаго Креста въ 1881 г. было встрѣчено сочувственно дамами Краснаго

Креста—членами мѣстныхъ учрежденій Общества. До 64 мѣстныхъ управленій и комитетовъ приняли участіе въ подпискѣ. Изъ числа выданныхъ 1,006 квитанцій на С.-Петербургъ приходится 70, на мѣстныя управленія и комитеты 914, разнымъ лицамъ, не числящимся въ управленіяхъ и комитетахъ, выдано 22 квитанціи. Всего собрано на изготовленіе ковра 5,536 руб. 14 коп. Самое изготовленіе ковра остаивается за невозможностью точно опредѣлить размѣръ помоста строящагося храма; по полученіи точныхъ свѣдѣній отъ комиссіи, завѣдующей постройкою храма, управленіе центрального склада предполагаетъ приступить къ выполненію своего предположенія.

— По поводу движенія въ православіе въ Курляндской губерніи балтійскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ и прибалтійскіе дѣльцы въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ сферахъ утверждали, что оно вызвано злоредною агитаціею и обѣщаніемъ матеріальныхъ благъ. Пребывавшій въ Ригѣ довольно долгое время, по порученію Оберъ-Прокурора Св. Синода, д. с. с. Кирженевскій имѣлъ случай въ достаточной мѣрѣ убѣдиться, насколько лживы ихъ увѣренія. Въ Эстляндской губерніи, гдѣ недавно было лишь два новыхъ православныхъ прихода, въ настоящее время ихъ уже четыре. Для новообращенныхъ основано болѣе 10 школъ. Преосвященный Донатъ, по свѣдѣніямъ корреспондента „Новаго Времени“, предполагаетъ выѣхать изъ Риги для обзоренія новоучрежденныхъ православныхъ приходовъ.

— Въ „Петерб. Листкѣ“ сообщаютъ, что одинъ изъ арестантовъ, содержащихся въ с.-петербургской пересыльной тюрьмѣ и подлежащій ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, обратился къ подлежащимъ властямъ съ просьбою о разрѣшеніи ему, передъ отправленіемъ въ ссылку, присоединиться къ православію (онъ реформатъ). Въ своей просьбѣ о перемѣнѣ религіи онъ пишетъ слѣдующее: „Осужденный с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ въ далекую Сибирь, въ Иркутскую губернію, и имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду, при сильно покачнувшемся здоровьѣ, я, одолимый уже многіе годы непреодолимымъ желаніемъ къ принятію православія, вслѣдствіе постояннаго посѣщенія мною богослуженія въ православныхъ церквяхъ и обращенія моего среди православнаго общества, обратился къ православному священнику N съ душевною искреннею просьбою: принять меня изъ реформатской вѣры въ лоно православной Церкви и священникъ этотъ, повѣривши мои искреннія убѣжденія, благословилъ меня на задуманное мною намѣреніе, изъявивъ пол-

ную готовность приготовить меня къ предстоящему мнѣ великому таинству присоединенія къ православной Церкви. Къ принятію мною православія, говорится далѣе въ доводахъ арестанта, меня побуждаютъ слѣдующія весьма важныя обстоятельства: непреклонная, глубоко обдуманная воля и истинное, честное, прямое стремленіе души и сердца мое въ силу и могущество православія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая вѣра, что если Господь Богъ сподобитъ меня принять здѣсь православіе на склонѣ моего жизненнаго пути, то и на пути въ далекую Сибирь и въ ней самой, гдѣ-бы я ни былъ, я могу надѣяться на милость Отца Небеснаго, и на то, что онъ пошлетъ мнѣ повсюду отца духовнаго, который приобщитъ меня Святыхъ Таинъ, по правиламъ святой православной Церкви, и дастъ истинное христіанское напутствіе моей душѣ въ тотъ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханій“. Просьба арестанта была уважена и недавно состоялось присоединеніе его къ православію.

— Не такъ давно въ печать проникли слухи объ изданіи Библии съ иллюстраціями, исполненіе которыхъ поручено уже одному изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Молва имѣетъ основаніе, хотя, по словамъ „Худож. Новостей“, рѣшительнаго предложенія художнику еще не сдѣлано. Въ томъ-же журналѣ читаемъ въ статьѣ извѣстнаго художественнаго критика М. Соловьева: „Съ тѣхъ поръ, какъ Библия появилась на общепонятномъ народномъ нарѣчій и стала доступна всѣмъ по цѣнѣ, религіозное мышленіе народа получило сильный толчекъ. Получивъ книгу, которую до тѣхъ поръ онъ только отрывочно слышалъ въ богослуженіи, народъ сталъ читать и по своему толковать ее. Такое самостоятельное отношеніе къ Св. Писанію, конечно, не всегда было согласно съ ученіемъ Церкви. Библия и образъ, религія и искусство утратили въ сознаніи сектантовъ свою извѣчную связь и существуютъ независимо другъ отъ друга, причемъ второе оказывается совершенно ненужнымъ для духовнаго совершенствованія. Вмѣстѣ съ древнимъ богослужебнымъ языкомъ отбрасывается и древнее иконное искусство. Новый, не церковный языкъ Св. Писанія не имѣетъ въ пластическомъ искусствѣ соотвѣтствующихъ формъ. Народному религіозному мышленію грозитъ опасность односторонности, ибо исчезаетъ одинъ изъ главныхъ воспитательныхъ факторовъ—пластика, заглушается одна изъ главныхъ человѣческихъ потребностей—стремленіе къ идеальной красотѣ, къ облагороженію внѣшняго образа. Въ храмѣ Библия была неразрывно связана съ художественнымъ украшеніемъ его,

съ иконою и архитектурою. Нынѣ книга перешла въ частное жилище. Необходимо, чтобы образъ, картина, сохранили свою тѣсную связь съ книгою и послѣдовали съ нею также изъ храма въ частное жилище. Такая связь должна быть крѣпко установлена не только внутреннимъ единствомъ мысли, но и внѣшнимъ образомъ.“ Г. Соловьевъ дѣлаетъ затѣмъ замѣчаніе насчетъ технического выполненія такого замысла: „Въ старыхъ рукописяхъ картины помѣщались въ текстѣ, и было невозможно механически раздѣлить ихъ. Образъ и слово одновременно запечатлѣвались въ умѣ читателя. Необходимо сохранить эту тѣсную связь и при современной иллюстраціи Св. Писанія. Недорогая гравюра или сфортъ, а политипажъ (ксило или цинкографическій) среди текста, по своей сравнительной дешевизнѣ, долженъ быть признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для украшенія книги, судьба которой—никогда не ветшать, не старѣться, и приобрѣтать постоянно расширяющійся кругъ читателей“.

— Въ общемъ собраніи членовъ Тамбовскаго Казанскаго Богородичнаго братства, происходившемъ въ текущемъ мѣсяцѣ, преосвященный Палладій предложилъ сдѣлать существенное дополненіе къ уставу братства, а именно включить въ число обязанностей братства попеченіе объ открытіи и поддержаніи церковно-приходскихъ школъ въ епархіи и вѣѣ богослужебныхъ собесѣдованій духовенства съ народомъ, для чего ассигновать изъ суммъ братства 10 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употреблялись на школы и собесѣдованія. Собраніе вполне согласилось съ предложеніемъ. О томъ, какъ ведутся собесѣдованія въ Тамбовской епархіи, можемъ судить по программамъ, представленнымъ духовенствомъ 1-го тамбовскаго округа. Изъ нихъ видно, что вѣѣбогослужебныя бесѣды не имѣли систематическаго характера, тѣмъ не менѣе пользовались всеобщимъ вниманіемъ населенія и привлекали массу слушателей. Число слушателей, бывшее въ первое время по открытіи бесѣдъ (въ апрѣлѣ 1883 г.)—человѣкъ по 60, въ настоящее время восходитъ до 500 и болѣе въ каждой церкви.

— „Сп. В.“ слышали, что проектъ устава Общества доставленія средствъ по устройству воскресно-повторительныхъ школъ въ селахъ и деревняхъ окончательно разработанъ и представленъ на разсмотрѣніе въ министерство народнаго просвѣщенія. Въ образованіи этого новаго Общества предполагаютъ принять участіе лица вліятельныя и располагающія значительными средствами, что и даетъ поводъ надѣяться на успѣшность будущихъ трудовъ его по распространенію воскресно-народныхъ школъ.

— Сравнивая число лицъ, оканчивавшихъ прежде и оканчивающихъ нынѣ курсъ ученія въ университетахъ и гимназіяхъ, газета „Новое Время“ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Изъ учащихъ въ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ только двое достигаютъ университета, и изъ этихъ двоихъ лишь одинъ оканчиваетъ университетскій курсъ. Кромѣ того, огромное большинство гимназистовъ не оканчиваетъ полного гимназическаго курса и оставляетъ школу съ обрывками знаній, въ качествѣ людей полуобразованныхъ и даже полуграмотныхъ. Между тѣмъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ число оканчивавшихъ полный курсъ гимназистовъ, сравнительно съ общимъ числомъ учившихся въ гимназіяхъ, было значительно выше настоящаго; равнымъ образомъ гораздо большее число студентовъ, вступившихъ въ университетъ, удостоивалось полученія дипломовъ. Сопоставляя громадный нынѣ приливъ учащихъ въ низшіе классы гимназій и прогимназій съ большимъ процентомъ не оканчивающихъ курса гимназистовъ, газета признаетъ, что полный гимназическій курсъ для большинства существенной потребности не составляетъ. Газета сравниваетъ также составъ гимназистовъ 40-хъ и 50-хъ годовъ и нынѣшнихъ. Составъ гимназистовъ по происхожденію измѣнился значительно: тогда какъ въ прежнее время дѣти дворянъ и чиновниковъ составляли преобладающее большинство гимназистовъ, теперь они оказались въ меньшинствѣ и, наоборотъ, сословія непривилегированныя занимаютъ первенствующее мѣсто. Въ полосѣ, открытой для свободнаго водворенія евреевъ; они начинаютъ переполнять гимназіи, внося въ среду учащихъ, въ довольно сильной степени, духъ и понятія, присущія ихъ расѣ.

— Этотъ послѣдній фактъ уже давно занимаетъ педагоговъ и начальства южно-русскихъ гимназій. Корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Новороссійскаго края добылъ официальные, по его словамъ, данныя о числѣ евреевъ въ гимназіяхъ Новороссіи за прошлый 1883 годъ и изъ этихъ данныхъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ. Въ краѣ классическое образованіе получаютъ 3,584 христіанна и 1,640 евреевъ. Имѣя же въ виду, что населяютъ Новороссію почти 3½ милліона христіанъ и лишь менѣе полмилліона евреевъ, мы видимъ, что у первыхъ одинъ гимназистъ приходится на 1,000 жителей, у евреевъ одинъ на 250 душъ. т. е. евреи пользуются среднимъ образованіемъ въ четыре раза шире, чѣмъ христіанское населеніе. Въ прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ евреевъ еще больше: въ первыхъ 45,6%, во вторыхъ 39%. Начиная съ 1873

года, количество евреевъ въ гимназіяхъ увеличивалось съ двойной быстротой сравнительно съ ростомъ числа учениковъ-христіанъ. Въ Новороссійскомъ университетѣ ростъ студентовъ-евреевъ еще поразительнѣе. По словамъ корреспондента, попечитель Одесскаго учебнаго округа, г. Лавровскій, представилъ куда слѣдуетъ записку, въ которой разъясняется, что переполненіе среднихъ учебныхъ заведеній учениками-евреями ведетъ къ губельному вліянію на нравственный складъ учениковъ-христіанъ... Къ этому должно прибавить грубѣйшее отношеніе евреевъ къ предметамъ религіознаго почитанія учениковъ-христіанъ. Дѣло доходитъ до того, что въ классныхъ комнатахъ небезопасно развѣшивать даже картины изъ священной исторіи: ученики-евреи постоянно дѣлаютъ на нихъ самыя возмутительныя надписи.

-- Изъ Бронницкаго уѣзда Московской губерніи въ „Р. К.“ пишутъ: Въ Ашитковской и Усмерской волостяхъ появилось не мало послѣдователей весьма характерной секты „лужковцевъ“, но върованіямъ своимъ ничѣмъ не отличающихся отъ старообрядцевъ, но лишь отвергающихъ новѣйшую раскольникую іерархію австрійско-бѣлокриницкаго происхожденія. Лужковцы чуждаются вообще и другихъ старообрядческихъ сектъ, строго отдѣляясь отъ всякаго посторонняго согласія. Жизнь лужковцы ведутъ замкнутую, а религіозные обряды совершаютъ втайнѣ, остерегаясь всякаго посторонняго глаза. По части исполненія требъ пользуются временно наѣзжающими сюда попами ихняго согласія. Говорятъ, что на всю Европейскую Россію у нихъ имѣется всего лишь два попа. Этому можно и повѣрить, если судить по тому, что „батюшка-попъ“ заглядываетъ къ здѣшнимъ лужковцамъ не болѣе двухъ разъ въ годъ.

— Въ Коломенскомъ уѣздѣ, по словамъ той-же газеты, стала распространяться секта странниковъ. Послѣдователями этого толка являются болѣею частью люди безсемейные, престарѣлыя дѣвкелейницы и т. п. личности, которымъ рѣдко приходится сталкиваться съ общественнымъ строемъ жизни и вообще съ обыденною жизненною обстановкою. Уплата податей, выправка паспортовъ, промышленныхъ свидѣтельствъ считаются странниками за грѣхъ и они стараются избѣгать этого, какъ печати антихристовой. Въ сел. Озерахъ, Хорошевѣ и сосѣднихъ деревняхъ есть уже отпрыски этого ученія.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщается: 19 мая 1884 года преподавателю Воронежской семинаріи, надворному совѣтнику Василю Маврицкому, разрѣшено издавать въ городѣ Воронежѣ,

съ дозволенія предварительной цензуры, еженедѣльный духовный журналъ, подъ названіемъ: „Пастырскій Собесѣдникъ“.

— Въ послѣднее время сильно развился особый видъ фальсификаціи—выдѣлка церковныхъ свѣчей изъ церезина. Этимъ противозаконнымъ промысломъ, по словамъ корреспондента „Моск. Вѣд.“, занимаются и въ Ельцѣ. Здѣсь фальсификаціонная выдѣлка церковныхъ свѣчей изъ австрійскаго церезина продолжается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И не смотря на то, что розничная продажа восковыхъ свѣчей по закону предоставлена исключительно храмамъ, доходами отъ продажи свѣчей покрывающимъ свои неотложныя нужды, церезиновыя свѣчи подъ видомъ сработанныхъ изъ пчелинаго воска въ разносѣ и развозѣ продаются въ городѣ и преимущественно по уѣздамъ. Развозная розничная торговля церезиновыми свѣчами по уѣздамъ производится совершенно открыто, хотя по закону этотъ товаръ подлежитъ конфискаціи въ пользу храмовъ. Чистый пчелиный воскъ не можетъ бороться съ привознымъ церезиномъ, совершенно подавившимъ наше русское пчеловодство. Рублевая пошлина, наложенная два года тому назадъ на церезинъ, вслѣдствіе своей ничтожности, совсѣмъ не оказала помощи дѣлу: церезинъ по прежнему течетъ къ намъ рѣкой, вопреки каноническимъ правиламъ, наводняя и коптя собою православныя храмы. Церезинъ стобитъ почти вдвое (9—10 р. пудъ) дешевле противъ нашего ароматическаго пчелинаго воска, а потому рублевая на пудъ пошлина ничуть не вліяетъ на размѣры фальсификаціонной выработки церковныхъ свѣчей. Общественное мнѣніе всюду настроено противъ употребленія церезина въ нашихъ православныхъ храмахъ. Отдѣльныя учрежденія и отдѣльныя лица, особенно въ послѣднее время, ведутъ эпергическую, хотя и непосильную борьбу, вслѣдствіе чего вотъ уже второй годъ здѣсь появился небольшой спросъ на чистый пчелиный воскъ.

Нужно при этомъ замѣтить, что фальсификаціи церковныхъ свѣчей чрезвычайно искусно производится: такія свѣчи по наружному виду трудно отличаются отъ восковыхъ свѣчей и только при горѣніи обнаруживаются ихъ дурныя свойства—онѣ сильно оплываютъ, выдѣляютъ много копоти, которая портитъ церковныя предметы и, само собою, вредно дѣйствуетъ на здоровье молящихся. Конечно, трудно бороться съ этимъ зломъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ властямъ; необходимо, чтобы общество проникнулось сознаніемъ, что нельзя оскорблять святыню, поощряя корыстныя вождельнія фальсификаторовъ.

— Газета „Новости“ передаетъ слухъ, что въ скоромъ времени ожидается возстановленіе церковныхъ приходо́въ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до 1869 года, когда введена была известная реформа по сокращенію этихъ приходо́въ и штатовъ приходскаго духовенства. Число приходскихъ храмовъ, значительно сокращенное, должно снова увеличиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается возстановить и прежній увеличенный комплектъ духовенства, служащаго при церквахъ. Должность діаконъ, упраздненная реформой 1869 года, вновь возстановляется въ приходскихъ церквахъ. Въ сельскихъ приходо́вахъ діаконы будутъ состоять вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками церковно-приходскихъ школъ, нынѣ учреждаемыхъ духовнымъ начальствомъ при каждой сельской церкви. Такимъ образомъ, съ предполагаемымъ увеличеніемъ числа приходскихъ церквей въ Россіи должно увеличиться и число сельскихъ школъ, устроаемыхъ при церквахъ; открытіе новыхъ приходо́въ представитъ для мѣстнаго населенія всѣ удобства для посѣщенія церковнаго богослуженія, тогда какъ нынѣ, при малочисленности храмовъ и разбросанности сельскихъ селеній, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне лишены возможности ходить въ свою приходскую церковь.

— Въ Петербургѣ, по словамъ газеты „Новости“, предполагается новое благотворительное учрежденіе. По сообщенію газеты, нѣкоторые изъ крупныхъ фабрикантовъ разрабатываютъ въ настоящее время проектъ учрежденія благотворительнаго общества для пособія лицамъ, пострадавшимъ при работахъ на заводахъ и фабрикахъ въ Петербургѣ. Согласно проекту, общество будетъ состоять исключительно изъ членовъ - фабрикантовъ (или ихъ представителей), вносящихъ въ кассу общества по пятидесяти копѣекъ въ годъ за каждаго рабочаго. Постороннія лица, сочувствующія цѣлямъ общества и внесшія въ его кассу не менѣе 1,000 р., признаются почетными членами, но никакого участія въ дѣлахъ общества не принимаютъ. Права дѣйствительныхъ членовъ заключаются въ томъ, что они освобождаются отъ всякой обязанности по вознагражденію пострадавшаго рабочаго, а съ развитіемъ дѣлъ общества и отъ леченія увѣчнаго. Общество—на средства, которыя оно пріобрѣтаетъ отъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, благотворительныхъ спектаклей, пособій отъ города или правительства и пр., принимаетъ на себя заботу и попеченіе о всякомъ пострадавшемъ на заводахъ и фабрикахъ своихъ членовъ; если-же средства позволяютъ, то пособіе оказывается и рабочимъ, не-членамъ об-

щества, но не обязательно. Пособіе можетъ быть, сообразно со средствами общества, весьма различное, но для лишенныхъ возможности продолжать работу оно принимаетъ форму пенсіи, т. е. пожизненнаго пособія какъ самому пострадавшему, такъ и его семейству: женѣ, дѣтямъ и бабкѣ, вдовамъ, не имѣющимъ другихъ сыновей или внуковъ. Если пострадавшій пожелаетъ переселиться на родину, общество входитъ въ соглашеніе съ его сельскимъ начальствомъ и совмѣстно съ послѣднимъ обезпечиваетъ его существованіе. Съ развитіемъ дѣль общества и увеличеніемъ его средствъ въ Петербургѣ, устраиваются исключительно для рабочихъ, пострадавшихъ на фабрикахъ, больницы и богадѣльня. Районъ дѣятельности общества ограничивается Петербургскимъ уѣздомъ. Если фабрикантъ или заводчикъ не пожелаетъ вступить въ число членовъ общества, но захочетъ пользоваться его услугами, то онъ можетъ входить въ частное соглашеніе съ правленіемъ, относительно размѣщенія расходовъ по призрѣнію пострадавшаго. Общество входитъ въ оцѣнку и разработку различныхъ вопросовъ, касающихся улучшенія быта рабочихъ, и для этого можетъ вести различные переговоры съ фабрикантами или ходатайствовать предъ правительствомъ, но всѣ его постановленія отнюдь не имѣютъ ни для кого обязательнаго значенія, даже для самихъ членовъ общества, въ отдѣльности. При обществѣ или его содѣйствіи можетъ, впоследствии, возникнуть ссудо-сберегательная и пенсіонная касса рабочихъ, при участіи, въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, самихъ рабочихъ. Дѣлами общества управляютъ совѣтъ и правленіе, по выбору общихъ собраній, состоящихъ изъ дѣйствительныхъ членовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на фабрикахъ и заводахъ рабочіе весьма часто подвергаются большимъ опасностямъ. Недосмотръ управляющаго машиной, взрывъ какого-нибудь пароваго котла и т. п., часто влекутъ за собою, если не смерть, то искалѣченіе бѣдняка-рабочаго, а затѣмъ бѣдствіе для его семьи, которой онъ былъ кормильцемъ. Въ настоящее время всякій заводчикъ, всякій фабрикантъ, въ случаѣ изувѣченія рабочаго, можетъ отговориться тѣмъ, что случай произошелъ не по его винѣ или его распоряженію, какъ хозяина, и потерпѣвшему рабочему или его семьѣ не съ кого искать вознагражденія за „вредъ и убытки“. Поэтому нельзя не отнестись къ вышеприведенному проекту иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ.

— По поводу дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учреждений, свящ. А. Воздвиженскій сообщаетъ въ „Моск. Церк. Вѣд.“,

въ видѣ примѣра, свѣдѣніе объ успѣшной дѣятельности одного изъ такихъ учрежденій за-границей. Дѣятельность эта оказывается очень оригинальной.

Въ означенномъ благотворительномъ учрежденіи число членовъ неограничено и взносы за право быть членами тоже неограничены,—это дѣло доброй воли каждаго поступающаго въ число членовъ. Даже самый денежный взносъ каждый членъ общества можетъ взять обратно, такъ что можно подумать, что это не благотворительное, а какое-либо частное акціонерное предпріятіе. но это только такъ можетъ представиться на первый взглядъ. Каждый желающій сдѣлаться членомъ этого благотворительнаго учрежденія, безъ соблюденія многихъ формальностей, можетъ вступить въ него во всякое время. По уставу учрежденія, при заявленіи своего желанія онъ долженъ при этомъ объявить, что всѣ деньги будутъ поступать отъ него на имя не лично его, а на имя своего или-же чьего-бы то ни было ребенка обоого пола, одного или нѣсколькихъ, смотря по желанію; но съ тѣмъ, чтобы ребенокъ былъ не старше трехъ мѣсяцевъ отъ рожденія и вносящій даль-бы обязательство дѣлать эти взносы до его совершеннолѣтія въ извѣстные сроки. Объявленіемъ званія, имени, отчества, фамиліи и мѣста жительства ребенка заканчивается формальная сторона дѣла вступленія въ число членовъ. Затѣмъ, вступившій обязуется, при требованіи обратно своихъ денежныхъ взносовъ, каждый разъ представлять законное письменное удостовѣреніе въ томъ, что ребенокъ, на имя котораго поступали отъ него денежные взносы, живъ и совершенно здоровъ. По уставу учрежденія, безъ представленія этого документа, деньги обратно не выдаются. Кроме того, онъ ежегодно въ теченіи января мѣсяца обязуется представить законное письменное удостовѣреніе, что означенный ребенокъ живъ. Лицо, не представившее такого удостовѣренія, лишается на всегда права получить обратно всѣ свои денежные взносы и деньги поступаютъ въ собственность учрежденія. Такимъ образомъ, учрежденіе, руководствуясь естественнымъ принципомъ смертности, составляетъ кассовую прибыль, получаемую отъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые не могли выполнить вышеизложенныхъ обязательствъ. Принимая во вниманіе, что изъ ста рожденныхъ достигаетъ совершеннолѣтія максимумъ, предположимъ, 50 дѣтей, то учрежденіе постоянно будетъ располагать ежегодно увеличивающимся фондомъ для составленія запаснаго капитала, отдѣлять часть на благотворительность дѣтямъ своихъ членовъ и для большаго поощренія денежныхъ поступленій

отъ своихъ членовъ, будетъ имѣть возможность выдавать имъ даже не малый % пропорціонально ихъ денежнымъ взносамъ каждаго въ отдѣльности.

— Правительственныя сообщенія. I. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за 1882 годъ, № 87, напечатанъ одобренный Высочайше утвержденнымъ, 16-го апрѣля 1882 года, журналомъ Комитета министровъ планъ занятій особой комиссiи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.

Планъ этотъ былъ предъявленъ особой комиссiи въ засѣданіи оной 26-го апрѣля того-же года.

Принявъ въ соображеніе недостатокъ такого проекта преобразованій въ мѣстномъ управленіи, который могъ-бы служить исходомъ для сужденій комиссiи, и въ виду невозможности слишкомъ продолжительнаго отвлеченія отъ прямыхъ служебныхъ занятій всѣхъ своихъ членовъ, особая комиссiя пришла, между прочимъ, къ заключенію о практической пользѣ выдѣленія изъ своей среды Совѣщанія для подготовленія способовъ разрѣшенія предстоящихъ къ обсужденію вопросовъ. Совѣщаніе это составилось изъ предсѣдателя комиссiи и изъ заявившихъ свою на то готовность членовъ комиссiи, и въ теченіи 26-ти засѣданій, до 15-го іюня 1882 г., намѣтило въ общихъ чертахъ предварительныя заключенія по всѣмъ вопросамъ, вошедшимъ въ перечень предметовъ занятій комиссiи.

Сужденія Совѣщанія окончательно выяснили трудность и сложность возложенной на комиссiю работы, а также тѣсную взаимную связь всѣхъ частей этой работы. вмѣстѣ съ тѣмъ по отдѣльнымъ вопросамъ выразились различныя мнѣнія, соглашеніе коихъ требовало дальнѣйшихъ разъясненій и сужденій. Приступивъ къ этой послѣдней работѣ осенью 1882 года, Совѣщаніе окончило таковую къ маю мѣсяцу 1883 года, посвятивъ на сіе 52 засѣданія. Въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ составлены были объяснительныя записки къ сдѣланнымъ въ формѣ отдѣльныхъ статей выводамъ изъ бывшихъ сужденій и съ начала осени 1883 года Совѣщаніе приступило къ повѣркѣ изложенія самыхъ статей и объяснительныхъ записокъ. При этомъ совѣщанію пришлось возвращаться къ новому обсужденію вопросовъ по замѣчаніямъ отдѣльныхъ членовъ, возбуждавшихъ нѣкоторыя существенныя сомнѣнія относительно многихъ принятыхъ ими первоначально основаній и предположеній.

Проходя изложенные въ перечнѣ предметовъ занятій особой комиссiи вопросы, Совѣщаніе останавливалось на послѣдовательномъ изученіи современнаго состоянія различныхъ единицъ упра-

вленія и возможныхъ способовъ исправленія замѣченныхъ недостатковъ. При такомъ изученіи Совѣщаніе пользовалось матеріалами упраздненной комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, сенаторскими ревизіями, собранными въ 1881 и 1882 гг. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отзывами мѣстныхъ установленій, ходатайствами земскихъ собраній и городскихъ думъ, поступившими въ особую комиссію записками официальныхъ и частныхъ лицъ, прежними производствами и другими свѣдѣніями. Выводы Совѣщанія заключаютъ въ себѣ какъ изложеніе основныхъ положеній, согласно выразившимся въ средѣ Совѣщанія мнѣніямъ, такъ и вѣкоторое развитіе этихъ положеній, въ той степени, какъ это казалось Совѣщанію необходимымъ для выясненія главныхъ предположеній и для вѣкоторой повѣрки ихъ удобопримѣнимости.

Составившійся такимъ образомъ сводъ положеній не имѣетъ въ виду представить окончательно выработаннаго законопроекта. И по существу, и по формѣ, сдѣланныя намѣтки требуютъ дальнѣйшей разработки и, главное, провѣрки со стороны практической ихъ примѣнимости; но представляя систематическое цѣлое, заключающее въ себѣ проектъ устройства всего мѣстнаго управленія отъ сельскаго общества до губерніи включительно, въ порядкѣ, указанномъ въ перечнѣ предметовъ занятій комиссіи — предположенія Совѣщанія могутъ служить, какъ это и имѣлось въ виду особой комиссіей, исходными началами для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ и восполняютъ, такимъ образомъ, существовавшій недостатокъ общаго плана преобразованій.

Нынѣ предположенія Совѣщанія подлежатъ внесенію на разсмотрѣніе особой комиссіи въ полномъ ея составѣ, и статсъ-секретарь Кахановъ, руководствуясь Высочайшими указаніями, данными при учрежденіи комиссіи, вступалъ въ соглашеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, по вопросу объ усиленіи состава комиссіи мѣстными дѣятелями, практически знакомыми съ дѣйствующимъ порядкомъ.

По состоявшемуся по сему предмету соглашенію, въ составъ особой комиссіи приглашены нынѣ 15 лицъ изъ числа губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Въ усиленномъ мѣстными дѣятелями составѣ, комиссіи предстоитъ, по предварительномъ соображеніи работъ Совѣщанія, приступить къ составленію законопроектовъ. Засѣданія предположено открыть по истеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ текущаго 1884 года.

II. Всемирно озабочиваясь возвышеніемъ значенія государственной службы, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: обсудить въ Комитетѣ министровъ вопросъ о воспрещеніи лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, занимать должности въ частныхъ обществахъ и кредитныхъ установленіяхъ. Нынѣ, по разсмотрѣніи журнала по сему дѣлу Комитета министровъ, Его Императорское Величество, преподавъ Высочайшія указанія относительно несовмѣстимости нѣкоторыхъ высшихъ званій и должностей съ занятіями въ правленіяхъ и совѣтахъ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществъ и товариществъ, а равно съ участіемъ въ учрежденіи означенныхъ обществъ и товариществъ, 9-го сего мая мѣсяца, Высочайше повелѣлъ главноуправляющему кодификаціоннымъ отдѣломъ, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, разработать проектъ общаго ограничительнаго постановленія касательно несовмѣстимости государственной службы съ занятіями въ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществахъ и товариществахъ, а равно съ учредительствомъ таковыхъ обществъ, при допущеніи тѣхъ изъятій, кои окажутся возможными, по ближайшемъ обсужденіи изъясненнаго предмета.

— Правительство въ послѣднее время обратило особое вниманіе на сбереженіе лѣсовъ, имѣющихъ столь важное значеніе въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, и готовитъ новые законы относительно этого предмета. Новый лѣсной законопроектъ, какъ сообщаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, окончательно выработанъ и внесенъ на разсмотрѣніе и утвержденіе государственнаго совѣта въ законодательномъ порядкѣ. При проектѣ находится объяснительная записка, въ которой министръ государственныхъ имуществъ, характеризуя печальное состояніе у насъ лѣснаго хозяйства, находитъ, что въ интересахъ благосостоянія страны необходимо съ одной стороны оградить существующія лѣса отъ дальнѣйшаго истребленія, а съ другой — принять энергическія мѣры къ облѣсенію оголенныхъ пространствъ. Съ этою цѣлью всѣ лѣса Имперіи будутъ раздѣлены на двѣ категоріи: а) на безусловно подлежащія сохраненію въ виду общегосударственныхъ и мѣстныхъ интересовъ и б) на лѣса, въ которыхъ рубка должна быть ограничена извѣстными размѣрами и съ непремѣннымъ условіемъ, что оголенные пространства были засѣяны. Рядомъ съ этими охранительными мѣрами предлагается установить рядъ поощрительныхъ мѣръ къ развитію лѣснаго хозяйства въ Имперіи. Къ числу этихъ мѣръ предполагается отнести: 1) освобожденіе отъ уплаты госу-

дарственного поземельнаго сбора на 20 лѣтъ всѣхъ искусственно разведенныхъ лѣсовъ, если они будутъ освобождены отъ земскихъ или сословныхъ налоговъ земскими собраніями и сословными учрежденіями; 2) назначеніе денежныхъ премій и медалей для усовершенствованія культуры лѣсовъ.

— Какъ извѣстно, при изданіи закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ было рѣшено учредить особую правительственную инспекцію для надзора какъ за работами дѣтей, трудящихся въ промышленныхъ заведеніяхъ, такъ и за обученіемъ ихъ въ школахъ и правильнымъ посѣщеніемъ ими послѣднихъ. Вопросъ объ организаціи этой инспекціи, безъ которой законъ, ограждающій интересы малолѣтнихъ рабочихъ, неминуемо остался-бы мертвою буквою, былъ порученъ министерству финансовъ, выработавшему нынѣ соотвѣтственный проектъ этого учрежденія. Завѣдываніе всею фабричною инспекціею будетъ возложено на главнаго инспектора; мѣстности-же, подлежащія надзору инспекціи, будутъ раздѣлены на девять округовъ. Въ Харьковскій округъ будутъ входить губерніи: Харьковская, Екатеринославская, Черниговская, Полтавская и Донская область.

— Выдача преміи за истребленіе овражковъ въ Харьковскомъ уѣздѣ введена земствомъ въ 1880 году. Изъ данныхъ, имѣющихся въ Харьковской уѣздной земской управѣ, оказывается, что въ 1880 году выдано земствомъ преміи только за 43 истребленныхъ овражка. Въ 1881 году уже такой преміи выдано за 15,700 овражковъ, преимущественно волостямъ: Харьковской за 7000 и Циркуновской за 6600 шт. Въ 1882 году уплачено преміи за 65,370 истребленныхъ овражковъ, а именно волостямъ: Харьковской за 33,000, Роганской за 13,000, Липецкой за 11,000, Циркуновской за 5000, и за остальные по ровну Непокрытынской, Золочевской и Одноробовской волостямъ.

Въ 1883 г. преміи выдано за 48,600 овражковъ, а именно волостямъ: Харьковской за 23,000, Липецкой за 9000, Золочевской за 5500, Роганской за 5000, а за остальные по ровну Одноробовской, Веселовской, Циркуновской и Непокрытынской волостямъ.

Въ текущемъ 1884 году, благодаря увеличенію преміи и отчасти изобрѣтенію машинокъ для ловли овражковъ, истребленіе ихъ въ Харьковскомъ уѣздѣ производится гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, что усматривается изъ слѣдующаго. Съ 15 апрѣля по 1 іюня выдано уже преміи за 146,000 истребленныхъ овражковъ, а именно волостямъ: Липецкой за 53,000, Золо-

чевской за 29,000, Карасевской за 24,000, Удянской за 13,000, Роганской за 12,500, Харьковской за 8500, Веселовской за 4000 и Циркуновской за 2000. Кроме того, послѣ 1-го іюня доставлено свѣдѣніе объ уничтоженіи еще въ волостяхъ: Золочевской 26,000, Одноробовской 8000 и въ Удянской 4000 овражковъ, Харьковской 2600, Карасевской 2500.

Если принять во вниманіе, что истребленіе овражковъ, по примѣру прошлаго года, будетъ продолжаться до половины октября, то къ концу настоящаго года количество уничтоженныхъ овражковъ составитъ весьма почтенную цифру и затрата денегъ уѣзднымъ земствомъ на выдачу преміи въ нѣсколько разъ превыситъ ассигнованную на этотъ предметъ сумму въ количествѣ 1500 руб.

— Вопросъ о страхованіи полей отъ градобитія, замирая послѣ уборки хлѣба, возникаетъ снова каждое лѣто, лишь подымутся хлѣба въ полѣ. До сихъ поръ мы имѣемъ одно московское взаимное общество страхованіи отъ градобитій, кругъ дѣятельности котораго пока ограниченъ. Интересно, какъ развивается это общество и удовлетворяетъ-ли оно потребностямъ всѣхъ землевладѣльцевъ въ страхованіи? На это отрицательный отвѣтъ даютъ „Пенз. Вѣд.“

Большинство землевладѣльцевъ до сихъ поръ остается подъ страхомъ потерь отъ градобитій, опасаясь примкнуть и прибѣгнуть къ услугамъ образовавшагося общества страхованія; примкнувшіе-же начинаютъ тяготиться защитой взаимнаго страховаго общества. Дѣло въ томъ, что послѣднее съ каждымъ годомъ увеличиваетъ размѣръ страховыхъ премій, а въ нынѣшнемъ году обложило и взыскиваетъ съ cadaго изъ своихъ членовъ по 1% съ прошлогодней страховой суммы на покрытіе убытковъ, сумма которыхъ въ минувшемъ году превысила какъ полученные обществомъ за этотъ годъ страховыя преміи, такъ и всѣ наличныя средства, предназначенныя на возмѣщеніе потерь отъ градобитій. Пойдетъ-ли потомъ, въ слѣдующіе годы, дѣло взаимнаго страхованія лучше — неизвѣстно; но какъ-бы ни было, а неудача его въ первые годы существованія едва-ли въ состояніи расположить кого-либо вновь въ его пользу и въ особенности крестьянъ, болѣе чѣмъ кто-либо нуждающихся въ защитѣ отъ градобитій.

Сообщая эти неутѣшительныя свѣдѣнія, газета проектируетъ учрежденіе земскихъ противъ градобитія страховыхъ обществъ. Исходя изъ того, что частное общество вынуждено содержать множество агентовъ, платить имъ содержаніе и содержать дорого стоящее правленіе, газета приходитъ къ заключенію, что земство, по

крайней мѣрѣ на первое время, могло-бы значительно сократить эти траты и даже вовсе обойтись безъ нихъ, и такъ или иначе свести концы съ концами по страхованію. А для развитія дѣла, какъ показываетъ опытъ взаимнаго городского страхованія имущества отъ огня, это именно и нужно.

Все это такъ, но упущено изъ виду важное обстоятельство, что страхованіе отъ градобитія можетъ существовать безубыточно только тогда, когда распространяется на обширный районъ, а земства вѣдаютъ территорію лишь одной губерніи. Нѣсколько крупныхъ градобитій въ одной и той-же губерніи можетъ привести земское страхованіе этой губерніи къ полному банкротству.

— Официальныя свѣдѣнія объ урожаѣ отъ 21 мая: въ Архангельской губерніи озимые хлѣба зеленѣютъ, къ посѣву яровыхъ не приступлено; въ Вологодской—озимые удовлетворительны, посѣвъ яровыхъ продолжается; въ Петербургской—озими посредственны, посѣвъ яровыхъ вообще начался; въ Новгородской—озими пострадали, въ Псковской—посредственны, въ Московской—озимыя поля перепахиваютъ подъ яровыя, въ Тверской—озими неудовлетворительны, посѣвъ яровыхъ начался только на возвышенныхъ мѣстахъ; въ Тульской—ростъ озими замедлился, въ Тамбовской и Ярославской—озими вообще удовлетворительны, посѣвъ яровыхъ неоконченъ; въ Курской—хлѣба не вполне удовлетворительны, въ Костромской—ростъ озимей остановился, въ Калужской—озими отчасти плохи, отчасти удовлетворительны, посѣвъ яровыхъ еще не началъ повсемѣстно; въ Рязанской—озими отчасти удовлетворительны, отчасти посредственны, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ яровые удовлетворительны, посѣвъ другихъ продолжается; въ Орловской—рожь и пшеница низки, порѣдѣли; въ Владимірской—озими повсемѣстно удовлетворительны, обработка яровыхъ полей продолжается съ трудомъ, вслѣдствіе разгрязненной почвы; въ Смоленской—озими неудовлетворительны, обработка яровыхъ полей не окончена; въ Воронежской—ростъ озимей туго, посѣвъ яровыхъ не оконченъ, въ Кіевской—озими и яровые отчасти удовлетворительны, отчасти слабы; въ Полтавской—озими плохи, посѣвы окончены; въ Екатеринославской—озими и яровые остановились въ ростѣ; въ Харьковской—хлѣба неудовлетворительны; въ Херсонской—значительно пострадали; въ Черниговской—отчасти удовлетворительны, отчасти посредственны; въ Таврической—отчасти плохи, отчасти посредственны; въ Пензенской—озими повсемѣстно хороши, всходы яровыхъ удовлетворительны; въ Уфимской—озими хороши, посѣвъ яровыхъ

не окончень, въ Казанской—всходы озимыхъ обильны, густы, посѣвъ яровыхъ продолжается, въ Нижегородской—озими повсемѣстно удовлетворительны, посѣвъ яровыхъ задерживается погодою; въ Саратовской—озими повсемѣстно хороши, посѣвъ яровыхъ окончень, въ Симбирской и Самарской—озими большею частью хороши, въ первой посѣвъ яровыхъ идетъ медленно, въ послѣдней окончень; въ Астраханской—озими и яровые хороши, въ Оренбургской—озими посредственны, посѣвъ яровыхъ начался поздно; въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ также въ Привислянскомъ краѣ виды на урожай вообще удовлетворительны, въ Бессарабіи—отчасти плохи, въ Курляндской—хороши, въ Эстляндской—плохи, въ Лифляндской—вообще посредственны.

— Въ Харьковѣ теперь насчитывается до 110 тысячъ жителей. Изъ этого числа, только 43 человѣка состоятъ членами общества призрѣнія безпріютныхъ сиротъ и въ совокупности взносятъ 389 р. въ годъ, а на попеченіи общества находится болѣе 1,000 дѣтей, на которыхъ требуется израсходовать до 30,000 руб. въ годъ.— Наши земство и городъ не остаются глухи къ нуждамъ несчастныхъ бездомныхъ малютокъ: земство даетъ 19 т. руб., а городъ 3 т. руб. въ годъ. Но все это вмѣстѣ не можетъ покрыть расходъ общества. Равнодушіе нашихъ жителей къ задачѣ общества поразительно, въ особенности если сравнить число членовъ этого общества съ числомъ членовъ другихъ обществъ. У общества исправительныхъ пріютовъ 370 членовъ. У общества покровительства животнымъ 160 членовъ. У общества-же призрѣнія сиротъ всего 43 члена. Малолѣтніе преступники вербуются изъ сиротъ. Неужели надо ждать того времени, когда сирота впадетъ въ преступленіе, и тогда явиться къ нему на помощь. Не-ужь-то животныя заслуживаютъ болѣе заботы съ нашей стороны, нежели лишенные пріюта дѣти?

— Мы достаточно уже привыкли къ сѣтованіямъ на нераціональное веденіе у насъ сельскаго хозяйства. Нерѣдко приходится выслушивать укоризны, что мы не умѣемъ помогать нашей кормилицѣ землѣ доставлять то количество продуктовъ, на которое можетъ рассчитывать наша, по преимуществу, земледѣльческая страна. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ усовершенствованія земледѣлія первое мѣсто занимаетъ вопросъ объ удобреніи почвы. Благодаря позднѣйшимъ успѣхамъ земледѣльской химіи найдены, кромѣ навознаго, еще другія удобрения. Оказывается, что такихъ способовъ удобренія у насъ подъ руками много и мы только не умѣемъ ихъ эксплуатировать. Къ такимъ способамъ безспорно принадлежатъ фосфориты.

Нынѣ, по словамъ „Моск. Вѣд.“, выяснено, что залежи фосфоритовъ занимаютъ въ Россіи болѣе 20 миллионъ десятинъ въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Рязанской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской, Симбирской, Смоленской, Нижегородской, Московской, Кіевской и Каменецъ-Подольской. Содержаніе фосфорнокислой извести въ нихъ колеблется отъ 6 до 60%. Лучшіе фосфориты подольскіе. Первый заводъ для разработки этихъ неисчислимыхъ богатствъ былъ устроенъ въ 1868 году близъ Курска гг. Хитрово, Суеловымъ и Антроповымъ; но онъ просуществовалъ только три года. Одновременно съ нимъ этимъ дѣломъ занялся заводъ Шмидта въ Ригѣ, существующій и доселѣ. Въ 1872 году, въ селѣ Усколовѣ, Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, былъ открытъ новый заводъ для переработки фосфоритовъ, но по недостатку покупателей онъ вскорѣ прекратилъ дѣло. Теперь фосфоритные заводы сосредоточиваются почти исключительно въ Прибалтійскомъ краѣ. Такимъ образомъ Россія, обладая громаднѣйшими богатствами въ видѣ залежей фосфоритовъ на 20 миллионѣхъ десятинъ, почти вовсе не пользуется ими для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Фосфориты въ иныхъ мѣстахъ и доселѣ цѣнятся у насъ наравнѣ съ простымъ булыжникомъ. Мы отдаемъ англичанамъ лучшій изъ нашихъ фосфоритовъ, подольскій, почти за безцѣнокъ. По словамъ г. Долинскаго, въ Подольской губерніи, въ долинѣ р. Днѣстра, у каждаго шинкаря есть громадныя склады фосфоритовъ, которые скупаются у крестьянъ по 3 коп. за пудъ и затѣмъ продаются англійскимъ агентамъ по 10 к. за пудъ. По слухамъ, въ прошломъ году кіевскими конторами отправлено въ Англію фосфоритовъ до 6.000,000 пудовъ. Въ началѣ прошлаго же года англичане заключили съ графомъ Дунинымъ-Вансовичемъ контрактъ на ежегодный вывозъ до 1,000 вагоновъ фосфоритовъ, то-есть до 600,000 пудовъ. Этимъ количествомъ фосфорита можно удобрить 30,000 десятинъ пшеничныхъ полей. Полагая, что подольскій фосфоритъ возвысилъ бы урожай только на 3½ четверти зерна съ десятины, мы получили бы лишнѣхъ 1.000,000 пуд. пшеницы, или около (десяти?) миллион. р. Между тѣмъ этотъ же самый товаръ отпускается англичанамъ по 10 коп. пудъ, т. е. всего за 60,000 руб. Такимъ образомъ, мы отпускаемъ товаръ почти въ 17 разъ ниже его дѣйствительной стоимости, а если взять въ расчетъ курсъ, то гораздо болѣе.

Итакъ, одинъ изъ природныхъ источниковъ нашего богатства ускользаетъ изъ нашихъ рукъ. Наши природныя туки, за безцѣнокъ, идутъ на удобреніе чужеземныхъ полей, а мы жалуемся на оскудѣніе нашихъ полей, на наши недороды ..

— Норвежскій врачъ Дельтиль изобрѣлъ новое средство противъ дифтерита. Академія наукъ, по извѣстіямъ „Всемир. Иллюстр.“, сообщаетъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Извѣстно, что дифтеритъ образуетъ выпоть, называемый ложной пленкой, которая часто покрываетъ пузырьками даже легкія. Докторъ Дельтиль замѣтилъ, что эти нарывчики исчезаютъ очень скоро вслѣдствіе прикосновенія къ нимъ испаренія дегтя или терпентинной эссенціи и, основываясь на этомъ наблюденіи, излечилъ уже нѣсколько дѣтей, заболѣвшихъ дифтеритомъ, не исключая такихъ, отъ которыхъ уже отказались другіе доктора. Даже послѣ расчѣченія дыхательнаго горла заболѣваго, зажигають въ его комнатѣ смѣсь смолы и терпентина, комната мгновенно наполняется клубами чернаго густаго дыма, до того затемняя воздухъ, что находящіеся въ той комнатѣ едва могутъ видѣть другъ друга, хотя не испытываютъ отъ того удушья и безпокойства. Дитя усиленно и съ удовольствіемъ вдыхаетъ смолистый воздухъ, живительную силу котораго оно чувствуетъ. Докторъ Дельтиль въ то время мажетъ горло больнаго дитяти растворомъ каменно-угольной смолы въ известковой водѣ. Въ 2—4 дня дитя совершенно выздоравливаетъ. Эти окуриванія служатъ не только лекарствомъ для больнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дезинфекціоннымъ средствомъ“.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

отъ Совѣта общества Любителей церковнаго пѣнія.

вышла въ свѣтъ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КРУГА ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ

обычнаго напѣва Московской епархіи,

заключающая въ себѣ пѣснопѣнія Св. Четырдесятницы и Страстной седмицы. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб. Получать можно въ канцеляріи Общества, въ Боголюбленскомъ монастырѣ, у книгопродавца Ферапонтова, на Никольской улицѣ, и у Мейкова, на Кузнецкомъ мосту. Тамъ-же продаются первая и вторая части означеннаго изданія, стояція: 1-я часть „Всепощное бдѣніе“ — 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к., 2-я часть „Ирмосы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ съ тропарями“ — 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.